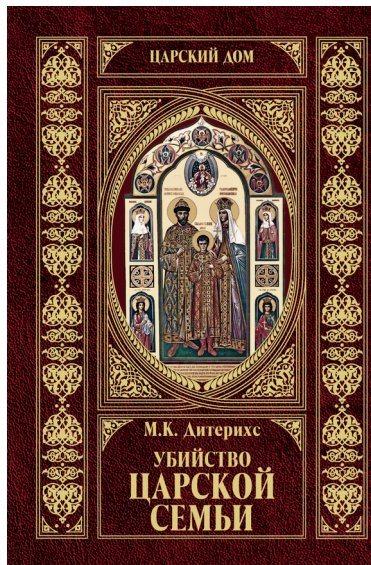

Михаил Константинович Дитерихс
Убийство Царской Семьи и
членов Романовых на Урале
Серия «Царский Дом»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653506

Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале: Вече; Москва; 2007

ISBN 978-5-9533-3089-3, 978-5-4444-8322-0

Аннотация

Генерал М.К. Дитерихс (1874–1937) – активный участник Русско-японской и Первой мировой войн, а также многих событий Гражданской войны в России. Летом 1922 года на Земском соборе во Владивостоке Дитерихс был избран правителем Приморья и воеводой Земской рати. Дитерихс сыграл важную роль в расследовании преступления, совершенного в Екатеринбурге 17 июля 1918 года, – убийства Царской Семьи. Его книга об этом злодеянии еще при жизни автора стала библиографической редкостью. Дитерихс первым пришел к выводу, что цареубийство произошло из-за глубокого раскола власти и общества, отсутствия чувства государственности и патриотизма у так называемой общественности, у «бояр-западников». Все это привело к Февралю и Октябрю 1917 года, а затем и к цареубийству. Но подлинная трагедия династии заключалась, по мнению автора, в том, что ей отказал в верности сам русский народ, нарушивший крестное целование, данное на Земском соборе 1613 года.

Содержание

Генерал Дитерихс и его книга	5
Часть I	9
Предисловие	9
Глава I	18
Освобождение Екатеринбурга	18
Белогвардейские заговоры	32
Работа офицеров	52
Военно-уголовный розыск	59
Начало следствия	74
Выводы первого периода расследования и следствия	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Михаил Константинович Дитерихс Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Генерал Дитерихс и его книга

Генерал Михаил Константинович Дитерихс сыграл важную роль в раскрытии преступления, совершенного в Екатеринбурге 17 июля 1918 года, – убийства Царской Семьи. Его книга об этом злодеянии еще при жизни автора стала библиографической редкостью. И неудивительно: книга содержит богатый фактический материал и дает возможность иначе взглянуть на одно из самых трагических событий в истории России.

Михаил Константинович Дитерихс родился 5 апреля 1874 года в Санкт-Петербурге. (Его отец, Константин Александрович, – один из талантливых военачальников времен Кавказской войны). После завершения курса Пажеского корпуса служил в Туркестане. В 1900 году окончил Николаевскую Академию Генерального штаба; служил на штабных должностях в частях Московского военного округа. Первой военной кампанией для Дитерихса стала Русско-японская война. За участие в боях под Ляояном Дитерихс был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (сентябрь 1904 г.). В феврале 1905 года отмечен орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (за «дела» при реке Шахэ, где он постоянно выезжал для связи с соседними частями). За участие в битве под Мукденом (февраль 1905 г.) Дитерихс получил орден Св. Станислава 2-й степени с мечами. Будучи врио начальника штаба 17-го армейского корпуса, Дитерихс, не поддаваясь панике и хаосу, смог организовать планомерный отход частей с мукденских позиций. Война завершилась для него производством в подполковники и награждением орденом Св. Анны 2-й степени с мечами...

Далее Дитерихс служил в Московском, Одесском и Киевском военных округах. Был произведен в полковники; занял должность начальника отделения в Мобилизационном отделе Главного управления Генерального штаба. С началом Первой мировой войны Дитерихс вернулся в Киевский военный округ, став начальником Оперативного отделения штаба Юго-Западного фронта. Этот фронт должен был наносить главный удар по Карпатам и затем по Венгерской равнине; от успеха его операций во многом зависел успех всей войны. С осени 1914 года Дитерихс занимал должности врио генерал-квартирмейстера штаба фронта, и.о. начальника штаба, затем генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии; с марта 1915 г. – и.о. генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта.

Но вместо ожидаемого наступления русских армий по всему фронту последовал страшный контрудар австро-немецких войск – так называемый Горлицкий прорыв. Генерал-квартирмейстерская часть Юго-Западного фронта делала все возможное, чтобы задержать противника. Дитерихс принимал, анализировал донесения от различных воинских частей, стремился наладить оперативное взаимодействие различных частей фронта, провести отступление максимально планомерно. Высочайшим Указом от 28 мая 1915 года «за отличную службу и труды военного времени» Дитерихс был произведен в генерал-майоры. А 8 октября 1915 года «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий» он был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами.

В декабре 1915 года командование армиями Юго-Западного фронта принял генерал-адъютант А.А. Брусилов. Он поручил Дитерихсу разработку планов контрнаступления Юго-Западного фронта в 1916 году, которое войдет в историю как Брусиловский прорыв. Правда, увидеть результаты своего плана Михаилу Константиновичу не довелось. В мае месяце, в разгар боев, было объявлено, что генерал-майор Дитерихс отправляется к новому месту службы – на Салоникский фронт, где ему предстояло стать начальником 2-й Особой пехотной бригады, входившей в состав межсоюзнических воинских контингентов на Балканах. За бои под городом Монастырь Дитерихс получил орден Св. Владимира 2-й степени с мечами, а также удостоился высшей награды Франции – ордена Почетного легиона.

Летом 1917 года Дитерихс вернулся в Россию. Его встретила уже совершенно другая страна – опьяненная дурманом послефевральской «свободы». Широко разрекламированное июньское наступление окончилось полным провалом. Все разваливалось прямо на глазах, различные политические силы стремились перетянуть военных на свою сторону. Между тем при Временном правительстве Дитерихс успел получить заметное повышение по службе: чин генерал-лейтенанта и должность генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего (сентябрь 1917 г.). Из-за развала фронта военные задачи становились весьма отдаленными, важнее было подготовиться к борьбе против «внутренних врагов». После большевистского Октябрьского переворота, бегства Керенского с поста главковерха, коротких переговоров с Совнаркомом Дитерихс, не желая иметь ничего общего с новой властью, приказом по Управлению сложил с себя обязанности генерал-квартирмейстера (8 ноября).

Следующий этап деятельности Дитерихса связан с Чехословацким корпусом. В ноябрьские дни 1917 года части корпуса вели бои в Киеве. Дитерихс тогда принял должность начальника штаба корпуса. После подписания большевиками Брестского мира с Германией началась эвакуация корпуса по Транссибирской магистрали. Следуя с головным эшелоном корпуса, Дитерихс прибыл в начале июня 1918 года во Владивосток. Вскоре город был очищен от сторонников советской власти. Одновременно образовалась специальная Владивостокская группа, командование которой принял Дитерихс. Группа начала продвигаться по линии Транссиба, имея стратегическую задачу – объединиться с частями Чехословацкого корпуса в Сибири и формированиями забайкальских казаков под командованием полковника Г.М. Семенова и Сибирской армии полковника А.Н. Пепеляева. После ряда боев с красными частями к концу августа Владивостокская группа соединилась с Восточной группой, сражавшейся в Забайкалье. Было создано единое командование Дальневосточной группы.

В октябре Дитерихс приехал в Уфу, где начинала свою работу Директория – первое все-российское правительство антибольшевистских сил. Но век ее оказался недолгим. 18 ноября 1918 года в Омске Совет министров призвал вице-адмирала А.В. Колчака к власти Верховного правителя России. Директория была свергнута, и высшая власть на территории белой России отныне принадлежала одному лицу. После объединения всех имевшихся вооруженных сил был создан Западный фронт в составе Екатеринбургской, Камской и Самарской групп белых армий, а также союзных им чехословацких, сербских и других частей, воевавших на Урале. Михаил Константинович Дитерихс с января до середины февраля 1919 года был начальником штаба фронта, планируя операции на Уфимском направлении, а затем врид командующего фронтом. А в ноябре-декабре 1918 года он возглавлял располагавшуюся в Челябинске генерал-квартирмейстерскую часть.

Специальным предписанием Верховного правителя от 17 января 1919 года на Дитерихса возлагалось «общее руководство по расследованию и следствию по делу об убийстве на Урале Членов Августейшей Семьи и других Членов Дома Романовых». Почему руководить расследованием стал именно Дитерихс? Во-первых, в связи с расформированием Западного фронта и созданием на его основе трех отдельных армий генерал оставил свои фронтовые обязанности. Во-вторых, Колчаку были известны как монархические симпатии Дитерихса, так и его невероятное трудолюбие, стремление скрупулезно вникать во все детали порученного дела. Уже 2 февраля, после предварительного ознакомления с материалами следствия, Дитерихс доложил Колчаку, что расследование необходимо систематизировать, разбить следственные действия на ряд отдельных направлений. В качестве человека, способного профессионально разобраться в обстоятельствах дела, Дитерихсу был представлен недавно перешедший линию фронта судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда Н.А. Соколов. 2 февраля Соколов был представлен Колчаку, и с 6 февраля ему поручалась непосредственная работа по ведению расследования.

Получив новое назначение и отправляясь на фронт, Дитерихс продолжал контролировать ход следствия. При его содействии Соколов получил специальный вагон, в котором жил и работал на станции в Екатеринбурге. К работе периодически подключались офицеры контрразведывательного отделения Восточного фронта. Раскопки в лесу и их охрану выполняли солдаты Сибирской армии. Всего же в следствии принимали участие более тысячи человек. По инициативе Дитерихса в начале июня начались раскопки непосредственно на Коптяковской дороге, в урочище Ганина Яма. Раскопки шли вплоть до сдачи Екатеринбурга красным войскам в июле месяце (почти через год после гибели Царской Семьи!).

В июле – ноябре 1919 года Дитерихс занимал должность Главнокомандующего армиями Восточного фронта (а с августа выполнял также обязанности военного министра). Однако численное превосходство красных не позволяло остановить их продвижение на восток. Колчак не принял план Дитерихса, предлагавшего отвести войска в тыл, за Иртыш (даже ценой потери Омска), чтобы пополнить их, дать им отдохнуть, а затем нанести удар по противнику из глубины одновременно и на широком фронте.

После поражения адмирала Колчака и фактического разгрома Белой Сибири Дитерихс выехал в Харбин. Чувство долга перед памятью Царя-Мученика побудило Дитерихса незамедлительно приступить к работе над книгой, основанной на имевшихся у него копиях материалов следствия. В течение 1920–1921 годов он написал свой труд «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале» (издан в 1922 г. во Владивостоке). Дитерихс первым пришел к выводу, что цареубийство произошло из-за глубокого раскола власти и общества, отсутствия чувства государственности и патриотизма у так называемой «общественности», у «бояр-западников». Все это привело к Февралю и Октябрю 1917 года, а затем и к цареубийству. Но Дитерихс отнюдь не стремился переложить всю вину на деятелей Временного правительства, не искал корни некоего «масонского заговора». Трагедия династии заключалась, по его мнению, в том, что ей отказал в верности сам русский народ, нарушивший крестное целование, данное на Земском соборе 1613 года. Народу заморочили голову демагогией, распространяемой сперва «боярами-западниками», а затем левыми радикалами-большевиками. Если бы русский народ сохранил верность клятве 1613 года и оттолкнул от себя демагогов типа Милюкова, Ленина, Троцкого, то можно было бы избежать революционных потрясений и цареубийства.

Летом 1922 года Южное Приморье оставалось единственной свободной от большевиков территорией России. Правительство братьев Меркуловых решило распустить Народное собрание и предложило найти способы к наибольшему объединению всех национальных сил. Выбор тех, кому можно было передать власть, возлагался на Земский собор – представительный орган, созданный не по партийно-политическому, а по сословно-профессиональному признаку. Необходимо было назначить и нового командующего войсками. Выбор пал на Дитерихса; в Харбин была послана телеграмма, подписанная генералами-белоповстанцами. Михаил Константинович немедленно согласился и 8 июня, прибыв во Владивосток, вступил в должность командующего войсками и флотом.

23 июля открылись заседания Земского собора. Было решено, что национальную государственность должен возглавить «Верховный правитель из членов династии Дома Романовых». Впервые за всю историю Белого движения Дом Романовых был признан царствующим! На протяжении пяти лет, начиная с марта 1917-го, вопрос о форме правления в России откладывался до решения Учредительного Собрания. Все белые правительства, и даже сам Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, стояли на позициях «непредрешения», главной задачей считая борьбу с большевизмом и прекращение междоусобицы. Ввиду невозможности прибытия представителей Дома Романовых во Владивосток следовало избрать правителя Приамурского края. 8 августа на заседании Земского собора им был провозглашен генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс. В Указе прави-

тель повелел Приамурское государственное образование именовать Приамурским Земским краем. Отдельным приказом все имевшиеся войска переименовывались в Земскую рать, а генерал Дитерихс становился воеводой Земской рати.

Но силы оказались неравными – красные успешно наступали. 26 октября 1922 года Владивосток – последний оплот традиционной русской государственности – был оставлен белыми войсками. В октябре – начале ноября из Владивостока морем и через границу у Посъета на чужбину ушли примерно 20 тыс. человек. Теперь в России уже не осталось ни белых столиц, ни белых правителей. И только Сибирская добровольческая дружина генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева вела безнадежную борьбу в Якутском крае до июня 1923 года.

В эмиграции Михаил Константинович все свои силы продолжал отдавать делу непримиримой борьбы с большевизмом. Наибольшую известность получила деятельность Дитерихса на посту председателя Дальневосточного отдела Русского общевойинского союза (РОВС), а также председателя Урало-Приморской группы Русского общевойинского союза. Скончался Михаил Константинович Дитерихс 8 октября 1937 года. Похороны собрали сотни человек – почти весь «русский Шанхай» пришел проститься с генералом.

*Павел Руднев,
зав. редакцией исторической литературы*

Часть I

Предисловие

Кошмарное лето пережило население Европейской России в 1918 году. Насилия, расстрелы, массовые зверские убийства, кровавый террор царили повсеместно и заливали кровью обширные районы территории царства пятиконечной звезды советской власти. Власть эта в своей жестокости и кровожадности, казалось, не имела предела, не делала никаких различий: ее насилиям и угнетениям подвергались все классы, все сословия, все возрасты и полы; расстреливались старцы, расстреливались юноши, насиловались женщины, раскраивались головы детей; истреблялись буржуи, истреблялись и разные нежелательные советской власти политические и общественные деятели, но истреблялись массами, семьями и самые обыкновенные обыватели, крестьяне и рабочие, представителями чьей власти выставляли себя большевистские главари.

Эти ужасы, эти потоки крови, залившие города, села и деревни нашей несчастной родины, совпали с тем временем, когда в Центральной России, в Москве, сильно колебалось положение руководителей центральной советской власти и совокупность внешних и внутренних обстоятельств предвещали Ленину и Бронштейну-Троцкому возможность наступления конца их эксперимента и царствованию в России.

На востоке надвигались к Волге и Уралу сибирские и чехословацкие войска; с севера начинал угрожать англо-русский фронт; на юге поднялись Оренбуржцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы и Донцы и собирались добровольцы генералов Алексеева и Корнилова. Разочарованное в результатах Брестского договора германское военное командование снова перешло к военным действиям, и, победоносные в то время в Европе, германские войска возобновили наступление с северо-запада, а на Украине утвердили силою своих штыков гетманскую власть генерала Скоропадского.

Внутреннее состояние страны было не менее угрожающим: национализация, насильственные реквизиции, контрибуции и просто беззастенчивый и бесцеремонный грабеж хлеба, скота, продовольствия, товаров, ценностей и имущества советским управлением и организациями возбудили общий ропот и недовольство народных масс. Поднялись, хотя и частичные, но многочисленные восстания «зеленых банд», появились повстанческие движения инородцев, бродили повсюду шайки отчаянных и лихих партизан, нарушая транспорт, подвоз к центрам награбленного в деревнях продовольствия и выработанного на заводах топлива и тем обостряя положение и настроение населения в самих столицах. Общее возмущение нарастало, и работавшие в подпольях противные политические партии всех платформ и направлений получили возможность готовиться к серьезным шагам в своей идейной борьбе против узурпаторов власти и насильников народа.

С другой стороны, немецкая политика, как внешняя, так и внутренняя, подпавшая под влияние легкомысленных генералов, опиравшихся на армию, идя слепо в поводу шовинистского класса, начинала душить своих ставленников в Москве, Ленина и Бронштейна, требуя выполнения экономических условий договора, заключенного с ними Людендорфом и Гофманом и щедро оплаченного золотом императорского Германского банка. Казалось, в Москве наступал тот момент, когда немецкое военное командование устами Мирбаха собиралось сказать главарям своей политической армии, привезенным в Смольный институт из Швейцарии в заплombированном вагоне: «Довольно! Вы исполнили то, за что вам было заплачено: вы посеяли, а пожнем мы теперь уже сами». И так как «привезенные главари» вовсе не разделяли взглядов немецкого командования на самих себя, то к внутренней борьбе с народ-

ными восстаниями, к борьбе со своими внутренними и внешними политическими противниками грозила присоединиться еще и внутренняя война с немцами, все еще считавшими себя хозяевами положения и свободными распорядителями судьбою купленных рабов.

На общий взгляд, положение заправил всяких «Циков», «Комов», «Чеков» и прочих многочисленных условных организаций царства пятиконечной звезды близко было к безнадежному. В их тайных совещаниях Ленин высказывался довольно определенно: «Пора уходить». С ним были солидарны и его последователи из российских. В них еще не изжила неудача июльского выступления 1917 года, с той разницей, что тогда они не успели достигнуть власти и для известной части народной массы сохранили ореол своих ложных лозунгов, а теперь все население в достаточной степени ощутило на себе сущность их власти, и они понимали, что, конечно, им не удалось так легко выйти из положения, как вышли они тогда. Поэтому в своей верховной деятельности Ленин готов был идти на всевозможные уступки требованиям момента, на смягчение общего режима, на сотрудничество с буржуями-специалистами, на эволюционирование коммунистических принципов – словом, на все то, что могло привести или к более благоприятному разрешению вопроса личного спасения, или на все то, от чего впоследствии можно было бы легко отказаться, объяснив ловким политическим маневром.

Но именно в это критическое время Бронштейн-Троцкий выявил себя противником Ленина и его уступчивости. Вместе со своими приверженцами, изуверами своего племени, составлявшими добрых три четверти всех высших административных органов советской власти, подкрепленными интернациональными и карательными бандитскими отрядами, Бронштейн твердо и категорически высказался против каких-либо уступок и послаблений. Его речи этого времени на собраниях коммунистической партии и заседаниях ЦИК дышат ядом и насмешками над положениями Ленина, и весь смысл их сводится к тому, что ни шагу назад ни при какой обстановке делать нельзя, а ответом на текущий момент с их стороны должны быть беспощадный террор, огонь, меч и пытка. Во временных неудачах, в создавшемся катастрофическом положении Бронштейн отнюдь не склонен был видеть окончательного провала своей власти, и если теперь по каким-либо причинам она колебалась, то, по видимому, он имел в виду, главным образом, использовать время своей власти для того, чтобы подготовить и обеспечить победу в будущем. Свою власть и подготовку окончательной победы он понимал, конечно, так, как вытекали они из существа натуры и мировоззрения Бронштейна, а не Ленина.

Вот в этой идее подготовки положения для будущей победы в связи со всей сложившейся обстановкой, мне думается, заключались главным образом причины тех массовых, невероятных по зверству, с явными отпечатками изуверства убийств, которые были совершены советскими деятелями в лето 1918 года и составили в истории России и всего мира эпоху сплошного кровавого кошмара. Нельзя забывать, нельзя закрывать глаза на то, что особенно гонению и жестокости в этот именно период подвергся православный, духовный мир России: церковь национализировалась; храмы обращались в помещения для митингов; иконы были обложены налогами, преподавание Закона Божьего в школах запрещено, а на дому родителей преследовали за обучение детей молитвам; над святынями кощунственно надругивались, обряды высмеивались, и основы христианского духовного мировоззрения отвергались печатно в брошюрах и на многочисленных митингах. Это не фразы, не голословное обвинение; желающие могут найти документальное подтверждение этих обвинений в обширном труде международной комиссии, создавшейся в Омске в январе 1919 года и произведшей подробное обследование в Перми и уездах Пермской губернии после изгнания из ее пределов большевиков. Сотни лиц духовного звания, монахов, монашек были расстреляны агентами Бронштейна, удушены и утоплены в прорубях реки Камы. Среди погибших известны: архиепископы Гермоген, Андроник и Василий; епископы Феофаний и Матвей;

архимандриты Матвей и Варлаам; протоиереи Пьянков, Сабуров, Стамбиков, Киселев, Преображенский, Конюхов, Будрин, Бельтюков и Яхонтов; священники Шерокинский, Горяев, Белозеров, Соколов, Калашников, Плотнев, Ершов, Савелов, Вяткин, Бояршинов, Якимов, Посохин, Наумов, Конюхов, Камакин, Попов, Юганов, Аристов, Малиновский, Накаряков, Онянов, Махетов, Кузнецов, Белов, Осетров, Рождественский, Швецов, Антипин, Мациевский, Алексеев, Луканин, Никифоров, Колчин, Орлов, Денисов, Лавров, Анишкин, Шестаков, Решетников и Тарасов; иеромонахи Вячеслав, Сергей, Иосиф и Иоанн; диаконы Кашин, Воскресенский, Ипатов, Смирнов и Решетников; иеродиаконы Виссарион, Михей, Евфимий – и это все только по Пермской епархии. А сколько еще окажется потом в других районах и епархиях!

Расскажите любому нравственному человеку какого угодно верования об этих гонениях Православной Церкви, покажите ему список перечисленных выше жертв, павших за исповедание православных догматов, и спросите его, какая же это борьба унесла столько служителей Церкви?

Думается, что, не колеблясь, каждый честный человек ответит: борьба религиозная.

Советская власть, приняв лозунги Бронштейна, став на путь подготовки положения для победы в будущем, хорошо сознавала, что одним из устоев русской народной массы является ее Православная Церковь, ее преданность христианскому учению и глубокая, историческая любовь и привязанность к своей религии. Как масса малокультурная, русский народ способен временами, под влиянием случайных обстоятельств, терять критерии добра и нравственности и падать в невероятную бездну саморазрушения и оплевания своего настоящего существа. Однако падение такое в прошлом было всегда сравнительно кратковременным, и небольшой толчок, толчок именно духовного характера, быстро выносил его из бездны и выводил нравственно очищенным снова на арену христианской жизни.

Подорвать эти-то устои, предотвратить на ближайшее время духовное пробуждение – вот идеи, которые руководили советскими главарями в проведении плана обеспечения победы в будущем.

И в ряду злодейств, совершенных в этот период большевиками для достижения указанной цели, особо исключительными по зверству и изуверству, полными великого значения, характера и смысла для будущей истории русского народа, являются убийства в это кошмарное лето:

1) В Екатеринбурге: бывшего Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, бывшего наследника Цесаревича АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА, Великой княжны ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ, Великой княжны ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ, Великой княжны МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ, Великой княжны АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВНЫ;

2) В Алапаевске: Великой княгини ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ, Великого князя СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА, князя ИОАННА КОНСТАНТИНОВИЧА, князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА, князя ИГОРЯ КОНСТАНТИНОВИЧА, графа ВЛАДИМИРА ПАЛЕЯ (сын Великого князя Павла Александровича);

3) В Перми: Великого князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА и других, о которых до нас не дошли еще сведения.

Вместе с упомянутыми членами Дома Романовых были убиты избранные большевиками ближайшие им лица Свиты, оставшиеся до конца верными своему долгу. Так, погибли: фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков, секретарь Джонсон, комнатная девушка Анна Степановна Демидова, сестра Варвара, управляющий Петр Федорович Ремез, дядька Клементий Григорьевич Нагорный, камердинер Иван Дмитриевич Седнев, камердинер Алексей Егорович Трупп,

повар Иван Михайлович Харитонов, камердинер Василий Федорович Чельшев и, вероятно, много других, о которых тоже до нас не дошли еще сведения.

Из всех перечисленных злодеяний только об убийстве бывшего Государя Императора советскими властями было объявлено официально, причем акт этот был представлен обществу как народная казнь, совершенная над «коронованным палачом» по приговору Уральского областного совдепа. Об остальных же совершенных злодеяниях советской власти не только умолчали и скрыли от народа, но постарались прикрыть их лживыми заявлениями и инсценировкой побегов и похищений. Так, в отношении членов Царской Семьи было объявлено, что «жена и сын» отправлены в надежное место, а о Великих княжнах вовсе ничего не упоминалось. Когда почти через год убийство выплыло наружу, то советские главари использовали его для провоцирования своих политических сотрудников в Москве, левых социалистов-революционеров, и инсценировали целый процесс, стремясь представить дело как попытку левых эсеров дискредитировать советскую власть. В качестве обвиняемых были привлечены какие-то Яхонтов, Грузинов и Малютин – члены Екатеринбургского совдепа, Мария Апроскина и Елизавета Миронова и девять красноармейцев. Все эти лица были признаны виновными, приговорены к расстрелу и расстреляны.

Категорически утверждаю, что перечисленные по фамилиям лица в расстреле Царской Семьи не участвовали.

В отношении убитых в Алапаевске Великой княгини, Великого князя, князей и остальных лиц, содержавшихся в Напольной школе, советские власти объявили, что они все похищены какой-то белогвардейской бандой, напавшей на охрану. Дабы заставить окружавшее население поверить этому вымыслу, большевики уже после совершения убийства разыграли провокационное сражение с мнимым противником, а для большей убедительности пристрелили содержавшегося в арестном доме за пьянство мужичка и, перетащив его тело к школе, выдали труп за одного из убитых ими белогвардейцев.

Такой же провокационный слух о похищении белогвардейцами был распушен большевиками и в отношении Великого князя Михаила Александровича; в действительности же он был уведен и убит тремя членами Мотовилихинской чрезвычайки.

Все это указывает, что убийству Августейшей Семьи и членов Дома Романовых советские власти придавали чрезвычайно важное значение в деле подготовки для себя будущей победы, но, с другой стороны, уже тогда боялись народа и усиленно распускали в нем сведения, что Царская Семья вывезена в Германию. Народ и сейчас во многих местах не верит в расстрел бывшего Государя, и по России ходит легенда о том, как он скрывается, переодетый простым мужиком, в деревнях Сибири и появится снова на своем троне, когда народ очистит Россию от генералов и буржуев, свергнувших его с престола. «Тогда, – говорит мужик, – будут Царь и народ и между ними никого не будет». И вот этого второго устоя русского народа, устоя, созданного самим народом в своей бытовой идеологии, Бронштейн и Ленин бояться не меньше, чем устоя религиозного. Народ до правды доходит больше инстинктом; умственные рассуждения массе еще не доступны. И после свержения Царя народ чувствует, что правое дело не на стороне тех, кто свергал Царя и кто после него стал править землей.

Вот почему главари советской власти так старательно скрывают, что убийство Царя и Царской Семьи было сделано по их приказанию.

С нашей стороны официального правительственного сообщения об убийстве большевиками Августейшей Семьи и других членов Дома Романовых до настоящего времени не последовало. Вероятно, пройдет еще немало времени, когда будущая национальная русская власть, опираясь на результаты следственного производства, сможет оповестить мир о небывалой трагедии, разыгравшейся летом 1918 года на Урале, и особенно о кошмарном злодеянии, совершенном Бронштейном, Лениным, Янкелем Свердловым и Исааком Голощекиным в Екатеринбурге, в доме Ипатьева, в ночь с 16 на 17 июля по новому стилю.

Появлявшиеся в нашей печати в разное время частные извещения, заметки, статьи и даже отдельные книги трактовали о судьбе, постигшей членов Царской Семьи и других членов Дома Романовых, чрезвычайно различно; некоторые, преимущественно черпавшие сведения из-за границы, отличались полным вымыслом и фантазией; другие – в зависимости от личных впечатлений авторов или степени из знакомства с фактической стороной дела – приближались к истине, но, конечно, не могли возместить отсутствие опубликования официальных следственных данных. Такое положение часто давало пищу для ошибочно-неправильных или даже умышленно ложных заключений по вопросу исключительной важности для русского народа.

В начале февраля 1919 года покойный Верховный правитель адмирал Колчак имел определенное намерение опубликовать официально о всех убийствах членов Дома Романовых, совершенных большевиками на Урале летом 1918 года. Это сообщение, нося совершенно объективный характер и констатируя только факт происшедших злодеяний, должно было быть выпущенным как акт правительства, для ознакомления которого с делом судебным следователем Соколовым по приказанию Министра юстиции Старынкевича была составлена краткая сводка документальных данных с упоминанием в ней только для членов правительства таких материалов, которые по нашим законам до окончания следствия ни в коем случае опубликованию не подлежали. Такого рода справки для генерал-прокуроров (каковым является Министр юстиции) в течение самого следственного производства законом установлены.

К сожалению, некоторые из лиц тогдашних высших сфер Омска, ослепленные узкой партийной борьбой между собой, решили использовать намерение адмирала Колчака для своих целей. Управлявший в то время делами Совета Министров Тельберг без ведома Министра юстиции взял из ящика его письменного стола приготовленную Соколовым секретную справку и передал ее в редакцию газеты «Заря», которая на следующее же утро поместила ее полностью на страницах газеты. Верховный правитель приказал немедленно конфисковать еще не успевшие разойтись в розничной продаже номера; но дело было сорвано, шум поднялся невероятный, и адмирал Колчак был вынужден отказаться от идеи «официального правительственного сообщения».

Тем не менее можно думать, что теперь едва ли кто сомневается в самих фактах совершившихся на Урале убийств и, в частности, в факте убийства в Екатеринбурге именно всех членов Царской Семьи, а не одного только бывшего Государя Императора, как о том сообщали советские власти. Но как раньше, так и теперь, едва ли русское общество в массе, а тем паче – весь мир, имеют определенное сознание и суждение о том, кто были в действительности прямыми вдохновителями и руководителями этих кошмарных преступлений, а кто являлся косвенными виновниками их совершения? Были ли эти убийства случайными злодеяниями исключительно местных властей или инициатива их исполнения исходила свыше, от центра, и, наконец, какими целями и замыслами руководились главари убийств в их ужасных, нечеловеческих деяниях как при совершении самих убийств, так и в отношении сокрытия тел своих жертв?

Покойный верховный правитель, сознавая историческое значение убийства членов Дома Романовых, решил расширить характер исследования этих преступлений, приблизив его по существу к практиковавшимся в особо важных случаях дореволюционного времени сенаторским следствиям; к этому побуждали его и те трения революционного времени, которые следственное производство встречало на месте в различных партийных и классовых распрях общественных, политических и военных деятелей, а равно и вообще неудовлетворительное само по себе первоначальное предварительное следствие, ведшееся следователями Екатеринбургского окружного суда.

17 января 1919 года адмирал Колчак возложил на меня общее руководство по расследованию и следствию по делам об убийстве на Урале членов Августейшей Семьи и других членов Дома Романовых. Я получил приказание расширить рамки производившегося в то время предварительного следствия по этим делам, не ограничиваясь узко только юридической стороной дела, но направляя общее исследование в целях освещения вопроса также с исторической и национальной точек зрения. Специально для ведения предварительного следствия мне был придан судебный следователь по особо важным делам **Николай Алексеевич Соколов**, а для выполнения требований следственного производства по розыскам и раскопкам моим помощником был назначен начальник Военно-административного управления Екатеринбургского района генерал-майор **Сергей Алексеевич Домантович**.

Предоставление расследованию широких рамок, в связи с чрезвычайно талантливым и идейным ведением Соколовым самого следственного производства, позволило осветить эту мрачную и кровавую страницу истории русского народа в пределах полноты и ясности, допускаясь тем временем. Оставление нами в начале июля Екатеринбурга и Пермской губернии не дало возможности довести следствие до тех результатов, когда можно было бы поставить окончательную точку и сказать, что дело кончено. Нет, расследование и само следствие далеко не кончены, а в историческом и национальном отношении, думается, нельзя было даже и мечтать его кончить, так как разработка этих вопросов до абсолютной полноты и точности требует не месяцев и годов, а целых десятилетий, и иногда очень многих.

За последнее время преимущественно за границей появилось несколько серьезных печатных трудов, основанных частью на воспоминаниях, а частью и на некоторых официальных документах следствия, об убийстве большевиками в Екатеринбурге членов Царской Семьи. В Америке появилась книга упоминавшегося выше Тельберга, бывшего в Омске управляющим делами Совета Министров; в Англии издана книга Вильтона, корреспондента газеты «Таймс», проводшего все время при следственных работах на Урале; во Франции изданы записки Жильяра, бывшего воспитателя наследника Цесаревича Алексея Николаевича; в Пекине издана книга игумена Серафима, сопровождавшего тела убитых в Алапаевске Великой княгини и Великих князей при перевозке их из Алапаевска сначала до Читы, а затем до нашей Духовной миссии в Пекине. Располагая некоторыми официальными документами следствия, авторы имели возможность передать картину самого злодеяния с достаточной полнотой. Но нельзя делать таких вещей, как позволил себе игумен Серафим. В труде, преследовавшем цель дать не только фактическое изложение событий, но и характеристику Августейших мучеников на основании документальных данных, он, без всякой оценки и проверки правдоподобности, выписывает из советских «Известий» помещенное в них письмо, якобы написанное Государем Ленину, и оставляет читателя в убеждении, что это письмо действительно принадлежит перу покойного бывшего Царя. Очевидно, игумен Серафим хотел использовать этот документ как официальное подтверждение тех скверных условий, в каких содержалась Царская Семья в Екатеринбурге; но ведь вся книга игумена Серафима направлена на идейную борьбу с проводниками идей большевизма; как же можно пользоваться для своей борьбы оружием, взятым из противного лагеря, не убедившись в силе этого оружия? Ведь противники игумена Серафима прекрасно знают, что это письмо ими самим изобретено, как и много других документов, о которых будет сказано в своем месте.

Как перечисленные выше авторы, так и большинство остальных авторов вышедших до настоящего времени заметок, воспоминаний и повествований ограничиваются при указании убийц обыкновенным стереотипным наименованием их — «большевики», а само убийство относят к характеру одного из тех, хотя и выдающихся, но многочисленных рядовых убийств, которыми вообще ознаменовали большевики свою власть в России. Кроме того, большинство авторов ограничиваются простым констатированием факта зверского убийства, не выходя из рамок исследования его, как всякого другого зверского преступления,

совершенного советскими деятелями в период того лета, с точки зрения установления преступности физиономии той государственной власти, которая возымела дерзость выдавать себя за народную, демократическую власть.

Только в трудах Вильтона и Жильяра впервые в изложении тяжелой кровавой драмы, разыгравшейся в стенах дома Ипатьева, во-первых – зазвучали нотки душевного отношения и внимания к самим жертвам этой исторической драмы и, во-вторых, быть может, только инстинктивно убийство это выдвигается из ряда обычных большевистских злодеяний той эпохи на степень события национального значения для русского народа.

Вильтон и Жильяр, хоть и иностранцы, но, проживая подолгу в России и среди русского народа, как люди чистые и чуткие сердцем, как люди, глубоко и искренно любившие русского человека, наконец, как люди наблюдательные и искренние по натуре, – переживая с русским народом трагедию его разложения, революции и бездны, – почуяли инстинктом и сердцем правду: эти убийства совершенно исключительны, и не только для русского народа, но и для всего мира.

Мир часто не видит правды, не хочет правды и не любит правды; по некоторым вопросам он настолько боится правды, что напоминает страуса, прячущего в маленькую ямку голову и думающего, что если он не видит, то и его никто не видит; иногда ложный страх перед правдой так велик, так безумно страшен, что мир сам начинает разрушать свое, близкое, дорогое, сознательно идет по линии разрушения, только чтобы не подумал кто-то, что он видит правду, понимает ее и ненавидит источник этой правды. Заставить мир убедиться в правде – это задача, кажется, бесцельная.

Но, к счастью, мир наполнен неодинаково мыслящими людьми: есть люди, и особенно богата ими Россия, где христианская вера научила сердцем воспринимать правду и идти к ее свету и свободе не ветхозаветным законом еврейства – «Око за око и зуб за зуб», а великой заповедью Христа – проповедью Евангелия любви. Этим людям посвящаю я и мои записки.

Убийства членов Царской Семьи и других членов Дома Романовых представляются убийствами совершенно исключительными.

Это не были зверские убийства возмущенной толпы, разъяренной черни, ибо русский народ участия в них не принимал.

Это не казнь коронованных особ, которую знает история революций, ибо все совершилось без всякого суда и без участия народа.

Это даже не изуверское истребление, как в былые времена, язычником Нероном первых мучеников христианства, ибо Нерон из своих зверств устраивал зрелища для народа, а не скрывал от него и не боялся его.

Это было уничтожение советской властью намеченных жертв в определенный, по особым обстоятельствам, период времени: июнь – июль 1918 года.

Это были преступления идейные, фанатичные, изуверские, но совершавшиеся скрытно, в тайне, во лжи и обмане от христианского русского народа.

Это было планомерное, заранее обдуманное и подготовленное истребление членов Дома Романовых и исключительно близких им по духу и верованию лиц.

Прямая линия династии Романовых кончилась: она началась в Ипатьевском монастыре Костромской губернии и кончилась – в Ипатьевском доме города Екатеринбурга. Новое восшествие на российский престол кого-либо из оставшихся в живых членов боковых линий Дома Романовых, конечно, может случиться, но не как выдвижение кандидата какой-либо политической партией, группой или отдельными лицами, а только постановлением будущего Всероссийского земского собора. Во всяком случае, убийство бывшего Императора Николая II и Его Августейшей Семьи в связи с убийством и других членов Дома Романовых составляет историческую эру. Из этого одного уже вытекает, что убийства эти не могут быть отнесены к характеру обыденных, зверских, очередных убийств, совершенных теми

или другими «случайными» большевистскими деятелями, а имеют свою великую, глубокую, национальную и духовную историю в прошлой жизни русского народа и будут иметь и великое воспитательное, созидательное и государственное будущее для всей России, а возможно, и для всего мира.

Мы знаем, что активным выступлением русской интеллигенции, при пассивном отношении народной массы, Дом Романовых был свергнут с российского престола в феврале 1917 года, но на жизнь его членов рука наша не поднялась.

Мы знаем, что Германия не смогла одолеть своих противников в честном, открытом бою; тогда, не брезгая средствами борьбы, она бросила на наш фронт и тыл подлейшее из орудий борьбы, ужаснейший из ядов – яд политический, яд большевизма, заразу анархии. Но сама стала жертвой нанятых ею для этой борьбы рабов.

Мы знаем, что народ советской России и до сих пор не знает, что совершили его властелины; какие кровавые, зверские преступления навязаны ему ныне историей и волей его теперешних вождей. Но мы знаем и то, что над Романовыми не было народного суда, и вожди не посмели прибегнуть к нему для своих целей.

Кто же были эти большевики, которых называют убийцами членов Дома Романовых? Кто были эти холопы и наймиты, которые не только ослушались своих хозяев – немецкого Генерального штаба, но оказались и хитрее его, и подлее его, и сильнее немецкого народа, и уж конечно беспринципнее и безнравственнее его?

Дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы составляло задачу следствия. Н. А. Соколов имел в своем распоряжении всего пять месяцев работы, то есть с 7 февраля, дня его назначения, до 10 июля, когда следствие пришлось прервать ввиду приближения к Екатеринбургскому району большевиков и оставления нами этого района. Тем не менее собранный им материал дает основание неоспоримо установить факт совершенных убийств в Екатеринбурге, Алапаевске и Перми всех упомянутых выше членов Дома Романовых и осветить в достаточной мере те предположения, на которые наткнулось следствие в отношении того, что предприняли руководители преступления, чтобы скрыть тела убитых в Екатеринбурге бывшего Государя Императора и его Августейшей Семьи, и какой способ сокрытия тел был ими применен. Далее следствию с достаточной доказательностью удалось установить данные для суждения о том, кто были руководителями и прямыми исполнителями всех этих преступлений, и собрать некоторый материал для выводов о косвенных виновниках трагической гибели членов Дома Романовых.

Попытка свести материал по расследованию и некоторые мысли, возникавшие во время хода работ по изучению истории и характера преступления и преступников, составляет предмет 1-й и 2-й частей этой книги, а в 3-й части будет сделан опыт исторического и национального исследования причин, цели и следствия этой трагической страницы в истории русского народа.

Исследование отнюдь не предполагает касаться критики деятельности покойного бывшего Государя Императора как правителя и как Царя. Моральное право суждения династических правителей принадлежит только Всемогущему Богу, бесстрастной истории и суду народной совести в лице таких учреждений, как Земский собор.

С политически-гражданской точки зрения в мире бывают цари, которые по своей натуре призваны царствовать, но бывают цари, которые по своей натуре призваны быть мучениками царствования. Ко вторым относится и покойный бывший Император.

Но, с точки зрения идеологии русского народа, есть еще и другая сторона – духовный символ, олицетворяемый в фигуре Царя, Помазанника Божия. Осветить, по мере сил и возможности, убитых Царя и Царицу с этой стороны расследование считало себя обязанным, исходя из таких соображений: свержение Царя, который в мировоззрении народа является только правителем, представляется преступлением по «форме», преступлением поли-

тически-гражданским; свержение же Царя, который в мировоззрении народа является еще и Помазанником Божиим, представляется преступлением по «духу», затрагивающим в корне все историческое, национальное и религиозное мировоззрение народа и выбивающим из-под его ног нравственные устои его жизни и быта. После этого он, естественно, легко впадает в крайности. Мы все повинны в бедствиях, постигших нашу Родину; мы все повинны в том, что еще до революции между нами, интеллигентами, и народом оказалась пропасть; мы все повинны в том, что народ оказался не с нами, а с пришлыми, ему совершенно чужими нехристями; наконец, мы все повинны в трагической судьбе, постигшей Дом Романовых, хотя и не участвовали фактически в ужасных кровавых злодеяниях.

Но все это создано не сейчас, не в ближайшее только время, а подходило исподволь, нарастало издавна – из далекого прошлого нашей истории и, медленно катясь клубком, все нарастало и нарастало, пока, наконец, не порвало последней нити между Царем и народом, связывавшей их духовной идеологией. В этом окончательном разрыве повинно исключительно наше время, и последнюю ступень исторической нисходящей лестницы к большевизму перешагнули мы, бросив народ в рабство правителям религии лжи.

Но твердо верится, что русский народ, даже придушенный гнетом, голодом, разорением и террором теперешних его «диавола милостью» вождей, сознав свое роковое заблуждение в путях истинного Христова учения, снова найдет в себе ту, Богом данную ему, святую искру веры и любви для начала своего будущего возрождения, которая во все серьезные времена его исторического прошлого являлась путеводной звездой для новой, светлой жизни во Христе под стягом «Божьей милостью».

Не ради возбуждения чувства мести, не ради новых жертв, крови и проявления низкой, жестокой и бесцельной злобы хочу я поделиться мыслями, выводами и чувствами, вызванными во мне изучением и исследованием обстоятельств этой трагической страницы нашей истории. Пусть каждый, читая мои заметки, помнит великие слова Иисуса Христа: «Милости хочу, а не жертвы». И как величественна в царстве Православной Церкви была смерть членов Царской Семьи, так пусть и народ русский, руководимый и просвещенный Божиим Промыслом, найдет в себе мудрость и величественное решение не для осуждения и мщения, а для приведения к Великому Воскресению тех, кто был прямым виновником, вдохновителем и руководителем страшных преступлений против народа, веры и заповедей Христа.

Михаил Дитерихс.

В моей книге я вынужден был, упоминая о различных деятелях трагической эпохи, добавлять к фамилиям их имена. Произошло это потому, что среди советских главарей многие – нерусской национальности и предпочитают жить и действовать под вымышленными русскими фамилиями. Так как, к сожалению, мне не удалось узнать их настоящих фамилий, а, с другой стороны, я вовсе не хочу вводить читателя в заблуждение, что главные деятели по делу: Свердлов в Москве, Голощекин в Екатеринбурге – люди русской национальности, то мне и пришлось отмечать это хотя бы именами их. Тех же, чьи имена остаются неизвестными, я называю по фамилиям с добавлением указания на национальность. Эти детали исключительно важны для будущей истории советской власти в России, почему не отметить их – нельзя.

М. Д.

Глава I

Освобождение Екатеринбурга

В ночь с 24 на 25 июля 1918 года наши войска под начальством тогда полковника Войцеховского, рассеяв красную армию товарища латыша Берзина, заняли Екатеринбург. Советские власти и деятели в большой растерянности, спешности и тревоге бежали в Пермь, побросав и позабыв в городе много своих бумаг и документов, но увозя под сильной и надежной охраной, специальным поездом, награбленное у жителей имущество и в особенности ценности и документы, принадлежавшие Царской Семье.

Некоторые из комиссаров начали покидать город еще с 19-го числа, но тем не менее все они проявляли какое-то особое волнение, нервность и растерянность, доводившие их до панического состояния. Янкель Юровский, житель города Екатеринбурга, секретный председатель Чрезвычайной следственной комиссии и комиссар «дома особого назначения» (так назывался у большевиков дом Ипатьева, где содержалась Царская Семья), был в таком состоянии, что, уезжая из этого дома поздно вечером 19-го числа и увозя семь чемоданов, наполненных царскими вещами, забыл на столе в его комнате в этом доме свой бумажник с 2000 рублями в нем.

Город встретил вступление наших войск, как Светлый праздник: флаги, музыка, цветы, толпы ликующего народа, приветствия, церковный звон, и смех, и радостные слезы – все создавало картину ликующего начала весны в новой жизни и настроение великого праздника Воскресения Христова.

А в природе было лето, и город едва очнулся от давившей его последние дни какой-то ужасной, мрачной обстановки смерти, похорон, погребального стога, как бы нависшего черной тучей над всем городом и его окрестностями. Так бывает в зачумленных городах: не видно этих несчастных чумных, не слышно их, не известно даже, что и где происходит, но чувствуется, что что-то совершается ужасное, что что-то совершилось уже; чувствуется веяние смерти вокруг. И страшно, и мрачно, и жутко на душе.

Таково было настроение в Екатеринбурге перед освобождением его нашими войсками. И потому весной и Светлым праздником показался его обывателям день 25 июля.

* * *

Только на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, за двумя рядами высоких сплошных заборов, скрывавших окна от глаз улицы, в небольшом, но хорошеньком, беленьком домике продолжали царить мрак, мертвая тишина и тени преступления.

Это дом Ипатьева, или, по-большевистски, «дом особого назначения», в котором содержалась в Екатеринбурге с 30 апреля 1918 года Августейшая Семья.

В этом доме еще 14 июля священник отец Сторожев с диаконом Василием Буймировым совершал обедницу для всей собравшейся в зале Царской Семьи; бедный наследник Цесаревич Алексей Николаевич страдал своей наследственной болезнью и сидел в кресле. Тут же присутствовали тогда доктор Боткин, девушка Демидова, повар Харитонов, камердинер Трупп и мальчик Седнев; поодаль у окна стоял комиссар Янкель Юровский и не спускал глаз с молившихся впереди русских христианских людей.

Все члены Царской Семьи имели вид утомленный и, против обыкновения, никто из них не пел во время службы, как было на предшествовавших пяти службах до появления в доме Янкеля Юровского. А когда во время этой службы 14 июля, по чину обедницы, отец

диакон, вместо того чтобы прочесть, по ошибке запел «со святыми упокой», все члены Семьи бывшего Императора Николая II опустились на колени.

«Знаете, отец протоиерей, – сказал диякон Буймиров, выйдя из дома, – у них там что-то случилось: они все какие-то другие точно, да и не поет никто».

Где же были теперь обитатели этого дома?

* * *

В доме царил невероятный хаос. Начиная от комнат нижнего полуподвального этажа, где при Янкеле Юровском жил внутренний караул из десяти человек, приведенных им с собой из Чрезвычайки, до угольной комнаты верхнего этажа, служившей спальней бывшему Государю Императору, Государыне Императрице и наследнику Цесаревичу, почти во всех комнатах были разбросаны по полу, на столах, диванах, за шкафами и ящиками различные цельные, разломанные, помятые и скомканные вещи и вещицы, принадлежавшие Августейшей Семье и содержавшимся с ними в доме придворным людям. Больше всего валялось их в комнате комиссара Янкеля Юровского – первой налево из передней. Валялись порванные, смятые и обгорелые записки, обрывки писем, фотографий, картинок; валялись книжки, молитвенники, Евангелия; валялись образа, образки, крестики, четки, обрывки цепочек и ленточек, на которых они подвешивались, а икона Федоровской Божьей Матери, икона, с которой Государыня Императрица никогда, ни при каких обстоятельствах путешествия не расставалась, валялась в помойке во дворе со срезанным с нее, ее украшавшим, очень ценным венчиком из крупных бриллиантов.

Брошенными валялись пузырьки и флакончики со святой водой и миром, вывезенные, как значилось по надписям на них, еще из Ливадии, Царского Села и костромских монастырей; разбросанными, изломанными и разломанными валялись повсюду шкатулки, узорные коробки, рабочие ящички для рукоделий, дорожные сумки, саквояжи, сундучки, чемоданы, корзины и ящики и вокруг них вывороченные оттуда вещи, предметы домашнего обихода и туалета. Но... ничего ценного в смысле рыночной ценности и, наоборот, почти все только ценное и необходимое для бывших обитателей этого дома.

В спальне бывшего Государя Императора и Государыни Императрицы валялись на полу: «Молитвослов», с юношеского возраста не покидавшийся Императором, с тисненым на обложке сложным вензелем из двух монограмм: «Н. А.» и «А. Ф.» – и датой на оборотной стороне книжечки «6-го мая 1883 г.»; вблизи «Молитвослова» брошена разломанная двойная рамка, где у Государя были всегда портреты Государыни-невесты и наследника Цесаревича, а от самих портретов валялись лишь порванные, совершенно обгоревшие кусочки.

Неподалеку лежали неразлучные спутницы Государыни Императрицы: книги «Лестница», «О терпении скорби» и «Библия», – все с инициалами «А.Ф.» и датой: «1906 год», с повседневными пометками в текстах и на полях, сделанными рукой Ее Величества; тут же валялись и остатки ее любимых четок; тут же – и необходимая для наследника Цесаревича, болевшего с апреля месяца, машинка для электризации и его лекарства, его игрушки, его доска, которую клали ему на постель для игры на ней и занятий. И флаконы с одеколоном и туалетной водой, туалетные стаканчики, мыльницы, скляночки и коробочки от разных лекарств и масса пепла от обгорелых чулок, подвязок, материй, бумаги, карточек, шкатулочек, коробочек от различных рукоделий, иконок и образков.

Этого пепла и обгорелых вещей домашнего обихода и туалетного характера было еще больше в следующей комнате, служившей спальней для Великих княжон. Сразу получалось впечатление, что все служившее раньше для туалета, что составляло одежду, белье, работу, рукоделие, развлечение, что хранилось дорогой памятью о высших близких людях и друзьях, – все было собрано в беспорядке, в спехе, скомкано, сломано, порвано и сожжено в

двух печак, находившихся в этой комнате. Срезанные же во время болезни волосы Великих княжон валялись перепутанные и в мусоре, в передней, близ комнаты Янкеля Юровского, а некоторые порванные письма к ним, фотографии и карточки, им принадлежавшие, оказались засунутыми за шкаф в одной из комнат нижнего этажа, где жили палачи внутренней охраны.

Не видно было лишь одного – кроватей в комнате Великих княжон... Они жили в этой комнате без кроватей и не имели матрасов.

В буфетной комнате с окном, выходившим в садик, неподалеку от крана, на столе и под ним валялось много грязного столового белья, и на некоторых полотенцах и салфетках виднелись большие, густые кровавые пятна. А наружная сторона дома, если выглянуть из окна в садик, сверху донизу была обрызгана тоже кровавыми пятнами: видно, кто-то мыл под краном окровавленные руки и отряс их за окно, а другой – просто взял и, не мывши, отер свои руки о столовое белье.

В каретнике во дворе дома Ипатьева оказалось несколько кухонных железных ящиков и два-три разломанных сундучка попроще, перевезенных комиссаром Хохряковым из Тобольска вместе с Царскими детьми. Сундуков, чемоданов и ящиков собственно Царской Семьи – не было. На земле валялись разбросанными, перепутанными, побитыми кое-какие остатки кухонной посуды, посуды столовой, чайной, громоздкие баки, кубы, лоханки. Остались несколько разрозненных частей костюмов, разодранный корсаж, отдельная юбка, большой ящик с игрушками и играми наследника Цесаревича, ширмы Государыни, весы для взвешивания людей, чехол от походной кровати Великих княжон. Ничего не было из белья, платьев, одежды, меховых вещей, обуви, шляп и зонтиков.

Совершенно отдельно стоял раскрытый тяжелый ящик-сундук с частью книг, принадлежавших Августейшим детям; в ящике рылись, большую часть книг разбросали тут же вокруг него. Книги исключительно русские, английские и французские; ни одной на немецком языке. Книги определенного выбора: сочинения для религиозного, нравственного воспитания и произведения лучших русских классиков. Книги определенных владельцев; в них собственноручные Их Высочеств пометки, закладки домашней работы, засушенные цветы и листочки. Почти на всех – посвящения или просто пометки от отца или матери или обоих вместе: «Елка. 1911 г. 24 декабря, Царское Село, от Папа и Мама, Ольге»; «В. К. Ольге, Мама, Тобольск, 1917 г.»; «Моей маленькой Татьяне от Мама. 9 февраля, 1912 г. Царское Село»; «Дорогой Татьяне от Папа и Мама. Янв. 1908»; «М.Н. Елка. 1913»; «Тетрадь для французского. Алексис» и т. д.

Из одной английской книжки Великой княжны Ольги Николаевны высунулись два листочка почтовой бумажки, на которых рукой Ее Высочества записаны стихотворения, сочиненные в Тобольске или Государыней Императрицей, или графиней Анастасией Васильевной Гендриковой.

На одном листке:

ПЕРЕД ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ

Царица неба и земли,
Скорбящих утешение,
Молитве грешников внимли.
В Тебе надежда и спасение.

Погрязли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока...
Но... наша Родина... О, к ней

Склони всевидящее око.

Святая Русь, твой светлый дом
Почти что погибает.
К Тебе, Заступница, зовем —
Иной никто из нас не знает.

О, не оставь своих детей,
Скорбящих упование,
Не отврати своих очей
От нашей скорби и страдания.

На другом листке:

МОЛИТВА

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбления,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог Всесильный,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов —
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

* * *

В нижнем этаже дома Ипатьева, в самом отдаленном и глухом его углу, есть полуподвальная комната с одним заделанным решеткой окном, выходящим на Вознесенский переулок. Комната полутемная, потому что два ряда высоких деревянных заборов, доходивших до самой крыши, не допускали дневного света до окна.

В отличие от всех прочих комнат дома здесь не было ни мусора, ни разбросанных вещей и вещей, не было даже пылинки: видно было, что комнату недавно мыли, и мыли даже обои. Но все же на полу, особенно вдоль карнизов, ясно виднелись следы бывшей здесь крови, а на обоях сохранились многочисленные мелкие брызги крови. В стенах и в полу, в косяке двери и верхних карнизах – много пулевых пробоин, с застрявшими в некоторых из них пулями. В правом углу комнаты заметны были царапины – следы какого-то плоского, узкого оружия.

Крови, видимо, было много, очень много; ее вымывали, затирали опилками, глиной, песком, но она, растекаясь, омочила и карниз внизу левой стены, и карниз стены, находившейся прямо против входной двери. В этой же стене было особенно много пулевых пробоин.

Каждый человек, вошедший в эту комнату, ощущал гнет не только от мрака внешнего – происходившего от слабого проникновения дневного света, – но больше от внутреннего мрака, от слишком ярких следов, оставленных здесь смертью, смертью многих людей, смертью неестественной, кровавой. Чувствовалось каждым, что здесь произошла какая-то ужасная трагедия, трагедия не одного живого существа, а нескольких, многих. Представлялось: как в бесцельной борьбе за жизнь или, вернее, в агонии жизни люди, загнанные в эту маленькую комнату-ловушку, расстреливаемые в упор от входной двери, метались по ней, кидались из стороны в сторону, так как пули и пулевые следы группировались не только в полу и стене, противоположной входной двери, но по отдельности виднелись во всех стенах, и внизу, и вверху, и даже в левом косяке входной двери, причем пуля пробила и саму дверь, открытую в прихожую во время трагедии.

Безобразен и отвратителен был вид стен этой комнаты. Чьи-то грязные и развратные натуры безграмотными и грубыми руками испещрили обои циничными, похабными, бессмысленными надписями и рисунками, хулиганскими стишками, бранными словами и особо, видно, смачно расписывавшимися фамилиями творцов хитровской живописи и литературы. И тем более резко и показательно из всей этой массы безграмотности, воспроизведенной подонками людской среды, выделялось в правом, ближайшем к двери углу комнаты, двестишье, написанное карандашом полуинтеллигентной рукой, на еврейско-немецком жаргоне:

Валтасар был в эту ночь
Убит своими подданными¹.

В здании Волжско-Камского банка, где помещался при большевиках Уральский областной совет рабочих, крестьянских и армейских депутатов, в день вступления в Екатеринбург войск полковника Войцеховского царил не меньший хаос и беспорядок раскиданных и разбросанных повсюду бумаг, вещей, женского белья, платьев и одежды.

Здесь, и особенно в так называемых кладовых банка, были брошены взломанные сундуки, чемоданы, саквояжи, валялись вывороченные из них вещи, костюмы, чулки, белье, обувь, бумаги, тетради, книги, обрывки записок, открыток. И повсюду – на сундуках и чемоданах, на портфелях и бюварах, на конвертах от писем и бумагах виднелись надписи фамилий владельцев: «А. В. Гендрикова», «Е. А. Шнейдер», или «В. А. Долгоруков», или «И. Л. Татищев».

Не было только самих владельцев всех этих брошенных и разбросанных вещей.

В сундуке А. В. Гендриковой среди перерытой, смятой и скомканной одежды лежал оброненный туда документ, адресованный Сафарову; он, видимо, увлекся разборкой вещей графини и обронил туда свою бумагу. Сафаров – еврей, приехал в Россию с Бронштейном

¹ Двестишье из поэмы немецкого еврея Гейне «Царь Валтасар».

в запломбированном вагоне; в Екатеринбурге был членом президиума; сносился непосредственно с главарями ЦИК в Москве; им была подписана телеграмма Алапаевскому совдепу с приказами уничтожить содержащихся там членов Дома Романовых.

В помещении верхнего этажа банка, в комнатах, занимавшихся присутствиями совета и президиума, на столах, в ящиках столов, в раскрытых канцелярских шкафах и среди забытых дел валялись брошенными в спешке сборов черновики бумаг, телеграммы, газеты, объявления и записи телеграфных разговоров по прямому проводу. Их много было здесь, бюрократический строй советской власти плодил переписку еще большую, чем было в дореволюционное время. Среди этих брошенных бумаг много хлама, но вот и интересные:

«Москва. Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина.

Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаний центра. Опасения напрасны. Авдеев смнен, его помощник Мошкин арестован. Вместо Авдеева – Юровский, внутренний караул весь смнен, заменяется другим. 4 июля, № 4558. Белобородов».

Другой документ:

«Москва, два адреса, Совнарком. Председателю ЦИК Свердлову.

Петроград, два адреса, Зиновьеву, Урицкому.

Алапаевский Исполком сообщил нападении утром восемнадцатого неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей. Несмотря сопротивление стражи князья были похищены. Есть жертвы обеих сторон. Поиски ведутся. № 4853, 18 июля, 18 ч. 30 м. Предобласовета Белобородов».

Из записи на телеграфных бланках разговора по прямому проводу Янкеля Свердлова из Москвы, по-видимому, с Белобородовым читаем:

Расстрел Николая Романова

«На состоявшемся 18 июля первом заседании Президиума ЦИК Советов Председатель тов. Свердлов сообщает получено по прямому проводу сообщение от областного Ур. Совета о расстреле бывшего Царя Николая Романова. Последние дни столице красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехослов. банд; в то же время был раскрыт новый заговор контр. рев. имевший целью вырвать из рук советской власти коронованного палача. Ввиду всех этих обстоятельств президиум Ур. Обл. Сов. постановил расстрелять Ник. Романова, что и было приведено в исполнение 16-го июля; жена и сын Ник. Ром. отправлены в надежное место; документы о раскрытом заговоре высланы в Москву со специальным курьером.

Сделав это сообщение тов. Свердлов напоминает историю перевода Ник. Роман. из Тобольска в Екатеринбург когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев в целях устройства побега Николая Романова. В последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа и только развернувшиеся сейчас события помешали этого суда. Президиум ЦИК обсудив все обстоятельства заставившие Ур. Обл. Совет принять решение о расстреле Ник. Ром. постановил: Всерос. ЦИК в лице своего президиума признает решение Ур.

Обл. Сов. правильным; затем председатель сообщает, что в распоряжении ЦИК находятся сейчас чрезвычайно важный материал и документы Ник. Роман., его собственноручные дневники которые он вел от юности до последнего времени; дневники его жены и детей; переписка Ром. и т. д. Имеются между прочим письма Григ. Распутина к Романову и его семье. Все эти материалы будут разобраны и опубликованы в ближайшее время».

Черновик, писанный карандашом и пером, с поправками в числах:

Российская

Федеративная Республика

Советов

Уральский Областной Совет

Рабочих, Крестьянских

и Армейских Депутатов.

ПРЕЗИДИУМ

«Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала Екатеринбург и ввиду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи) Президиум Ур. Обласовета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом.

В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение.

Семья Романова, содержавшаяся вместе с ним, эвакуирована из Екатеринбурга в интересах обеспечения общественного спокойствия. Президиум Обласовета».

Такое объявление виднелось еще 25 июля на заборах, столбах и стенах домов города Екатеринбурга, и веселые, ожившие толпы народа, уничтожая всякие следы ненавистной былой советской власти, срывали и эти объявления, не думая худого, в радости давно желанного освобождения.

* * *

Общего ликования и чувств свободы и возрождения не разделяло в этот день, вероятно, лишь несколько лиц из жителей города и расположенных неподалеку Сысертского и Верх-Исетского заводов. Думается, что разные чувства обуревали этими людьми, разные причины влияли на особый уклад их мыслей и дум, и разное проявили они себя в этот и последующие дни по созданию на Урале нового положения.

Н. А. Сакович.

Мрачно, беспокойно было, вероятно, на душе у доктора Николая Арсеньевича Саковича, проживавшего на Госпитальной улице в доме № 6. Верно, торопился он сжечь некоторые из своих бумаг; верно, со страхом и трепетом подбегал к окну смотреть на улицу; не идет ли кто-нибудь из новых властей к нему? Может, как Иуда, дрожал он, чувствуя неизбежность если не человеческого, то Божьего суда.

«Славным малым», «ухажером за сестрами», ловким и ласковым с начальством, любимцем самых младших офицеров, с кличкой «гусар», он во время немецкой войны был старшим врачом 5-й артиллерийской бригады. Всегда франтовато одетый, в галифе и со стеклом, счастливый игрок в карты, первый во всех пирушках и пикниках и громче всех оравший «Боже, Царя храни!» – таков он был и таковым его застала в Москве, в отпуске, Февральская революция 1917 года.

«Еще в студенческие годы, – заявил он, вернувшись из отпуска в бригаду, – я был видным партийным работником партии социал-демократов». И каялся, что отсталое и реакционное общество офицеров дурно влияло на него. Он стал первым на митингах, первым по «углублению революции», первым в работе разрыва офицера с солдатом и говорил, что только он один в бригаде разбирается в моменте и может вести за собой солдат бригады.

Спустя год от Саковича слышали: «Я не принадлежу ни к какой партии и не принадлежал, но был записан в Екатеринбурге, в декабре, как сочувствующий в партию социалистов-революционеров». В январе 1918 года, по его словам, он отказывается принять звание областного комиссара здравоохранения и считает себя областным санитарным врачом, но принимает от Областного исполнительного комитета печать областного комиссара здравоохранения и на всех исходящих от него бумагах и распоряжениях ставит эту печать.

«Областного совета депутатов и исполнительного комитета я не знаю, – говорит он, – но знал только председателя Белобородова и комиссаров: Сафарова, Войкова, Голощекина, Юровского, Полякова, Краснова, Хотимского (все евреи), Тупетула (латыш), Сыромолотова, Анучина и Меньшикова (русские)».

Так было во всю службу его, всегда: чем он не был – его считали, что он был; чего он не хотел – его заставляли делать; чему он не сочувствовал – ему приходилось подчиняться. Всюду, по его рассказу, было или влияние среды, или принуждение обстоятельствами, или волей и силой других. Всюду было – но. Всюду в его жизни оно следовало за ним помимо его желания, помимо его добрых намерений.

Что же теперь, в этот день, могло бы заботить, омрачать и пугать его? Почему мог он пугаться прихода к нему новых властей? Казалось, свет свободы, проникший в город с нашими войсками, должен был бы больше всего обрадовать, осветить его душу, столь, вероятно, истомившуюся, страдавшую в этом ужасном, гнетущем подчинении воли и поступков, как повествует он сам... Теперь-то он мог стать тем, что есть, стать снова человеком...

Но мог ли?

Вероятно, в эти минуты воскресали в его памяти еще и другие картины из его жизни и деятельности, о которых он говорит так, между прочим, вскользь, как о виденном, но его будто не касавшемся и проходившем помимо его какого-нибудь участия.

Встает в его памяти полуосвещенная, в клубах накуренного табачного дыма, давно не убиравшаяся маленькая комната тайных заседаний президиума. Видит сидящих в ней за столом с дьявольскими жестокими и иезуитскими лицами Сафарова, Голощекина, Войкова, Тупетула, Белобородова, их он запомнил хорошо; отчего? А, кажется, был и Юровский и, наверное, другие. Видит и себя самого среди них будто сидящим в стороне, на диване, за газетой: «Так как разбирался вопрос, не касавшийся здравоохранения».

И вспоминает, как дебатировались, а затем баллотировались вопросы: «устроить ли при перевозке бывшего Царя из Тобольска в Екатеринбург крушение поезда, или устроить “охрану” от провокационного покушения на крушение, или, наконец, привезти их в Екатеринбург». Помнит даже, что по этим вопросам были и какие-то сношения с центром, с Москвой...

Вышло последнее: перевезти в Екатеринбург – оно вернее.

А может быть, в эти переживаемые тревожные минуты видит он еще и другую картину, о которой он сам уже ничего не говорит, но которая слишком ужасно вырисовывается как предположение из данных следственного производства.

Лес густой, старая шахта, полянка; на ней пень от спиленной вековой сосны; какой-то врач сидит на пне, спиной к шахте, нервно тербит случайно оказавшийся в кармане медицинский справочник и роняет из него кругом листки; взялся за советскую газету, оторвал от нее кусок и бросил; нервно достал из другого кармана пакет с вареными яйцами, чистит их и разбрасывает кругом пенька шелуху. И откуда у него эти яйца? Не из тех ли это 50 яиц, которые Юровский велел принести на 16 июля монахиням из монастыря?

А там, у шахты, где толпятся 6–7 красноармейцев, свалены чьи-то хорошо одетые трупы, обрызганные, перепачканные теперь кровью и глиной. Слышится, быть может, знакомый голос: «Доктор, будьте добры, отделите палец, кольца не снять»... И палец отделен, хорошо, чисто, хирургически, и брошен в шахту.

Мог ли Сакович, даже если последнее не касалось его, стать тем, чем он был? Могло ли Божье правосудие не тяготеть над ним в этот светлый для других день, день освобождения Екатеринбурга от советской власти?²

* * *

М. И. Летемин.

На окраине города, на одной из грязнейших улочек – Васнецовской, во дворе дома № 71, в отдельном флигельке из одной комнаты и кухни, съездившись и прижавшись к темному углу сеней, жалобно и тихо стонала небольшая, длинной каштановой шерсти собачка. Слезились глаза от старости, и, казалось, так был грустен общий ее вид, что плачет она и стонет по какому-то большому, ей одной ведомому горю.

А собака явно была не ко двору в этом флигеле: порода иностранная и порода хорошая, редкая; шерсть длинная, пушистая, шелковистая, часто выдавшая на себе мыло и гребенку; собака знала и разные фокусы: лапку давала, служила, но ни на какую русскую кличку не отзывалась.

² По донесению департамента полиции, доктор Сакович умер в июне 1919 года в Омской тюрьме от скоротечной чахотки. Он умер в тот самый день, когда за ним прибыл караул для отвода его на допрос к следователю Соколову. Он был допрошен раньше Особой следственной комиссией по обвинению в службе у большевиков, а по Царскому делу – лишь в Екатеринбургском уголовном розыске, но очень поверхностно.

Жильцы флигеля сидели тут же, в комнате. Жена, вероятно, плаксивым голосом, хныча, приставала к мужу:

– Что же теперь будет? Что же делать?...

Он, тупо уставившись взором в стол, с осовевшими от перепоя глазами, встрепанной бородой, неумытый, в чужих, слишком хорошего материала, частях костюма, тяжело, пьяно дышал и дымил одной папирсой за другой.

– Прячь пока что, – верно, только и был его ответ.

И вот из большого узла, сваленного при приходе в угол, спешно полетели куда попало: под кровать, в сундук, в ящик швейной машины, в темный чулан, за печку, под половицы – хорошие вещи, совершенно не отвечавшие обстановке и жителям флигеля, вещи, вещицы, принадлежности одежды, бумаги, книжки. Чего-чего не было среди них: четки из ракушек; образок овальный фарфоровый святителя Алексея, Митрополита Московского, оправленный в серебряный позолоченный ларец с мощами святителя внутри, золотой крест-ковчежец с изображением святителя Алексея и тоже с мощами внутри; книжка – собственноручный дневник наследника Цесаревича, прихода-расходная книжка денег из Канцелярии Ее Величества в красивом красном сафьяновом переплете; медный простой колокольчик, у которого язык был заменен медной подвешенной гайкой; фотографический панорамный аппарат Кодака; дорожный погребец, обтянутый черной кожей; коробка с электрическими лампочками; щеточка для обмахивания пыли с башмаков; черепаховый дамский гребешок; ногтевая заграничная щетка; обломок от хорошего зеркала; флакон с водой «Вербена»; рукоять от сломанного серебряного столового ножа; пакет с персидским порошком; градусник наружный Реомюра; четыре пуговицы с бриллиантами и пять военных с гербами; черный шелковый зонтик; свечи белого воска, обвитые и разукрашенные золотом; маленькая подушка для втыкания булавок; два больших висячих зеленых замка; стекла волшебного фонаря; солдатики, лошадки и пушки оловянные, хорошие, специального заказа, наших гвардейских форм; белые тонкие глубокие фарфоровые тарелки с Императорскими гербами; банка белая фаянсовая; красный отточенный карандаш; накидки для подушек, наволочки, простыни, подушка пуховая, салфетки, скатерти, рубашки мужские, денные – и все с метками, Императорскими вензелями и коронами; скатерти вязаные белые, такие же малиновые; скатерти ковровые; покрышки шелковые на кровати; ботинки мужские; туфли дамские коричневые лайковые; ремень желтой кожи и много-много столь же разнообразного, разнородного чужого имущества, откуда-то набранного второпях.

Оставалось решить, что делать с собакой... Но не успели договориться.

25 июля, под вечер, в их комнате внезапно появились чины военно-уголовного розыска.

– Имя?

– Михаил.

– Отчество?

– Иванович.

– Фамилия?

– Летемина.

– Служили в охране дома особого назначения?

– Попался, – только и могло родиться в голове этого тупого, глупого исполнителя и подлого человека.

* * *

П. И. Лылов и Ф. И. Балмышева.

«Вот что, – говорил в этот день Петр Илларионович Лылов, бывший сторож при областном совдепе, Федосье Илларионовне Балмышевой, его гражданской жене и житель-

нице Верх-Исетского завода, – коль будут тебя спрашивать – так и говори, не таись и, что есть, покажи. Нам ничего не может быть. Что ж, что служили мы при Совете сторожами; а взять нам вещи разрешил сам Белобородов, да еврей этот, товарищ его, Сафаров, да братья Толмачевы и секретарь, прапорщик Мутных. Они ж тогда и увезли все самое ценное их тех вещей».

Жаль было Балмышевой расставаться с вещами; успела она уже кое-что раскроить и перекроить: уже почти готов был ее капот из раскроенного фисташкового, шелкового полотна, платья; ребенку перекроила платьице из бледно-розового, плотного шелка, платья и обшила его кружевцами, купленными на заводском базаре.

Но предъявила, все предъявила, до последней ниточки: и платья, и костюмы, и пуховые подушки, и скатерти, и салфетки, и жакеты, и блузочки, и отдельные юбки, верхние и нижние, лифчики, и белье дамское, и зимние меховые вещи, и шелковые каш-корсеты, и шали разные, и чулки дамские, и кусок канны, и детское вязаное одеяло, и зонтики шелковые муаровые, и четыре флакона косметики, и пульверизатор, и белое фарфоровое яйцо, и лампадку в виде чаши, и образок святого Иоанна Крестителя, и много-много иных вещей, то с вензелями членов Императорской Семьи, то с инициалами Гендриковой, Шнейдер и Татищева.

Но так и остались Лылов с Балмышевой в убеждении, что «начальство позволило – значит, можно» и «мы не виноваты».

* * *

М. Д. Медведева.

На Сысертском заводе в этот светлый для большинства жителей день сидела с тремя малыми ребятишками Мария Даниловна Медведева. Муж ее, Павел Спиридонович Медведев, пропал без вести.

Десять лет прожила она с ним в тихом, мирном и дружном сожительстве. Муж не пил, не буянил, был грамотный. Честно работал он в сварочном цехе завода, а приходя домой, сапожничал и зарабатывал достаточно семье на пропитание.

Жили очень дружно, очень хорошо.

Наступила революция. Муж продолжал работать на заводе, а занимался ли политикой? – «не расспрашивала, не моего ума дело».

Но вот незадолго перед Масленой записался он в красную гвардию и уехал на фронт в Троицк. Там начальником у него был комиссар Мрачковский. «А кто такой Дутов, с которым воевал он, – не знаю, не моего ума дело».

На Страстной муж вернулся и в середине мая записался в команду для охраны дома, в котором жила в Екатеринбурге Царская Семья. Нанимал тогда тот же Мрачковский, а недели через две муж вернулся для набора пополнения команды. Поручение это было дано ему комиссаром евреем Голощекиным. Так муж говорил.

Потом ездила и она сама четыре раза к мужу в город; жил он в доме Попова, напротив Ипатьевского дома по Вознесенскому переулку, где жила, как в казарме, и вся охрана, а мужу отведена была отдельная комната. Но за это время «он стал непослушный, никого не признавал и как будто свою семью перестал жалеть».

Стал и пить.

Последний раз, что ездила она к мужу, вернулся на завод с ней и муж, и тут, дома, рассказал, как убили всю Царскую Семью и как он сам стрелял. И рассказал все это совершенно спокойно. Но куда бросили убитых, не рассказывал, а «я не расспрашивала его о служебных делах, да это и дело не моего ума».

Дня через два уехал муж в город и с тех пор никаких сведений о нем не было. На прощание оставил сумочку кожаную ручную, а в ней: красный сафьяновый бумажник; две

золотые запонки; марлевый бинт; медный циркуль; прямые, узкие докторские ножницы; три мельхиоровые вилки; два серебряных монастырских колечка, крытых эмалью.

И сидит Мария Медведева, и смотрит на возню детишек да на оставленные чужие вещи. Спросят ее про мужа, то верно все, все расскажет, спокойно расскажет, как муж рассказывал: и как жили хорошо они, и как стрелял муж в Царя и его детей, и все, что слыхала от него.

А если спросят: «А вещи чьи он принес?» – то верно ответит: «Не знаю, не моего ума дело» – потому что муж не говорил, чьи, а сказал, что «комендант дал».

* * *

Т. И. Чемадуров.

Из ворот Екатеринбургской городской тюрьмы, после того как ворвались туда наши добровольцы и освободили заключенных, одним из последних, широко крестясь и блаженно улыбаясь, вышел высокий, сухой, болезненный на вид и сгорбленный старик. Это был Терентий Иванович Чемадуров, камердинер бывшего Государя Императора.

Не такой старый годами, 69 лет, он сильно состарился за последние месяцы от болезни и тюрьмы, где был совершенно забыт большевиками. Выйдя 24 мая больным из дома Ипатьева, куда он попал, сопровождая Государя, Государыню и Великую княжну Марию Николаевну, привезенных в Екатеринбург 28 апреля, он вместо госпиталя или отправления на родину, как обещали комиссары, был заключен в тюрьму. И тут его все забыли. Совсем забыли.

Он знал, что за время его сидения в тюрьме большевики вывели куда-то содержавшихся там же Нагорного и Седнева, а потом Татищева и Долгорукова и, наконец, Гендрикову, Шнейдер, Волкова и сидевшую с ними княгиню Елену Петровну Сербскую, супругу князя Иоанна Константиновича.

Десять лет пробыл он камердинером у бывшего Государя Императора, а перед этим в той же должности 19 лет при Великом князе Алексее Александровиче. Вся домашняя жизнь Царя и его Семьи протекла на его глазах; видел их и на парадных приемах, и в семейном быту; видел их в величии царствования на троне и в величии страдания – в доме Ипатьева, и все существо его прониклось своим хозяином: «прекрасным семьянином, громадным, неутомимым работником, глубоко религиозным христианином и горячо любившим своего простого русского человека».

И теперь, по выходе из тюрьмы, шаги его, естественно, направились туда, где он оставил их в последний раз, – на Вознесенский проспект, к дому Ипатьева.

Пришел. Вошел с другими, тоже стремившимися туда; увидел разгром, хаос, пустоту разрушения; увидел кровь, пули и еще кровь, и... задумался.

«А сколько привезли вы сюда с собой вещей Государя?» – спросили его.

«Одну дюжину ночных, одну дюжину денных, одну дюжину тельных шелковых рубашек; три дюжины носков, 200 носовых платков, одну дюжину простынь, две дюжины наволочек, три мохнатых простыни, двенадцать полотенец ярославского холста, четыре рубахи защитные, три кителя, пальто офицерское, пальто солдатского сукна, короткую шубу из романовских овчин, пять пар шаровар, серую накидку, шесть фуражек, шапку зимнюю, семь пар сапог шевровых и хромовых».

«Куда же это все делось теперь?»

Молчал старик и думал...

«Ничего не знаю, – сказал наконец, – ничего не знаю, что постигло моего Государя и его Семью»...

А через десять дней, едуци к своей семье в Тобольск и встретив в Тюмени Жильяра, воспитателя наследника Цесаревича, крестясь, радостно говорил ему: «Слава Богу, Государь, Ее Величество и дети живы. Расстреляны Боткин и все другие».

«Трудно было понимать Чемадурова, – рассказывал Жильяр, – потому что он говорил без всякой связи».

Через три месяца старик умер в Тобольске, унося особой в могилу тайну своего заявления Жильяру. Было ли то внушение за время пребывания в Екатеринбурге? Было ли то самовнушение, как убеждение в невозможности допустить такое бесчеловечное злодеяние? Был ли это результат веры, что коронованные родственники не могли спасти их?

* * *

В. Н. Деревенько

Одним из первых, встретивших вступление наших войск в Екатеринбург, был доктор Владимир Николаевич Деревенько; это бывший врач наследника Цесаревича.

Когда 8 марта 1917 года в Царском Селе генерал Корнилов объявил об аресте Государыни Императрицы и предупредил придворных чинов, что «кто хочет остаться и разделить участь арестованной, пусть остается, но решайте это сейчас же: потом во дворец уже не впущу», – доктор Деревенько остался в числе добровольно арестованных при больном в то время корью наследнике Цесаревиче.

В ночь с 31 июля на 1 августа Царская Семья, по постановлению Совета министров Временного правительства, покинула Царское Село и выехала для следования в Тобольск. Доктору Деревенько, как исключение, Керенским был дан отпуск и он приехал в Тобольск позже, вместе со своей семьей. Отдельно от Царской Семьи, но для присоединения к ней, приехали, также позже, в Тобольск фрейлина Ее Величества баронесса Буксгевден, камер-юнгфера Занотти, комнатные девушки Романова и Уткина и дети лейб-медика Боткина, но разрешили посещение Царской Семьи только доктору Деревенько.

23 мая 1918 года Царских детей в сопровождении оставшихся в Тобольске придворных комиссары Родионов и Хохряков привезли в Екатеринбург. Наследника Цесаревича и Великих княжон Ольгу, Татьяну и Анастасию Николаевен с Нагорным, Харитоновым, Труппом и мальчиком Седневым советские власти помещают в Ипатьевский дом, где уже живут в заключении раньше привезенные Государь, Государыня и Великая княжна Мария Николаевна, доктор Боткин, Демидова, Чемадуров и Седнев. Затем Татищева, Гендрикову, Шнейдер и Волкова увозят с вокзала в тюрьму, где уже содержался приехавший в Екатеринбург с Государем Долгоруков. Остальным комиссары объявляют: «Вы нам не нужны» – и приказывают покинуть пределы Пермской губернии.

Доктору Деревенько и здесь оказывается возможным составить исключение: он берет свои вещи, оставляет вагон, и в то время, как остальных прицепляют к поезду и отправляют в Тюмень, он нанимает в городе комнату на частной квартире, живет спокойно все время здесь, и 25 июля застает его в Екатеринбурге.

Исключение не ограничивается только жизнью в городе: доктор Деревенько посещает, вначале довольно часто, заключенных в доме Ипатьева и пользуется больным наследником Цесаревича.

Одновременно он работает в городе на частной практике и приобретает обширную клиентуру почти исключительно среди многочисленного еврейского населения города.

Когда в Екатеринбург приехал некий Иван Иванович Сидоров и стал искать возможности установить сношения с заключенными в Ипатьевском доме, его направили к доктору Деревенько. Последний сговаривается с бывшим в то время комендантом дома особого

назначения Авдеевым и лично дает распоряжение о ежедневной доставке Царской Семье молока, яиц, масла и пр.

Но вот 5 июля вместо Авдеева комендантом назначается Янкель Юровский. Принесших в этот день молоко и прочее женщин задерживает охрана; выходит Янкель Юровский: «Кто носить дозволил?»

«Авдеев приказал по распоряжению доктора Деревенько».

«Ах, доктор Деревенько. Значит, тут и доктор Деревенько», – отмечает Янкель Юровский.

Числа 6–7 июля Деревенько был приглашен Янкелем Юровским в дом Ипатьева и после этого посещения прекратил навещать заключенного больного наследника Цесаревича, а поступил на службу в советский военный госпиталь.

Янкель Юровский не простой еврей – житель Екатеринбурга; он не только комендант дома особого назначения, он вместе с областным военным комиссаром евреем Исааком Голощекиным – секретные главари местной областной чрезвычайки.

Наступают ужасные дни 8 – 18 июля: пристреливают Татищева, Долгорукова, Нагорного, Седнева, Боткина, Демидову, Харитонову, Труппа; выполняются кровавые трагедии в Ипатьевском доме, в Алапаевске; перевозятся в Пермь для расстрела позже Гендрикова, Шнейдер, Волков...

Доктор Деревенько 25 июля участвует в торжественных встречах и чествованиях наших войск в Екатеринбурге.

Когда 17 июля по обыкновению женщины принесли в дом Ипатьева молоко, им объявили: «Идите и больше не носите». Узнав потом о расстреле бывшего Царя и о вывозе Семьи, они бросились к доктору Деревенько... «Доктор ничего не знал, сильно смущен был и в лице изменился».

Он приглашен офицерами на розыски тел у шахты в Коптяковском лесу; он участвует в протоколах осмотра дома Ипатьева следственной властью. Когда на дне шахты находят хирургически отделенный чей-то палец и вставную верхнюю челюсть доктора Боткина, доктор Деревенько авторитетно и категорически заявил: «Палец – это доктора Боткина». «Палец, – говорит экспертиза в Омске, – тонкий, длинный; палец принадлежит человеку, привыкшему к маникюру; палец – выхолненный; палец можно скорее признать принадлежащим женщине».

Странно, что Чемадунов, в бессвязном повествовании Жильяру еще до находки пальца, но выдавшись в Екатеринбурге с доктором Деревенько, говорит, что убиты Боткин и все другие, а Государь и вся его Семья живы.

Когда исполняющим дело прокурором Кутузовым через газетные объявления приглашались для показания все что-либо знавшие по Царскому делу, доктор Деревенько не пришел дать своих показаний. Он не был допрошен никем: ни следователем Наметкиным, ни членом суда Сергеевым, ни прокуратурой – никем. А когда дело перешло в руки следователя Н. А. Соколова, горячо взявшегося за допросы всех состоявших при Царской Семье придворных, доктора Деревенько в Екатеринбурге не оказалось: он перевелся куда-то в глубь Сибири, а ныне остался в Томске у большевиков.

Станный характер имел доктор Деревенько, странный был человек.

Если для жителей города Екатеринбурга, истомленных гнетом советского режима, день 25 июля был светлым, радостным праздником, то для вступивших в город русских людей этот день был полон самых тяжелых, ужасных новостей. Никто не хотел верить в возможность убийства всей Царской Семьи; никто не мог допустить существования в человеке, в людях зверства такого небывалого размера. Слухи, одни фантастичнее других, одни невероятнее других, быстро распространялись по городу, и все цеплялись за малейшие лучи

надежды, отталкивая от себя кошмарную картину, которую поневоле выставляли комнаты дома Ипатьева.

При таком тяжелом настроении люди приступили к розыскам правды.

Белогвардейские заговоры

И в объявлении Президиума Уральского обласовета, и в сообщении Президиума ЦИК в Москве советские власти в объяснении причин, вынудивших их прибегнуть к расстрелу бывшего Царя Николая II без суда и в спешном порядке, как на один из главнейших аргументов ссылаются на открытые ими белогвардейские заговоры, имевшие будто бы целью вырвать из их рук отрекшегося Государя и его Семью. Председатель ЦИК Янкель Свердлов, как видно из «публикации» центральной власти, считал нужным напомнить своим коллегам о раскрытии в свое время такого же белогвардейского заговора в Тобольске, побудившего тогда советскую власть перевезти Царскую Семью в Екатеринбург – пункт, считавшийся, по-видимому, более обеспеченным как центр их силы и власти на красном Урале. Документы о раскрытом заговоре, имевшем целью похитить бывшего Царя в Екатеринбурге, Янкель Свердлов обещал разобрать и опубликовать в ближайшие дни.

Могли ли быть у советской власти фактические основания опираться в своих объяснениях на опасность таких белогвардейских заговоров? Существовали ли вообще заговоры для похищения Царской Семьи в Тобольске или Екатеринбурге, и какова была их реальная сила и вытекавшая отсюда степень опасности для «правосудия» советской власти? Какие, наконец, документы обещал опубликовать для всеобщего сведения Янкель Свердлов как доказательство заговоров офицеров и вообще белогвардейцев?

Эти вопросы, независимо от их значения для самого дела, чрезвычайно существенны в интересах исторических и национальных. Естественно, что конспиративность как самих заговоров, так и еще более истинной работы главарей советской власти значительно затрудняет всестороннее освещение этих вопросов и безусловное установление фактической правды, но сделать попытки в этом направлении необходимо.

В июне 1918 года в Москве, в обществе и среди некоторых кругов советских деятелей, распространились упорные и тревожные сведения и слухи, что где-то и кем-то совершено убийство Царя. Переполох в определенных советских сферах, вызванный распространением этих сведений, по-видимому, был большой. Слухи, все нарастая и нарастая, достигли такой степени реальности, что 20 июня председатель Екатеринбургского совдепа получил из Москвы такой официальный запрос:

«В Москве распространились сведения что будто бы убит бывший Император Николай Второй сообщите имеющиеся у вас сведения. Управляющий делами совета народных комиссаров Владимир Бонч-Бруевич. 499».

Кажется, особенного беспокойства этот запрос в екатеринбургских деятелях не вызвал; на запрос была положена своеобразная для существа запроса резолюция: «копию телеграммы сообщить Известиям и Уральскому Рабочему, а затем, разными почерками, о жильцах дома Ипатьева», «В дело Цар.» и снова – «к делу о жильцах в д. Ипатьева».

Но волнение в Москве, видимо, серьезно охватило официальные общественные советские сферы: вслед за указанным запросом Бонч-Бруевича 21 июня шлет телеграмму Екатеринбургскому президенту Совдепа комиссар ПТА товарищ Старк:

«Срочно сообщите достоверности слухов убийстве Николая Романова вестнику точка 887».

Резолюция: «Ответ посл.» и «к делу о жильцах д. Ипатьева».

Но или ответа не было, или таковой задержался, и 24 июня тот же Старк шлет в Екатеринбург комиссару советского органа «Известия» товарищу Воробьеву новую телеграмму:

«Прошу срочно сообщить достоверности слухов убийстве Николая Романова очень важно».

Однако нельзя не обратить внимания, что интересуются правдивостью слухов об убийстве бывшего Императора не Янкель Свердлов, с которым, как видно из брошенных бумаг и дел, почти исключительно сносились главари Екатеринбургского президиума по всяким политическим делам, а или российский полоумный негодяй Бонч-Бруевич, или немецко-шведский сотрудник советов Старк.

При расследовании дела были косвенные указания на то, что именно в этот период произошел разговор по прямому проводу между Лениным и командующим армией Берзиным, сущность которого будто бы сводилась к тому, что Ленин возлагал ответственность за безопасность бывшего Царя на Берзина. Происходил ли такой разговор в действительности – неизвестно, но нижеприводимый документ позволяет думать, что что-нибудь подобное было. Мало того, документ этот, во-первых, объясняет, почему Ленин мог иметь разговор именно с командующим армией, а во-вторых, дает определенный ответ: какого убийства опасались и ожидали в Москве? Откуда, по московской молве, скорее всего можно было ожидать опасности? И наконец, кто распускал в Москве сведения об убийстве?

Вот этот документ:

«Три адреса. Москва, Совнаркому, Нарком. воен., бюро печати, ЦИК.

Мною полученных Московских газетах отпечатано сообщение об убийстве Николая Романова на каком-то разъезде от Екатеринбурга красноармейцами. Официально сообщаю что 21 июня мною с участием членов В. военной инспекции и военного комиссара Ур. военного округа и члена всерос. след. комиссии был произведен осмотр помещений как содержится Николай Романов с семьей и проверка караула и охраны все члены семьи и сам Николай жив и все сведения об его убийстве и т. д. провокация. 198. 27 июня 1918 года, 0 часов 5 минут. Главнокомандующий Североуралосибирским фронтом Берзин».

Так вот откуда в некоторых московских сферах и в массе населения, вероятнее всего, допускался заговор, ожидалась возможность опасности: не о белогвардейском освобождении думала масса, не на нем строилась молва, а росли слухи, вытекая из хорошего знания своих сотрудников, своих деятелей – советского воинства, красноармейцев. Это – глас народа, а не «публикации» Янкеля Свердлова. Вот почему мог иметь место и разговор Ленина с Берзиным, с командующим этими красноармейцами; а возлагал ли Ленин при этом ответственность за жизнь бывшего Царя на Берзина – не все ли равно. Склонность Ленина к тактическим маневрам слишком хорошо известна, чтобы можно было придавать серьезное значение такому обязательству Берзина.

Тем не менее не бывает дыма без огня: волнениям и беспокойствам народных масс Москвы, к сожалению, причины были. В это именно время в Перми был убит тремя членами Мотовилихинской чрезвычайки Великий князь Михаил Александрович. Скрыть убийство, как ни старались советские власти, очевидно, не удалось: сами убийцы рассказывали приятелям о нем. Вероятно, передаваясь из уст в уста, это убийство, докатившись до Москвы, и послужило основанием для создавшихся слухов об убийстве бывшего Государя. Может быть, Янкель Свердлов понимал это, почему и не проявлял интереса к слухам, волновавшим Бонч-Бруевича.

Но если Янкель Свердлов был индифферентен к слухам, то по каким-то иным причинам он в это же примерно время был сильно озабочен также судьбою бывшего Царя и Его Семьи, но, по-видимому, совершенно в другом отношении. В эти знаменательные дни убийств на Урале членов Дома Романовых у Янкеля Свердлова жил вызванный или при-

ехавший самостоятельно – неизвестно – один из виднейших екатеринбургских советских деятелей областной военной комиссар Исаак Голощекин. Пребывание его в Москве связывалось с вопросами, обсуждавшимися и разрешавшимися в отношении именно судьбы Царской Семьи. По поводу ее Екатеринбург были даны указания центральной властью.

Какие это могли быть указания, какие особые обстоятельства могли влиять на них, рассматриваться будет в своем месте. Здесь же, в отделе о заговорах, необходимо отметить лишь то, что если допустить, что советские власти были вынуждены расстрелять бывшего Царя без суда и в срочном порядке, побуждаемые какими-то насильственными намерениями людей противного лагеря, то безусловно устанавливается, что о таковых намерениях советские власти знали задолго до совершения «казни», почему имели время не только произвести суд, но и вывезти для суда в другое место. Вот этот документ, который уже был приведен выше: «Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаний центра», – телеграфирует 4 июля Белобородов через Сыромолотова Голощекину, – «опасения напрасны точка Авдеев сменен, его помощник Мошкин арестован точка вместо Авдеева – Юровский, внутренний караул весь сменен, заменяется другим точка № 4558».

С 4 до 16 июля времени было достаточно, чтобы судить, вывезти и вообще принять при желании много иных мер. Следовательно, первая ложь, допущенная советской властью в своем официальном оповещении, это – необходимость спешной казни.

Но вот на какие мысли наводит еще эта телеграмма Белобородова: чего опасались Янкель Свердлов и Исаак Голощекин?

Телеграмма Белобородова является ответной на неизвестный запрос Голощекина; в Ипатьевском доме в охране заключенных произошло какое-то чрезвычайно серьезное событие. Произошло оно после 27 июня, так как Берзин все проверял, осматривал, ничего опасного не нашел и, будучи достаточно крупным советским деятелем, ничего о нем не знал, посылая в Москву свое донесение. Произошло оно не позже чем за один-два дня до 4 июля, так как Голощекин, посылая свой запрос, должен был, в свою очередь, получить из Екатеринбурга извещение о происшедшем событии. Получается такая картина: в то время когда Берзин доносил, что в доме Ипатьева все обстоит благополучно, в действительности в доме оказывалось так неблагополучно, что пришлось сместить коменданта, арестовать его помощника и заменить всю внутреннюю охрану.

Теперь уже известно, что советские власти объяснили внезапную смену 4 июля Авдеева, Мошкина и охраны тем обстоятельством, что у Мошкина был найден золотой крестик, украденный им у Царской Семьи. Неужели этой покражи так испугались Янкель Свердлов и Исаак Голощекин? Ясно и определенно одно, что, во всяком случае, не офицерского или белогвардейского заговора в Екатеринбурге испугались главари советской власти, ибо не стали бы они покрывать его ложью об украденном крестике, а, вероятно, постарались бы использовать в полной мере обнаруженный заговор, чтобы расправиться с виновными и нежелательными им невиновными.

Между тем время шло, убили в Москве Мирбаха, подавлено эсеровское восстание, немцы отказались от ввода своих войск в Москву, возможность войны с ними миновала, совершились «казнь Николая Романова» в Екатеринбурге, «похищение Великих князей» в Алапаевске, «бегство» Великого князя Михаила Александровича в Перми, прошел июль, август, сентябрь, миновал весь 1918 год, а обещанного Янкелем Свердловым опубликования документов о белогвардейском заговоре все не появлялось.

Наступила весна 1919 года. На горизонтах царства пятиконечной звезды снова начали сгущаться грозные тучи, напоминавшие главам советской власти начало лета 1918 года.

С востока быстрым потоком снова устремились к берегам матушки-Волги молодые войска омского правительства; с юга двинулась объединенная добровольческо-казачья рать

генерала Деникина; с юго-запада зашевелились снова гайдамаки Петлюры; с севера, усилившись союзниками, угрожал Архангельск; с северо-запада приближался Юденич и что-то там около него и за ним зашевелилось опять немецкое, эти бывшие хозяева октябрьских дней 17-го года и счастливой эпохи расцвета смольного могущества «русского пролетариата».

Гроза надвигалась серьезная, сильная. Можно было ждать, что немцы подкрепят «белогвардейские банды» и, чего доброго, соединятся с союзниками против своих же бывших холопов, отказавшихся платить по договорам.

Цель оправдывает средства, не надо брезговать ничем; это так легко и привычно совдеповским заправилам. К их услугам агенты повсюду, агенты их же племени, или примыкающие к ним из народов всех стран мира. Вспомнили при этом и о Царском деле – деле «А», как именуется оно в советских канцеляриях; снова подумали о необходимости подготовить тыловые пути и почву для будущей деятельности и будущей победы окончательной.

И вот в марте месяце в «их» иностранной прессе появляются статьи, заметки, интервью, явно представляющие минувшие события в благоприятном для советских главарей свете.

Длинно перепечатывать их, но некоторые носят настолько характерный отпечаток своего происхождения, что в интересах исторических необходимо примириться с некоторой длиной повествования.

Вот статья из газеты «Майничи Хроникл»:

«Друг одного из корреспондентов английской газеты «Морнинг пост», только что прибывший из Петербурга, рассказывает, что Великий князь Кирилл получил 18 ноября письмо от Великой княжны Татьяны, в котором говорится, что Царица и Великие княжны находятся в безопасности и что Царь расстрелян не был. Согласно этого письма, один большевистский офицер вошел к Царю и объявил ему, что он назначен для приведения в исполнение смертного приговора. На вопрос – нет ли способа избежать этого, он ответил, что сам он относится к этому индифферентно, но что ему надо иметь обезображенное тело, как доказательство приведения в исполнение данного ему приказа. Какой-то граф, имя которого в письме не упоминается, предложил себя на место Царя. Царь настойчиво протестовал. Но граф настаивал, и большевистский офицер кончил спор тем, что застрелил графа, согласно его желания. В это время Царь воспользовался моментом и скрылся неизвестно куда».

В этой заметке интересны намеки на якобы существовавшие дружественные отношения между Великой княжной Татьяной Николаевной и Великим князем Кириллом Владимировичем и на убийство какого-то графа вместо Государя. Это последнее, по существу, является удивительно похожим на сумасшедший бред Чемадунова, который утверждал, что убиты Боткин и другие, а Государь и Царская Семья спаслись. С другой стороны, бесследное исчезновение всей Царской Семьи снова является попыткой провести идею якобы существовавшего заговора для похищения.

А вот другая, более длинная, но чрезвычайно фантастическая статья. Представлена она в виде интервью корреспондента «Нью-Йорк таймс» господина Аккермана с каким-то мифическим камердинером покойного Государя Парфеном Алексеевичем Домниным:

«Начиная с первых дней июля, над городом появились аэропланы и летали довольно низко, бросая иногда бомбы, в большинстве не приносящие вреда. В то же время появились слухи, что чехословаки готовятся занять город. В один из таких вечеров Николай вернулся со своей обычной прогулки по саду в необычайном возбуждении; помолвившись перед иконою Николая Чудотворца, он бросился на кровать не раздеваясь; никогда раньше он так не делал.

– Позвольте мне вас раздеть, – сказал я.

– Не беспокойся, старина, – ответил Николай. – У меня тяжело на сердце, и я чувствую, что уже недолго проживу. Может быть, сегодня... – И бывший Царь не кончил фразы.

– Бог с Вами, что Вы говорите, – возразил я. И он рассказал мне, что во время прогулки в саду он получил известия о заседании специального комитета Совдепа казачьих и красноармейских депутатов Урала, которое должно вырешить его судьбу ввиду слухов, что он собирается бежать к чехословакам, в свою очередь обязавшимся будто бы вырвать его из рук Советов. “Я не знаю, что может случиться”, – сказал Николай в заключение.

Царь содержался под строжайшим надзором: ему не позволялось ни покупать газет, ни даже выходить сверх краткого времени для прогулок; прислуга постоянно обыскивалась, и меня один раз, например, заставили снять решительно все с себя, подозревая, что я проношу письма. Еду давали скудно, да и то она состояла, главным образом, из картофеля и селедок. Хлеба же давали по полфунта в день на каждого члена семьи. Царевич все это время болел. Раз он вбежал в комнату отца в слезах, и совершенно вне себя бросился на руки к отцу, и сквозь рыдания едва выговорил:

– Милый папа, они хотят тебя застрелить.

– Воля Божья во всем, – ответил Царь, – но, милый мальчик, будь спокоен, будь спокоен. Где мама?

– Мама плачет.

– Поди попроси маму перестать плакать. Божья воля должна свершиться.

– Папа, папа, – плакал Царевич, – ты и так уже много страдал, за что же они хотят тебя убить?

– Алексей, – сказал Царь, – я прошу тебя об одном – пойд и успокой маму.

Царевич вышел, а Николай стал на колени перед иконой и долго молился. Он вообще проводил за молитвой много времени; и если пробуждался по ночам, то уже больше не засыпал, а все время молился.

Лишь иногда ему разрешалось видеть Царицу “Алису”, так он звал ее. Раз и она пришла в слезах и сказала:

– Ты должен привести все свои письма и документы в порядок, дай свои последние распоряжения и завещание.

После этого Николай проводил ночи за письмами.

Он написал много; среди писем были: к дочерям, к брату Михаилу Александровичу, к дяде Николаю Николаевичу, к генералу Догерту, князю Гендрикову, графу Олсуфьеву, принцу Ольденбургскому, графу Сумарокову-Эльстону и многим другим. Он не запечатывал письма, потому что их тщательно цензуровали в Советах, и случалось нередко, что письма возвращались с пометкой: “Не отправлять”. Часто Николай целыми днями ничего не ел и все молился; было ясно, что он сильно беспокоился и болел сердцем. Поздним вечером 15 июля в комнату Царя вошел комиссар охраны и объявил:

– Гражданин Николай Александрович Романов, вы должны отправиться со мною в заседание Совета рабочих, казачьих и красноармейских депутатов Уральского округа.

– Скажите откровенно, – возразил Николай, – что вы желаете увести меня для расстрела.

– Нет, не опасайтесь, – ответил комиссар, улыбаясь, – вас требуют на заседание.

Николай поднялся с кровати, надел свою серую солдатскую рубаху, сапоги, опоясался и вышел с комиссаром. Два солдата стояли у дверей, а три других окружили и стали обыскивать бывшего Царя. После этого один из латышей пошел впереди, Царя поставили за ним, потом стал комиссар, в хвосте – остальные солдаты. Николай Александрович не возвращался долго, почти два с половиной часа. Он был очень бледен, и подбородок его нервно дрожал.

– Дай мне, старина, воды, – сказал он мне.

Я принес, и он залпом выпил большой стакан.

– Что случилось? – спросил я.

– Они мне объявили, что через три часа я буду расстрелян, – ответил мне Царь.

На заседании в присутствии Николая II были прочитаны все детали контрреволюционного заговора тайной организации “защиты родины и свободы”. Там указывалось, что организация стремилась подавить “рабоче-крестьянскую революцию, подстрекая массы против советской власти, обвиняя советы во всех злодействах и несчастьях, постигших страну, которые были причинены всему свету империализмом, войною, кровопролитиями, голодом, недостатками работы, расстройством транспорта, продвижением немцев и т. д.”. Организация намерена была объединить все несоветские фракции и социалистов наравне с монархистами.

Документы указывали, что всех своих намерений организация не смогла осуществить из-за несогласия правого крыла с левым и что во главе заговора стоял личный друг Царя – генерал Догерт. В организацию входили и представители рабочих кругов, как-то: князь Кропоткин, генерального штаба полковник Сукарт, инженер Ильинский, и были также причины думать, что Савинков был в непосредственных отношениях с этой организацией и что именно Савинков предполагался во главе нового Правительства как военный диктатор. Все эти лица соблюдали очень строгую конспирацию. Боевую группу в Москве составило около 700 офицеров; но после их переправили в Самару, где и ожидалось подкрепление от союзников для восстановления Уральского фронта, которым отделялась бы Великороссия от Сибири. Затем, когда дело уже началось бы, предполагалось мобилизовать всех сочувствующих, свергнуть Советы и вновь выступить против Германии.

Документально указывалось, что в заговоре участвовали такие социалистические партии, как народные социалисты, правые социал-революционеры, отчасти меньшевики в согласии с кадетами. Главный штаб организации находился в сношениях с генералами Дутовым и Деникиным. За самые же последние дни был обнаружен и еще новый заговор, которым, при содействии генерала Дутова, предполагалось вырвать Николая II из советских рук. Кроме того, там же, на заседании, указывалось, что Царь поддерживал секретную переписку с личными друзьями, с генералом Догертом, который якобы в одном из писем советовал Царю приготовиться к возможности освобождения.

Ввиду такого положения вещей и решения эвакуировать в Екатеринбург, совещание решило предать Царя Николая Александровича смертной казни без дальнейшего промедления.

– Гражданин Николай Романов, – объявил председатель совета, – объявляю вам, что вы располагаете тремя часами для устройства своих дел. Стража, я предупреждаю вас, иметь строжайшее наблюдение за Николаем Романовым и не спускать с него глаз.

Вскоре после возвращения Николая II с заседания к нему вошла Александра Федоровна с Царевичем; оба плакали. Царица упала в обморок, и был призван доктор. Когда она оправилась, она упала на колени перед солдатами и молила о пощаде. Но солдаты отозвались, что это не в их власти.

– Ради Христа, Алиса, успокойся, – сказал Николай II несколько раз тихим голосом.

Он перекрестил жену и сына, подозвал меня и сказал, поцеловав:

– Старина, не покидай Александры Федоровны и Алексея; ты знаешь, у меня никого больше нет, и не останется никого помочь им, когда меня уведут.

Впоследствии выяснилось, что кроме жены и сына, никого не допустили попрощаться с Николаем II. Царь, его жена и сын оставались вместе, пока не прибыл председатель совета с пятью другими солдатами и еще двумя рабочими, членами совета.

– Наденьте пальто, – сказал председатель Царю. Николай II не потерял самообладания и стал одеваться. Он еще раз затем поцеловал и перекрестил жену, сына и слугу и, обратившись к прибывшим, сказал:

– Теперь я в вашем распоряжении.

Царица и Царевич забились в истерику, и когда я бросился помочь, председатель сказал мне:

– Это вы можете сделать потом; теперь же не должно быть никакого промедления.

– Позвольте мне идти за моим господином, – просил я.

– Никто не должен сопровождать его, – ответил председатель.

Царя взяли и увезли, никому не известно – куда, и тою же ночью он был расстрелян двадцатью красноармейцами.

Еще до рассвета, тою же ночью, 15 июня, председатель совета пришел опять. С ним были несколько красноармейцев, доктор и комиссар охраны. Они вошли в ту же комнату, где содержался Царь, и доктор оказал помощь потерявшим чувства Александре Федоровне и Царевичу. После того председатель совета спросил доктора:

– Можно ли взять их немедленно?

– Да, – ответил тот.

– Граждане Александра Федоровна Романова и Алексей Романов, – объявил председатель, – вы будете увезены отсюда; вам разрешается взять только самое необходимое не свыше 30 или 40 фунтов.

Стараясь овладеть собою, мать и сын бросались из стороны в сторону и были скоро готовы. Председатель не разрешил им попрощаться со своими близкими и все время торопил их.

– И вы, старик, – сказал он мне, – уходите прочь отсюда. Теперь никого не останется, кому бы вы могли служить.

И, обращаясь к комиссару, он прибавил:

– Завтра же вы должны убрать его отсюда.

Царицу и ее сына взяли в автомобиль и куда увезли – неизвестно. Наутро комиссар велел мне уйти и позволил взять несколько вещей бывшего Царя; все же документы и письма были взяты стражей. Мне было очень трудно раздобыть даже железнодорожный билет, потому что вокзал и все районы занимались красноармейцами, увозившими ценные вещи из города».

Казалось бы, что всю эту лживую и пошлую по форме статью можно было бы не воспроизводить. Кто из русских когда-нибудь слышал о существовании у бывшего Государя друга – генерала Догерта, – или «князя» Гендрикова, или кто слышал о существовании генерального штаба полковника Сукарта, да и самого камердинера Домнина? – все это сплошная ложь, а форма разговора между Царем и камердинером – просто пошлость. Ни для кого не может быть сомнения, что все это интервью полная выдумка.

Но тем не менее статья имеет и много существенного для дела. Разве, по соответствию со всеми заявлениями советских властей, эти документы о раскрытом заговоре не представляются именно теми измышленными в Москве документами, которые хотелось бы иметь Янкелю Свердлову, чтобы опубликовать как подтверждение принятого решения для казни Николая Романова? В свое время Янкель Свердлов этого не сделал; не сделал потому, что обстановка сложилась благоприятно для Москвы, а потому советская власть и не сочла нужным трудиться над изобретением документов. Теперь же обстановка опять ухудшилась, надо было расположить мир в свою пользу, и вот создается не существовавший верный слуга бывшего Императора и его устами оповещает всю за границу в желательном для советской власти смысле.

Суть приведенного интервью преследовала три цели:

1) представить миру картину якобы произведенного над отрекшимся Императором народного суда с подробной мотивировкой причин, побудивших власть к принятию спешного решения;

2) надо было, по обстоятельствам тогдашнего времени, припугнуть немцев возможностью создания на Урале Сибиро-союзного фронта и коалиции всех противных Советам партий против Германии;

3) подготовить почву для благоприятного принятия запоздалого опубликования тех документов, которые советская власть все же считала необходимым выпустить главным образом уже для российского общественного мнения.

Но раньше чем перейти к этим последним документам, необходимо отметить еще одну черту, проскальзывающую в приведенном интервью, служащую подтверждением предположения, что инспираторами этой статьи могли быть только сами советские деятели. В статье, при всей общей ее фальшивости, проскальзывают некоторые верные детали совершенного преступления.

Так, например: в составе ближней охраны был латыш; приехали поздно ночью в дом, чтобы вести на расстрел, председатель и два члена из совдепа. Эти детали вполне совпадают с тем, что было фактически, и легче всего проскальзывают в лживых повествованиях тогда, когда их рассказывает сам участник факта.

3 апреля 1919 года радио Москва – Будапешт разнесло по всей России и по всему миру следующее сообщение из «Вечерних Советских Известий».

«Продолжение начатого 2 апреля опубликования документов по делу о попытке к побегу Николая II.

Анонимный корреспондент, обменивавшийся письмами с Романовыми, пишет:

“С Божьей помощью и с Вашим хладнокровием надеемся достичь нашей цели, не рискуя ничем. Необходимо расклеить одно из Ваших окон, чтобы Вы могли его открыть, я прошу точно указать мне окно. В случае если маленький Царевич не может идти, дело сильно усложнится, но мы и это уже взвесили, и я не считаю это непреодолимым препятствием. Напишите точно, нужны ли два человека, чтобы его нести, и не возьмет ли это на себя кто-нибудь из вас. Нельзя ли было бы на 1 или 2 часа на это время усыпить “маленького” каким-нибудь наркотиком. Пусть решит это доктор, только надо Вам точно предвидеть время. Мы доставим все нужное. Будьте спокойны. Мы не предпримем ничего, не будучи совершенно уверены в удаче заранее. Даем Вам в этом торжественное обещание перед лицом Бога, истории, пред собственной совестью. Офицер”.

«Несмотря на обещание, эта попытка окончилась расстрелом Николая II.

Ответ Романова на письмо «офицера» еще длиннее самого письма:

“Второе окно от угла, выходящее на площадь, стоит открыто уже два дня и даже по ночам. Окна 7-е и 8-е около главного входа, тоже выходящие на площадь, точно так же всегда открыты. Комната занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану. Их 13 человек, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами. Ни в одной двери, за исключением нашей, нет ключей. Комендант и его помощники входят к нам, когда хотят. Дежурный делает обход дома ночью 2 раза в час, и мы слышим, как он под нашими окнами бряцает оружием. На балконе стоит один пулемет, а под балконом другой на случай тревоги. Не забудьте, что с нами будет доктор, горничная и маленький кухонный мальчик. Было бы низко с нашей стороны (хотя они ни в коем случае нас не затруднят) оставить их тут после того, как они добровольно последовали за нами в изгнание. Напротив наших окон по той стороне улицы помещается стража в маленьком домике. Она состоит из 50 человек. Все ключи и ключ № 9 находятся у коменданта, который с нами обращается хорошо. Во всяком случае известите нас, когда представится возможность, и

ответьте, можем ли мы взять с собой наших людей. Перед входом всегда стоит автомобиль. От каждого сторожевого поста проведен звонок к коменданту и провода в помещение охраны и другие пункты. Если наши люди останутся, то можно ли быть уверенным, что с ними ничего не случится?»

К нам попал в руки дневник Николая Романова за 1917 и 1918 г. Под 10 июня 1918 г. записано: «Сегодня утром у нас открыли окно»; 14/6: «Мы провели беспокойную ночь и, не раздеваясь, бодрствовали». Дальше, под 28/6: «Около половины 11-го утра подошли к открытому окну 3 рабочих, подняли тяжелую решетку и укрепили ее снаружи в окне». 30/6 кончается дневник Николая Романова».

Эта заметка «Вечерних Известий», по заявлению советских властей, представляла те «документы о заговоре» и «материалы и документы Николая Романова», в которых Янкель Свердлов оповестил своих коллег в заседании президиума 18 июля 1918 года и которые обещал разобрать и опубликовать «в ближайшее время».

Он исполнил обещание в апреле 1919 года.

Какова же ценность этих документов?

Прежде всего с точки зрения формы, слога и выражений, приведенных в этих документах.

Отчего о них так отзывается Олендорфом или каким-нибудь другим распространенным пособием для изучения какого-либо иностранного языка, составленным иностранным автором на русском языке? Отчего «офицер», желающий спасти бывшего Государя Императора и, значит, оставшийся в душе верноподданным, обращаясь к нему, называет его только «Вы», «Вам», а не «Государь», «Ваше Величество» – ему более привычным и допустимым титулованием? Отчего он же называет наследника Цесаревича – Царевичем, что на русском языке не одно и то же; а в одном месте он просто называет наследника Цесаревича «маленький», как будто имел возможность, как и советские деятели, читать дневники Государя Императора и видеть там интимное ласкательное наименование, данное Государем нежно любимому сыну. Отчего, наконец, в этих документах как бы опять подсказывается до конца недоговоренная идея совершившегося в Екатеринбурге преступления, по сумасшедшей версии Чемадунова: Царь и его Семья вывезены; Боткин и все остальные брошены и погибли? – ведь такой план спасения вытекает из смысла обоих писем.

Какова же суть этих документов, фактическая сторона в них?

Окна дома, где содержалась Царская Семья, и вид из окон на улицы были загорожены двумя рядами сплошных заборов, высота коих доходила до верхних косяков окон, а местами даже до крыши. Внутренний забор отстоял от стены дома аршина на полтора, охватывая дом от окна комнаты коменданта у парадного крыльца до начала сада, выходившего в Вознесенский переулок. Этот забор образовывал со стеной дома узенький, глухой коридор со входом только от парадного крыльца. При таких условиях, чтобы похитить через окно, надо было предварительно проломать заборы.

Из окон комнат через забор можно было видеть только узенькую полоску неба. О том, что дом, где жила наружная охрана, был маленький, могли знать видевшие его, но не Государь, который за заборами ничего не видел. О том, что от сторожевых постов, кроме звонков к коменданту, были проведены провода в помещение охраны и «другие пункты», могли знать их проводившие и дежурившие на постах, но не Государь, которому даже постов не было видно. Никакой сигнализации с проводами для сторожевых постов в действительности и не было, а был проведен только один звонок от часового у парадного входа в переднюю дома Ипатьева.

Вокруг дома Ипатьева стояли часовые от караула и, как отличный службист, Государь никогда не назвал бы их сторожевыми постами, что по уставу имеет совершенно другое значение. Внутренняя охрана помещалась в нижнем этаже, а не в комнате коменданта; в комнате

коменданта ночевал только помощник, а Авдеев и Юровский утром приходили, а вечером уходили на свои квартиры. Дежурные два раза в час по ночам не обходили, да специальных дежурных и не было. Были разводящие, дежурившие по неделям, разводящие смены каждые четыре часа.

О каких ключах и для какой цели говорит Государь и что это за ключ № 9? Сам же Государь говорит, что двери не запираются.

А мог ли Государь забыть, что спасению с ними подлежали не только Боткин, Демидов и Седнев, а еще Харитонов и Трупп? Забыли о них, вероятно, те, кто в Москве сочинял эти документы.

Особенно чувствуется фальшивость документов в тех фразах, которыми обрисовывается корреспондент: «офицер», русский офицер из состава организации белогвардейцев, для чего-то особенно подчеркивает в своем письме и старается убедить ожидающего спасения Государя, что «надеемся достичь нашей цели, не рискуя ничем», «я не считаю это непреодолимым препятствием», «будьте спокойны», «мы не предпримем ничего, не будучи совершенно уверены в удаче заранее» и подтверждает это торжественным обещанием «перед лицом Бога, истории». Разве, кроме того, вся эта фраза с «заранее» на конце и патетической клятвой похожи на русский слог, на русский дух и в особенности на дух офицера из организации?

Ну, а эта фраза в ответе Царя: «было бы низко с нашей стороны (хотя они ни в коем случае нас не затруднят) оставить их тут...» Чья она? Могла ли быть, при каких бы то ни было обстоятельствах, сказана устами Государя, русского человека, да при всем том прекрасно владевшего родным языком?

Но в то же время, косвенно упрекая «офицера» в низости за то, что он не предусмотрел необходимости спасать приближенных и преданных людей, письмо-ответ не забывает сказать про коменданта доброе слово, который «с нами обращается хорошо», поместить эту аттестацию, как придаточное предложение к указанию о месте нахождения ключей.

Таковыми представляются содержание и характер советских документов о раскрытых белогвардейских заговорах, имевших целью похищение Царской Семьи. Эти же документы, по заявлению Янкеля Свердлова, послужили для советской власти толчком и дали право покончить с бывшим Государем Императором, не дожидаясь предполагавшегося над ним народного суда. «Хотя, – говорит еврей Сафаров в своей статье, посвященной расстрелу бывшего Царя, на страницах газеты «Уральский рабочий» от 23 июля 1918 года, – при этом и были нарушены многие формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционно-исторический церемониал казни «коронованных особ»... но рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм: она не сделала исключения для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенным разбойником»...

Это заявление еврея Сафарова цинично, но, по крайней мере, откровенно. Из уст одного из главнейших исполнителей казни узнаем, что никакого суда над «Николаем Романовым» и не предполагалось: Янкель Свердлов просто соврал своим коллегам, побоявшись сказать правду. Еврей Сафаров оказался храбрее и наглее; он объясняет и причину, почему не предполагалось прибегать к суду: это не демократично, а «рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм».

* * *

Так ли это? Действительно ли рабоче-крестьянская власть не сделала исключения для бывшего Государя Императора? Действительно ли она «расстреляла его наравне с обыкновенным разбойником?» На эти вопросы отвечает вся настоящая книга устами тех подлых

еврейских и русских руководителей и тех несчастных и тупых злодеев, которые участвовали или видели «этот расстрел». Во всяком случае, приведенные официальные документы не являются правдивым материалом для русского судьи и историка, как хотел бы того Янкель Свердлов, и ни в коем случае не оправдывают главарей советской власти в их злых и гнусных деяниях. Совершенно наоборот: документы эти наводят на мысль искать другие причины кровавым преступлениям лета 1918 года, независимо от того, существовали ли белогвардейские организации офицеров для спасения бывшего Царя и его Семьи или нет. Что офицерские организации вообще существовали, в этом, пожалуй, советские власти могли не сомневаться. Но чтобы деятельность их в отношении спасения заключенных могла потребовать от исчадия еврейского народа – Свердловых, Сафаровых, Войковых, Голощекиных, Юровских и российских себялюбцев – Лениных, Саковичей, Белобородовых – проявления от имени русского народа «демократизма», для этого документы советских властей «о заговорах» не дают никаких оснований. Документы Янкеля Свердлова в юридическом отношении лишь нагло-ложны и низко-подлы, как приписанные бывшему русскому Государю и русскому офицеру.

Что же дают документы «о заговорах» с нашей стороны? Существовали ли действительно организации для спасения Царской Семьи в Екатеринбурге, Тобольске или иных городах и пунктах и чем проявили тогда они себя?

Сложно и трудно было работать немногому остававшемуся в живых честному офицерству в этом направлении.

Участие высшего генералитета армии, руководителей и авторитетов офицерства почти в первых рядах Февральской революции, в отречении Царя от престола, в политическом развале армии и страны керенщиной сильно расшатало единство мыслей, чувств и мировоззрений этой сильной и относительно единодушной в былое время организованной корпорации. Революция нарушила, смяла и осмеяла ее прежние основные принципы дисциплины, иерархии, взаимоотношения и законов сплоченности, ее национальные и духовные лозунги, и взамен прежнего ничего нового – морально и нравственно здорового – офицерство не получило.

Война влила в ряды офицерства много постороннего элемента – элемента, зачастую совершенно негодного в нравственном отношении, а демократические приемы Гучковых, Керенских и компании по углублению революции и реорганизации армии на революционных началах, с выдвижением в верхи офицеров, начальников по натуре каторжного, ссыльного и тюремного стажей способствовали еще более развалу офицерства. Трудность какого-либо морального, более или менее солидного объединения массы вне царивших разнообразных и шатких политических течений становилась почти непреодолимой.

Отсюда, среди оставшегося честного офицерства, развились, как основные черты, недоверие, замкнутость, осторожность в общении с другими офицерами и между собой и острая подозрительность ко всякого сорта и характера политическим деятелям, выбрасывавшимся революционной волной на арену деятельности из среды общей массы. С другой стороны, частью для так называемых временных джентльменов, а к ужасу, в большинстве для коренных генералов и офицеров создались чрезвычайно благоприятные почва и обстановка для достижения власти и значения легкими путями: лицедейством слова и провокацией положения. Достигнутые власть и влияние предоставляли таким военным элементам безответственно и часто безнаказанно творить свои собственные делишки под прикрытием громких, фальшивых принципов и лженациональных лозунгов.

После Октябрьского переворота офицерство, ушедшее из советской России, легко объединялось под флагом борьбы с Советами и большевиками, и, вероятно, в то время не существовало города в России, где бы не было тайной или явной такой, чисто боевой, офицерской организации. В эти организации офицерство шло охотно, мало думая о тех будущих политических принципах строительства государства, которые выдвигались разными создававшими-

мися антисоветскими временными правительствами и правителями. Здесь этот вопрос отодвигался на второе место; импульсом движения была простая ненависть к чуждым русскому офицеру узурпаторам власти, носителям пятиконечной звезды; офицер вступал в привычную ему по понятиям, форме и духу зону, зону бойца, а не политического деятеля.

Совершенно, по-видимому, иная обстановка создавалась в деле организации офицерства для помощи или спасения бывшего Царя и Царской Семьи. Мало кто подходил к разрешению вопроса чисто только с человеколюбивой точки зрения. Почти каждый из числа помышлявших о спасении или похищении Царской Семьи носил в себе свои, лично им лелеемые политические принципы, клавшиеся в основу цели спасения и дальнейшего развития государственного строительства будущей, освобожденной России. Здесь каждый отдельный элемент организации являлся прежде всего носителем политических определенных идей, и они являлись для него доминирующими над всякими другими обстоятельствами и соображениями. Раскол, существовавший в монархической партии в дореволюционный период, пройдя через стадию двух революций, настолько развился среди интеллигентного класса, что белогвардейские организации рассматриваемых целей прежде всего натывались на затруднения в своем развитии из-за своих собственных монархических принципов. Как ни грустно и ужасно, но в будущем изложении, кажется, придется коснуться дела, когда одна организация, случайно подошедшая близко к разрешению вопроса спасения Царской Семьи, не выполнила такого по несочувствию в принципах среди части офицеров, с которой предполагалось работать. Среди молодежи искажение понятий и высоких принципов монархизма под влиянием революции дошло даже до уродства: один молодой офицер, например, утверждал, что если Бронштейна-Троцкого помазать на русское Царство миром, то он станет уже законным помазанником Божиим, и добавлял, что, хотя сам он не признает тогда Бронштейна русским царем, но бороться с ним перестанет.

Таковыми представляются политические условия группировки офицерства в организации для спасения Царской Семьи. К этому необходимо добавить, что недоверчивость и подозрительность честного офицерства вели к чрезвычайно осмотрительному, осторожному и тщательному выбору лиц для указанной цели. Обстоятельства требовали большой конспиративности и предусмотрительности как в самой организации, так и в деятельности ее членов, дабы не нарываться на провокации, измены, обманы, от последствий которых могла страдать не только сама организация, но главным образом те, которых хотели спасти. Эти условия приводили к чрезвычайной медлительности работы, требовали много времени для осуществления цели, а между тем события не ждали, быстро назревали и, наконец, разрешались раньше, чем организация могла предпринять что-либо серьезное для спасения Царской Семьи.

Указанные трения, затруднения и общие положения привели к тому, что за весь период революции среди честного офицерства Екатеринбургa создались всего две маленькие организации: одна – в период пребывания Царской Семьи еще в Тобольске, задавшаяся целью оказать Семье возможную помощь для облегчения условий жизни, и другая – уже во время пребывания Царской Семьи в Екатеринбургe, мечтавшая спасти Царскую Семью.

Вот что рассказывает о деятельности первой из названных групп один из ее участников, штабс-ротмистр С.

«Почти всю зиму 1918 года я провел в Тюмени, а в апреле, на 6-й неделе поста, поехал в Тобольск. На пути, в деревне Дубровно, верстах в 50–60 от Тобольска, мне повстречался поезд с Государем, Государыней и Великой княжной Марией Николаевной, которых комиссар Яковлев вез на Тюмень. Государыня узнала меня, узнала, как офицера Ее Крымского конного полка, и издали осенила крестом. Проводив глазами поезд, я поехал дальше на Тобольск. В Тобольске мне никого из Августейшей Семьи видеть не пришлось; я узнал, что делом помощи заключенным занимается местный священник о. Васильев и дня через три

поехал обратно на Тюмень. Материальных средств у нас никаких не было, но мы думали, что найдем поддержку у частных людей».

Вот и все, что успела сделать горсточка безусловно честных офицеров в этот промежуток времени.

Представитель другой организации подполковник И. К. Л. рассказывает следующее:

«В мае 1918 года я был командирован из Петрограда в Екатеринбург от монархической организации “Союз тяжелой кавалерии”, имевшей целью спасение жизни Августейшей Семьи. В Екатеринбурге я поступил в слушатели 2-го курса Академии Генерального штаба и, имея в виду осуществление вышеуказанной цели, осторожно и постепенно сошелся с некоторыми офицерами-курсантами: М-им, Я-им, С-им, П-им, С-им. Однако сделать что-либо реальное нам не пришлось, так как события совершались весьма неожиданно и быстро. За несколько дней до взятия Екатеринбурга чехами я ушел к ним в состав офицерской роты полковника Румши и участвовал во взятии Екатеринбурга.

После этого в офицерской среде возникла мысль сделать все возможное для установления истины: действительно ли убит Государь Император».

Вот и все, что было по части частных офицерских организаций, руководившихся принципами национального характера и добрыми намерениями искренно помочь или спасти Царскую Семью. После расстрела бывшего Царя в городе говорили, что была раскрыта какая-то тайная монархическая организация, но никто из вышеназванных офицеров о ней ничего не знал, никто из них сам не пострадал и никто из них не слыхал, чтобы вообще пострадал какой-либо другой офицер в городе за попытку спасти Царскую Семью.

Офицеры этих организаций, стремившиеся честно сделать доброе дело и действительно помочь заключенной Царской Семье, не кричали о своей деятельности, не шумели, не кичились своими связями в прошлом, не бахвалились своими намерениями и работой, и, кто знает, если бы Богу угодно было дать больше времени в их распоряжение – может быть, им и удалось бы серьезно помочь несчастным узникам. Таких офицеров было мало, офицеров долга и чести; революция их слишком разбросала, обессилила и забила.

Но зато более многочисленными были группы иных офицеров-спасителей – продуктов и сынов революции. Быть может, в действительности ни в какие организации они не входили и никаких организаций у них не было, а существовали они только у них на словах. Эти офицеры отличались бахвальством и чванством; шумели о своей деятельности где только могли; кричали чуть что не на всех перекрестках, входя во все откровенности с первыми встречными и не смущаясь того, что могли быть услышаны советскими агентами и властями. Последние, однако, как ни странно, совершенно игнорировали деятельность подобных типов, не преследовали крикливых заговорщиков, а иногда были даже в явных с ними сношениях.

Татьяна Евгениевна Мельник, дочь убитого доктора Боткина, проживавшая у отца в Тобольске, рассказывает об одной из таких организаций, на которую ей пришлось натолкнуться в Тобольске.

«Это было в семье одного купца-мясника, пасынок которого тоже мнил себя организатором и был явным противником отца Алексея (Васильева). Он очень много говорил о своей организации, состоявшей якобы из офицеров и союза фронтовиков...

Однажды мы были в гостях у этого организатора, где, кроме нас, его родителей и жены, был еще его зять, член совдепа...

Вдруг звонок; организатор сам бежит открыть двери, и возвращается с каким-то растерянным видом, и представляет нам господина I, открывающего в Тобольске кинематограф. При первом взгляде на него мы поняли, что кинематограф здесь ни при чем. Это был человек среднего роста, с маленькими холеными руками, с правильными чертами интеллигентного лица, с великолепным пробором и тщательно подстриженной бородкой. Его слегка карта-

вое произношение обличало человека, привыкшего говорить на иностранных языках. Мы не знали, кто он, но сразу догадались об его петроградском происхождении, а он, очевидно, предупрежденный организатором, сел около нас с братом, начал разговор, сначала общий, потом постепенно переходя на рассказы из петроградской жизни: “Моя кузина княгиня Урусова”, “Вы знаете князя Кочубея?”, “Когда мы были на Высочайшем обеде”, “У нас в первой гвардейской дивизии” и т. д., без конца и без удержу, не замечая ужасных гримас организатора и насторожившегося члена совдепа. При второй встрече повторилось то же самое, так что бывшие у организатора гости предупреждали его: “Берегитесь, он не похож на варшавского мещанина”.

Понятно, что комиссары все его отлично знали, о чем, к его великому изумлению, ему и говорили, но тем не менее дали беспрепятственно выехать из Тобольска...

Когда Их Величество увезли из Тобольска, мы осведомились (у организатора), почему, собственно говоря, его организация не предприняла чего-либо против этого. “Вы не знаете, – сказал он нам, – мы ведь сорганизовались для спасения Алексея Николаевича”. Подошло время отъезда Великих княжон и Алексея Николаевича, и мы опять обратились с тем же вопросом к организатору. “Помилуйте, ведь не могли же мы себя обнаружить, ведь нас бы всех красноармейцы переловили...”»

К сожалению, таких организаторов-офицеров из той категории, которая во время войны получила определение «временные джентльмены», было в это время несравненно больше, чем бывших скромных и честных тружеников военного дела и долга. Большинство этих последних покоились смертью храбрых на полях Галиции, Польши и Пруссии, а немногие оставшиеся замкнулись под гнетом новых политических веяний и новых выскочек-нахалов.

Были и еще другого направления организаторы-офицеры, связывавшие также свою деятельность с именем Царской Семьи. Совершенно своеобразный и загадочный характер работы представителей этих организаций сильно походил на какую-то очень крупную и преступную провокацию и даже предательство по отношению к Их Величествам, и были они неуязвимы в пределах советской России, пользуясь какой-то особой властью для выполнения своих тайных целей.

Проявила себя эта категория организаций вскоре после перевозки Царской Семьи в Тобольск и продолжала свою работу долго после разразившейся Екатеринбургской драмы, перенеся район своей темной деятельности на нашу территорию. Раскрыть в полной мере те явно преступные цели, к которым стремились эти загадочные организации, к сожалению, не удалось: оказалось, они пользовались значительной силой влияния и в наших пределах. Но добытый материал тем не менее достаточен, чтобы до известной степени осветить одну из мрачайших сторон нашей общественной жизни последних лет, много помогшей воцарению в России иудо-русской власти.

Эта организация имела и сейчас еще имеет обширные связи как в рядах советской и антисоветской среды России, так и за границей. Руководящий центр ее был первоначально, после Февральской революции, в Петрограде и был представлен, главным образом, людьми той категории высокого света, которые, в сущности, не принимались в интимный круг Императорской Семьи, но образовывали класс придворных 2-й категории и наполняли Петроград многочисленными безответственными светско-политическими кружками, стремившимися закулисно влиять на всю историческую жизнь России. После Октябрьского переворота этот центр перекочевал в Берлин и продолжал оттуда руководство своими агентами в России.

На Урале центральной фигурой этой организации явился капитан Борис Николаевич Соловьев, женившийся на дочери Григория Распутина уже после убийства отца. Кто он был и откуда появился – неизвестно; никто не знал его ни в Тобольске, ни в среде Царской Семьи,

ни среди придворных, оставшихся при ней, как самых ей близких людей по всей предыдущей жизни.

В то время когда Царская Семья проживала в Тобольске, Соловьев устроился в Тюмени, откуда до Тобольска зимой ездили на лошадях, а летом на пароходах. Таким образом, Тюмень перехватывала пути из Европейской России на Тобольск. Здесь, в Тюмени, Соловьев установил как бы заставу для всех лиц, пытавшихся пробраться в Тобольск в целях повидаться там с заключенными членами Августейшей Семьи. Соловьев говорил, что находится во главе организации, поставившей целью своей деятельности охранение интересов заключенной в Тобольске Царской Семьи путем наблюдения за условиями жизни Государя, Государыни, Наследника и Великих княжон, снабжения их различными необходимыми для улучшения стола и домашней обстановки продуктами и вещами и, наконец, принятия мер к устранению вредных для Царской Семьи людей.

Все сочувствовавшие задачам и целям указанной организации должны были являться к нему, прежде чем приступить к оказанию в той или иной форме помощи Царской Семье; в противном случае, говорил Соловьев, «я налагаю вето» на распоряжение и деятельность лиц, «работающих без моего ведома, и ослушников предаю советским властям». Так, по его собственным словам, им были преданы большевикам два офицера гвардейской кавалерии и одна дама, которые и были будто бы расстреляны.

Действительно ли имело место это подлое предательство Соловьева или врал он ради запугивания новичков и личных выгод – дело совести этой темной личности, но почему Соловьев, не известный никому из заключенных в Тобольске, считал себя вправе быть чуть что не вершителем судьбы несчастных узников – остается всецело на совести тех лиц руководившего центра, которые его послали с такими задачами, руководили им и вовремя укрылись в Берлине.

Правой рукой Соловьева в Тобольске и ближайшим исполнителем поставленных центральной организацией целей являлся настоятель церкви Благовещения в Тобольске отец Алексей Васильев.

Провидению угодно было и здесь, в Тобольске, приблизить к людям великой и чистой христианской веры пастыря, недостойного носившегося им сана и сыгравшего роковую роль в последовавших несчастиях Царской Семьи во время заключения в Тобольске.

Алексей Васильев принадлежал тоже к тому типу организаторов, на которых указывает Татьяна Мельник. Он любил рассказывать о своей организации всем, если думал, что это может составить выгоду для него самого. Он довел об этом даже до сведения Государя и Государыни, которым хотелось ему верить. В отношении Соловьева сначала, когда от Соловьева поступали деньги, Алексей Васильев проявлял корректность. Но потом, по-видимому, ему захотелось играть первенствующую роль, и тогда он стал лить на Соловьева ушаты помоев, получая от него в ответ таковые же. В общем, по нравственному и моральному облику Соловьев и Алексей Васильев были работниками парными.

Положение Царской Семьи в Тобольске в первые месяцы в общем было довольно сносным. Им разрешалось ходить каждую обедню в церковь, а всенощные всегда служили дома, и служил причт Благовещенской церкви с певчими; свите не делалось никакого стеснения, и она свободно входила и выходила, когда хотела; отношение жителей города было более чем благожелательное, и Царская Семья получала постоянно к столу различные посылки из съестного и сладкого, присылавшиеся разными доброжелателями из местного населения. Солдаты охраны того времени не обращали на все это никакого внимания, и многие из них высказывали свою любовь и верные чувства Государю и членам его Семьи.

В этот период – август, сентябрь – центр упомянутой организации ничем себя не проявил. Если он имел действительные намерения спасти Царскую Семью, то именно это время было наиболее благоприятным: в составе самой охраны и особенно среди солдат бывшего 4-

го Императорской Фамилии стрелкового полка большая часть людей сама предлагала Государю воспользоваться днями их дежурства для совершения побега. Император ответил им, что он никуда из России не уедет и разлучаться с Семей не будет. Однако безусловно в этот период проявляются признаки заинтересованности настроением бывшего Императора и Государыни Императрицы со стороны императора Вильгельма: в Тобольске появляются русские офицеры типа лиц той же среды, из которой состоял центр организации, и передают Царской Семье предложение Вильгельма принять его помощь. Ответы Государя и Государыни были отрицательными.

В начале октября направление мыслей солдат охраны стало ухудшаться: приехавший от Керенского новый комиссар Панкратов со своим помощником Никольским затеяли политическую борьбу с местными большевиками, во главе которых был некий Писаревский, и объектом своих политических экспериментов сделали солдат охраны.

Солдаты стали нервничать, разлагаться, хулиганить. Цель у них была иногда вовсе не причинить неприятность Августейшей Семье, но выходило так, что страдала всегда она. Стали придираться ко всяким мелочам распорядка жизни Семьи, до тех пор не вызывавшим никаких недоразумений; обратили внимание, что Государь и Наследник продолжают носить погоны; заметили кинжал на черкеске у Государя; поднялись разговоры о слишком большой свободе приближенных к арестованным; словом, как говорят, атмосфера начала наэлектризовываться.

К этому времени между Людендорфом и Гофманом, с одной стороны, и Лениным и Троцким – с другой, т. е. между крайней правой партией Германии и крайней левой России, уже состоялся известный договор. Не секрет теперь, что в рядах деятелей и сотрудников Ленина и Троцкого-Бронштейна оказались также многие из нашей крайней правой или, вернее, причислявшие себя к таковой: Красин, Гутер, Бонч-Бруевич, Шнеур, Муравьев и почти вся бывшая тайная охранка и много других, выявившихся своей активной деятельностью и еще больше – действовавших скрытно, за спиной. Такое содружество было понятно: на Ленина и Бронштейна крайняя германская партия смотрела как на временное оружие, которое в нужный момент будет убрано, а на вспаханное поле посеют семена объединившиеся крайние правые Германии и России. Теоретически расчет был правилен, но практически его составили люди вовсе не духовно-национальных принципов монархизма, а люди полицейско-личного режима.

За последнее время излюбленным способом этого режима для достижения намеченных целей явилась провокация самого разнообразного вида и самого широкого размера.

Та же провокация нашла себе место и в Тобольске в отношении несчастной Царской Семьи.

Выше уже было сказано, что вывести определенно-цельное заключение из деятельности организации, к которой принадлежали люди типа Соловьева и Васильева, не представилось возможным. Здесь история ограничивается лишь изложением тех фактов, которые определялись расследованием, и тех мыслей, которые зарождались как следствие совокупности всех фактов и обстоятельств, прошедших в период работ по исследованию трагической кончины бывшего Государя Императора и Его Семьи.

Как раз в это время, когда атмосфера вокруг Царской Семьи начала сгущаться и настроение охраны обострялось, в лице Алексея Васильева и Соловьева начинает проявлять свою деятельность по «охранению интересов заключенных» рассматриваемая Петроградская организация.

Чтобы попасть в церковь, Царской Семье приходилось пройти садом, перейти улицу и тогда уже был вход на паперть. При каждом выходе в церковь арестованных по обеим сторонам этого пути ставились шпалерами солдаты охраны. Был день 3 ноября (21 октября по старому стилю, день восшествия на престол бывшего Государя Императора); вся Семья приоб-

щалась у ранней обедни; народу в церкви было совсем мало; никто решительно ни в городе, ни в охране не обратил внимания на службу именно в этот день. Кончилась служба, Августейшая Семья направилась домой. И вот в тот момент, когда бывший Государь и Государыня появились на паперти, по распоряжению Алексея Васильева совершенно неожиданно раздался звон всех колоколов собора и продолжался все время, пока Царская Семья шла между рядами насторожившихся солдат охраны и не скрылась в подъезде губернаторского дома, который она занимала. В глазах солдат, привезенных из Царского Села, Алексей Васильев воспроизвел полностью картину выхода Их Величеств из церкви в период, когда они были на престоле.

На счастье, семена развала, сеявшиеся в охране распрей Панкратова с Писаревским, еще не успели достаточно взрасти, и начальнику охраны полковнику Кобылинскому удалось на этот раз еще овладеть настроением массы, и инцидент ознаменовался только шумом, криками возмущения и негодования в среде охраны, не причинив реальных последствий для Августейшей Семьи. Но отношение солдат охраны резко изменилось, они потребовали удаления Панкратова и присылки из Петрограда или Москвы большевистского комиссара, и с этого времени Писаревский приобретал себе все более и более сторонников в рядах охраны.

Наступило Рождество. 25 декабря вся Царская Семья была у ранней обедни. После обедни начался молебен. Церковь была битком набита народом; солдаты охраны, в то время уже довольно демократизованные, обыкновенно церкви не посещали, а те, кто бывал в наряде в шпалерах, пока шла служба, разбредались повсюду коротать время по-своему. Но на этот раз почему-то в церковь явилась чуть не вся охрана и в особенности элементы уже совершенно обольшевичившиеся. Молебен шел своим порядком, подходил к концу. И вот опять, снова по распоряжению Алексея Васильева, неожиданно для всех диакон провозгласил многолетие всей Царской Семье, именую при этом полными былыми титулами: Его Императорскому Величеству, Ее Императорскому Величеству, Их Императорским Высочествам...

Бунт среди охраны и городского пролетариата разразился невероятный; солдаты рвали и метали, подстрекаемые еще большевистскими руководителями, и с громадным трудом удалось их удержать от проявления крайних, насильственных действий над членами безвинно пострадавшей Царской Семьи. В конце концов на состоявшемся шумном, буйно настроенном митинге более умеренным элементам удалось провести резолюцию: в церковь совсем Семью не пускать; пусть молятся дома, но каждый раз на богослужении должен присутствовать солдат.

Так Алексей Васильев, исполняя волю поставивших его, «охранил интересы заключенных»; только случайно в Тобольске не свершилось самосуда разъяренной Алексеем Васильевым толпы над бывшим Государем и его Семьей. Во всяком случае, Царская Семья была лишена свободы посещения церкви, а следовательно, лишена возможности общаться с приезжавшими к ним в Тобольск друзьями. Быть может, это тоже входило в планы Петроградской организации.

В свой центр, в Петроград, Васильев и Соловьев доносили, что ими организована сильная организация в 300 человек, а следовательно, нет надобности присылать новых офицеров и увеличивать численно организацию, но требовали все новых и новых присылок денег, как для Царской Семьи, так и для содержания организации. Действительно, через писца, исполнявшего в Тобольске обязанности дворника и ставшего, как оказалось впоследствии, большевиком, Алексей Васильев передал бывшему Государю незначительную сумму денег, которая потом, при сличении с суммами, присылавшимися Васильеву и Соловьеву, оказалась совершенно ничтожной. Все же остальные деньги оставались у этих местных исполнителей распоряжений центрального органа.

По-видимому, и в отношении численности организации Соловьев и Васильев были также далеки от истины или же организация эта имела какие-нибудь особые цели, так как на последовавшие события организация не реагировала: провезли из Тобольска в Екатеринбург с маленьким конвоем бывшего Государя, Государыню и Великую княжну Марию Николаевну; провезли туда же спустя три недели остальных членов Царской Семьи; свершили в Екатеринбурге Исаак Голощекин и Янкель Юровский свое злое дело – ни Соловьев, ни Васильев, ни их организация не проявляют никаких мер по «охране интересов Царской Семьи».

Когда был взят Екатеринбург, то из разбитой, отступавшей армии Берзина к нам перебежало много наших офицеров. В числе их был и генерального штаба капитан Симонов, начальник штаба армии Берзина. Хотя это был офицер, перечисленный в генеральный штаб уже приказом Бронштейна-Троцкого, но, занимая видную должность у Берзина, он много помогал нашему офицерству перебраться на белогвардейскую сторону и в конце концов сам последовал за ними. В Омске он нашел своего начальника Академии генерала Андогского; последний, покровительствуя Симонову, взял его в Ставку на ответственную должность начальника разведывательного и контрразведывательного отдела.

В Омске Симонов всем говорил и докладывал официально Верховному правителю, что, служа в рядах большевиков, он слышал от комиссаров, что наследник Цесаревич и Великие княжны живы, но неизвестно, где находятся. Лично Симонов твердо верил в это, решительно отстаивал эту версию, но никаких реальных доказательств представить не мог.

В феврале 1919 года Соловьев оказался во Владивостоке. Проживал он в гостинице, сохраняя большое инкогнито, но открылся начальнику паспортного пункта полковнику Макарову и просил у него четыре незаполненных бланка заграничных паспортов. Макарову он рассказал, что наследник Цесаревич и Великие княжны живы и невредимы, что он ждет условной телеграммы об их выезде и просит заграничные бланки, которые заполнит сам, будто бы для отправки Августейших детей за границу.

Примерно в это же время во Владивосток по делам службы приезжал и новый начальник полковника Макарова капитан Симонов. Оказалось, что с Соловьевым они знакомы и солидарны в вопросе спасения Царских детей.

Фантазия, походившая по абсурдности на умышленно злостное распространение сведений с преднамеренной целью, быстро распространялась по всей Сибири; передавалась она из уст в уста, как непреложная истина, и верили ей гораздо больше и легче, чем обоснованным на фактах докладам следователя Соколова. При этом, как ни грустно, большинство утверждало, что спасены дети при посредстве немцев и увезены в Германию.

Германия, Германия – вот клич, который проходит красной нитью по деятельности тайной монархической Петроградской организации.

Несколько позже из Берлина в Сибирь приехала княгиня Вяземская. Кажется, ее приезд был связан с исключительным интересом к судьбе Царской Семьи и особенно Великого князя Михаила Александровича. Она называла себя близким другом Брасовой – супруги Великого князя Михаила Александровича. Она всюду бывала, познакомилась со всеми, не побрезговала близко сойтись и с известной, роковой в Забайкалье, Марией Михайловной (это по-русски, а по-настоящему – Розенцвейг). Она настойчиво утверждала, что Царские дети живы и особенно отстаивала, что жив Великий князь Михаил Александрович. Она обращалась ко всем... кроме тех, кто располагал фактическими материалами по следственному производству. Знала ли она Соловьева – неизвестно, но какая-то неуловимая связь в деятельности всех этих лиц была.

Когда, наконец, Соловьев был арестован и доставлен в Читинскую тюрьму (это было уже в феврале 1920 года), в камеру к следователю Соколову с криком ворвалась Мария Михайловна и потребовала немедленного освобождения четы Соловьевых как ее ближайших друзей... Удивление Соколова было полное, но выпустить он был принужден.

Отобранные при аресте у Соловьева бумаги остались при следствии. Из них выяснялись его связи с Петроградским центром и... с немцами.

В чем именно заключались связи, мог выяснить только допрос, но Соловьев, освобожденный из тюрьмы, поспешил скрыться и, надо полагать, далеко. Вот почему окончательных выводов о роли и деятельности этой Петроградско-Берлинской организации сделать нельзя.

* * *

Всеми этими перечисленными организациями еще не исчерпывается весь вопрос «о заговорах» с нашей стороны. Был еще целый ряд отдельно приезжавших офицеров, работавших, по их словам, будто бы тоже от каких-то организаций. Но каких? Можно только предполагать, т. е. нити, как-то сами по себе, продолжали все протягиваться между Уралом и Берлином.

Весной 1918 года в Тобольск приезжал некто, именовавший себя корнетом Крымского конного полка Марковым, пасынком генерал-губернатора Ялты Думбадзе. О том, для чего он приезжал и что он делал в Тобольске, можно судить по его словам в декабре 1918 года. Будучи в это время в Киеве, он рассказывал, что император Вильгельм, под влиянием принца Гессенского, предлагал Государыне Императрице Александре Федоровне с дочерьми приехать в Германию, но она это предложение отклонила. Он показывал письмо Государыни к ее брату, принцу Гессенскому, которое он получил от Ее Величества для доставки по назначению, в Тобольске. Он говорил, что, уехав из Тобольска, он уже в Москве узнал, что их перевозят в Екатеринбург, и настойчиво отрицал убийство Царской Семьи. Он уверял, что все живы, но скрываются, и что он знает, где они все находятся, но не желает указать.

В Киеве Марков был на совершенно особом положении у немцев: он сносился телеграммами с немецким командованием в Берлине. Немцы за ним очень ухаживали: если он выходил в Киеве в город, его сопровождали два немецких капрала; в Берлин он выехал не с эшелонами других русских офицеров, эвакуированных немцами при оставлении Украины, а с германским командованием. Он говорил, что бывал везде и в советской России имел повсюду доступ у большевиков через немцев.

Быть может, в рассказе Маркова было слишком много юношеской хвастливости о своем значении у немцев, но факты видели другие офицеры, и таково было их впечатление. В такой исторической странице, как излагаемая книга, ценно каждое маленькое указание, которое может проливать истинный свет на минувшие тяжелые события. Письмо, которое вез Марков, существовало, его видели другие и видели такие лица, которые могли знать почерк Императрицы. Отсюда вытекают очень существенные подробности, если только Марков передавал точно: Царскую Семью звал в Германию Вильгельм по настоянию принца Гессенского, брата Императрицы. Это обстоятельство не служит на пользу тем, кто в последние годы царствования Императора Николая II усиленно обвинял Императрицу Александру Федоровну в германофильских чувствах. Далее, из того же рассказа определенно германофильского русского офицера, те же клеветники получают и второе, еще более реальное опровержение их умышленно-ложного обвинения: брат, несмотря на весь ужас, окружавший сестру, получил от нее отказ. Императрица Александра Федоровна, урожденная принцесса Гессенская, оказалась более русской, чем те несколько тысяч представителей русской интеллигенции и военных, которых немцы вывезли к себе, в том числе и автора рассказа корнета Маркова.

Наконец, повторяем опять: если Марков передает события точно, то из его рассказа становится известным, что предложение приезда в Германию было сделано только Государыне с дочерьми, а о Государе и Наследнике Марков не упоминает, и, пожалуй, судя по всему рассказу, нельзя заподозрить, что Марков обмолвился или забыл. А тогда приходится согла-

ситься с Бурцевым: Вильгельм, оставляя бывшего Государя Императора и наследника Цесаревича в распоряжении Ленина и Бронштейна-Троцкого, определенно и сознательно причислял себя заранее к их убийцам.

И, слушая рассказ Маркова, невольно задумываешься: работа Петроградско-Берлинской организации, деятельность Соловьева и Васильева, сведения Симонова, убеждения княгини Вяземской – не связано ли это все в один круг, не исходит ли это все из одного центра, не является ли все это какой-то мрачной политической игрой прогоревшей в России партии полицейско-личного режима, объединившегося с прогоревшей в Германии военно-политической, людендорф-гофмановской, партией. Что такая мысль не вполне фантастична – можно видеть из следующего рассказа.

В сентябре 1918 года в Екатеринбурге, не служа в частях нашей армии, проживал именовавший себя корнетом Петр Николаевич Попов-Шабельский. Он говорил, что приехал в Екатеринбург по поручению высоких особ, и в чем именно заключалось его поручение, он не высказывал. Рассказывал также, между прочим, что был вместе с полковником Винбергом, автором «Записок контрреволюционера», участником процесса Пуришкевича.

Он очень интересовался Царским делом, говорил со многими, расспрашивал всех, посещал исторические места, и хотя говорил, что ему тяжело верить в убийство Августейшей Семьи, но тем не менее там, в Екатеринбурге, утверждал, что в факте ее убийства он не сомневается.

В конце сентября он исчез из Екатеринбурга.

Прошло два месяца. Когда немцы, после украинской авантюры, спасая русских офицеров от большевиков, вывозили их с Украины эшелонами, на станции Белосток в один из эшелонов вошел Попов-Шабельский и поехал в Берлин.

В Берлине Попов-Шабельский совершенно изменил свое мнение о судьбе Царской Семьи: он со многими другими русскими офицерами говорил совершенно открыто, что Царская Семья жива, что Великий князь Михаил Александрович был похищен белогвардейцами, и такие же утверждения можно было слышать от всех русских людей, проживавших в Германии.

Чем же другим, как не работой какого-то центра в Берлине, можно объяснить такое единодушие в мнениях различных лиц, прямо или косвенно соприкасавшихся с Германией. Какие цели преследовал на самом деле этот центр, пока окончательно еще нельзя заключить, но безусловно, что надо было кого-то убедить в несуществовании тех фактов, которые в действительности имели место. Во всяком случае, с полной уверенностью можно сказать, что в основе работы такого тайного центра лежали сугубо узкие политические цели, чуждые побуждениям сердца и совести. При той свободе действий, которой пользовались агенты этой организации в советской России, при тех средствах, которыми она, по-видимому, располагала, – спасти Царскую Семью почти не составляло труда.

Мало того, организация, объединившись с временной политической германской партией, поставившая себя в тесную зависимость от победы Людендорфа и Гофмана над Россией, не могла считаться национально-русской организацией, ее цели не могли быть русскими целями, ее идеология не могла быть идеологией русского народа и бывшего русского Царя. Естественно, что Марков встретил решительный отказ Государыни Императрицы; естественно, что бывший Царь предпочел погибнуть со всей своей Семьей в России, чем принять руку помощи людей, обагрявших свои руки в крови русского народа.

Вместе с тем, став на путь совместной работы с немцами, эти узкие и слепые русские люди сделали Царскую Семью объектом борьбы между центральной советской властью и германским генеральным штабом. И кто знает, быть может, эти темные политические происки немецко-русской организации послужили последним толчком к кровавой драме на

Урале и дали основание Янкелю Свердлову сослаться на существование офицерского заговора.

Но *эти* заговорщики были *не русские офицеры*.

Работа офицеров

Утро 25 июля дало новое направление работе части офицерства в Екатеринбурге: выяснить во что бы то ни стало, что случилось с Царской Семьей.

Сильное волнение распространилось среди офицерства, вступившего в город, когда стало известным, в каком состоянии находится дом Ипатьева, где содержалась Царская Семья. Все, кто только был свободен от службы и боевых нарядов, все потянулись к дому. Каждому хотелось повидать это последнее пристанище Августейшей Семьи; каждому хотелось принять самое деятельное участие в выяснении мучившего всех вопроса: где же они?

Кто осматривал дом, взламывал некоторые заколоченные двери; кто набросился на разбор валявшихся вещей, вещей, бумаг, обрывков бумаг; кто выгребал пепел из печей и ворошил его; кто бегал по саду, двору, заглядывал во все клетки, подвалы, и каждый действовал сам за себя, не доверяя другому, опасаясь друг друга и стремясь скорее найти какие-нибудь указания – ответ на волновавший всех вопрос.

Каждый почувствовал, что здесь что-то произошло, что-то большое, мрачное и трагичное... Но что?

Убили?..

Да, кровь здесь была.

Не может быть, думал почти каждый. И зверству есть предел.

Куда же делись те, которых не убили?

И, перебирая бесчисленное количество простых вещей домашнего обихода: брошенные вещицы туалета, шпильки, булавки, пряжки, кнопки, крючки, ленточки, тряпки, завязки, куски чулок, корсетов, – никто не допускал, что зверство может и не иметь предела.

Кроме офицерства, в доме Ипатьева в значительно большем количестве набралось много разного народа. Тут были и дамы, и буржуа города, и мальчишки с улицы, и торговки с базара, и просто праздношатающийся обыватель. Кого привели серьезные цели, серьезный интерес, кто пришел просто из любопытства или по привычке ходить туда, где собралась толпа, а кто пришел и с определенной мыслью: нельзя ли чем поживиться, стащить и продать. И пока офицерство и положительный посетитель обходили дом, осматривали комнаты, строили предположения, делились впечатлениями и разными слухами, – люди, пришедшие в дом «так себе», и люди, забравшиеся с определенным намерением поживиться, – набрали и унесли много всякого брошенного имущества, и многое потом находилось на базаре и барахолках.

Много было унесено некоторыми и на память.

Во второй половине дня начальник гарнизона прислал воинский наряд. Всех удалили из дома, дом и ворота заперли и поставили для охраны караул. Было приказано никого не пускать без особого разрешения военных властей.

Военные власти города решили упорядочить и организовать дело розыска. Начальник гарнизона генерал-майор Голицын назначил особую комиссию из состава офицеров, преимущественно курсантов Академии Генерального штаба, под председательством полковника Шереховского, а дабы работа комиссии протекала при более нормальных технических условиях, в состав ее был приглашен из начавшего формироваться Екатеринбургского окружного суда судебный следователь Наметкин.

Офицерство комиссии взялось за дело горячо, рьяно, но как дилетанты. Плана, системы не было. В то время в городе были распространены самые разнообразные версии

и слухи о том, что сделали большевики с Царской Семьей: кто говорил, что бывшего Царя закопали в саду, и офицерство перекопало весь садик; кто утверждал, что его расстреляли где-то за вторым Екатеринбургом, и офицерство в поисках тела Царя раскапывало почти каждый бугорок, натываясь на трупы многих жертв советского режима, но нужного тела не находило; кто говорил, что тело ночью, с привязанными к голове и ногам камнями, бросили в городской пруд, и добровольные рыбаки-офицеры целый день багрили и неводили обширный по размерам Верх-Исетский пруд. Было разрыто и несколько могил на городском кладбище, куда особый подрядчик свозил трупы, сдававшиеся ему советскими палачами после расстрелов. Но тела Царя нигде не находилось.

Тогда было приступлено к пересмотру заново Ипатьевского дома. Для участия в осмотре и для опознания вещей пригласили доктора Деревенько и старика Чемадунова; в качестве эксперта-историка в осмотре принял участие профессор Академии Генерального штаба генерал-лейтенант Медведев, а специально для технико-юридического руководства осмотром – упомянутый судебный следователь Наметкин.

Конечно, вся ответственность за характер, всесторонность и полноту осмотра ложилась на последнего, и в этом отношении, по не зависевшим от военных властей причинам, выбор Наметкина был крайне неудачен. Человек исключительно сухого формального начала, ленивый по натуре, небрежный в осмотрах, невнимательный к показаниям, без инициативы и какой бы то ни было идеи в работе – он отнесся к своему участию в осмотре дома Ипатьева спустя рукава, лишь бы отбыть известный номер.

Первый технико-юридический осмотр дома Ипатьева, почти тотчас по свежим следам орудовавших и распоряжавшихся в нем преступников, должен был дать исключительной ценности данные для всего последующего следственного производства. Только полное запечатление протокольным постановлением точно виденного, найденного и замеченного могло впоследствии заменить следственной работе стертые временем, посещением многочисленных посетителей первоначальный вид и следы преступления, оставшиеся после бегства преступников из Екатеринбурга.

Судя по составленному Наметкиным протоколу, осмотр дома Ипатьева с его стороны ограничился простым обходом комнат верхнего этажа дома и посещением одной комнаты в нижнем этаже, той самой, где имелись следы крови и пуль, с обозначением размера комнат, количества в них окон и дверей, предметов мебелировки при самом поверхностном упоминании о характере найденных в доме вещей. Наружного осмотра дома Наметкин не произвел вовсе, не осмотрел стен, не отметил положения заборов, не запечатлел первоначальной картины фотографированием дома, сада, комнат, надворных построек. Внутри дома – не разобрался основательно в брошенных вещах, не собрал их, не составил описей; не собрал осторожно пепла из печей с остатками обгоревших клочков бумаг, писем, записок; не осмотрел внутренних стен, косяков дверей и окон, не отметил надписей на них, отметок и подписей каких-то посторонних лиц, не принадлежавших к числу арестованных, а в комнате со следами крови нижнего этажа, наткнувшись на порнографические рисунки и надписи на обоях, допустил участвовавших в осмотре заскоблить, а частью и совершенно сорвать произведения рук преступников, попортив и уничтожив этим почерки – вещественные следы преступления и личностей преступников.

Что в нижней комнате было совершено какое-то убийство, в этом никто из осматривавших дом не сомневался. Так как труп или трупов в комнате со следами крови не оказалось, то, значит, их куда-то выносили. Нетрудно было видеть, что, чтобы попасть на улицу, надо было пройти через всю анфиладу комнат нижнего этажа к выходу в передний двор у выездных ворот, так как другой выход был загорожен забором. Наметкин не проследил этого

пути, не осмотрел полов комнат нижнего этажа, где не могло не быть кровавых следов от пронесившихся по ним убитых людей, а может быть, и кое-каких вещей и вещей, выпавших с покойников и необходимых в установлении личностей убитых.

Потом комиссия пошла напротив Ипатьевского дома по Вознесенскому переулку в дом Попова, где помещались люди охранной команды, и осмотрела его. И там тоже среди разбросанного, ненужного хлама, лоскутов и предметов солдатского обихода казарменного расположения оказались вещи, принадлежавшие Царской Семье: коробка с десятью стеклами волшебного фонаря; овальная деревянная иконка ангела-хранителя с надписью на оборотной стороне рукой Государыни Императрицы: «Христос Воскресе, 25 марта 1912 г. Ливадия»; три катушки с пленками Кодака; овальная медная бляха с вензелем «А. Ф.» и Императорской короной, сорванная с какого-то сундука; металлический вензель «А. Ф.», тоже, видно, сорванный с какого-нибудь кожаного чемодана или саквояжа, и, наконец, опять-таки масса пепла в печах с перегоревшими остатками разных вещей: бус, игрушек и бумаги. Но осмотр дома Попова даже не попал в протокол Наметкина, а определился уже позднее из допросов участников осмотра.

Из дома Попова комиссия пошла во двор дома Ипатьева, осмотрела каретник и брошенные там вещи Царской Семьи, заглянула в помойку. Из нее, замаранными грязью, вытащили: большой образ Федоровской Божьей Матери в золотой, потускневшей от времени ризе, но со срезанным очень ценным бриллиантовым венчиком. Эта находка произвела сильное впечатление на присутствовавшего здесь же Чемадунова; он заявил, что с этой иконой Государыня Императрица никогда не расставалась и никогда бы не рассталась ни при каких условиях путешествия.

Далее среди извлеченных вещей оказались: деревянная дощечка с остатками иконы на ней и надписью на обороте «Спаси и сохрани. Мама. 1917 г. Тобольск»; еще остаток иконы на деревянной дощечке; дамский батистовый белый носовой платок, обшитый кружевом; черный шелковый дамский мешочек-сумка; белая женская блузочка; черный военный галстук с пришитой к нему лентой ордена Святого Владимира 3-й степени, какой носил доктор Боткин; кусок георгиевской ленточки, сорванной, по-видимому, с военной шинели.

Как ни поверхностно и бегло был произведен осмотр дома Ипатьева в этот раз, тем не менее он оставил сильное впечатление среди участвовавших в нем офицеров.

«Убиты, и убиты все», – говорили одни, выходя после осмотра из дома.

«Не может быть; этого нельзя допустить... этому невозможно поверить», – говорили другие, стараясь освободиться от тяжело давившего на душу впечатления.

Доктор Деревенько, участвовавший в осмотре, был спокоен. Он разделял мнение, что убиты не все. На присутствовавшего товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда Кутузова доктор Деревенько произвел впечатление человека, знавшего, что преступление должно было совершиться.

Старик Чемадунов после находки иконы Федоровской Божьей Матери впал в мрачное, угрюмое состояние. Почти злобным тоном он отвечал на предлагавшиеся ему вопросы и все твердил, как бы про себя: «Не знаю, ничего не знаю, что постигло моего Государя и его Семью».

* * *

Убиты все – было внутренним чувством людей.

Убиты, но не все – говорили те, кто не хотел верить в возможность такого ужасного злодейства, или те, кто был побуждаем особыми причинами, им одним известными.

Вот общие решения и мнения населения города Екатеринбурга в первые два-три дня по освобождении его от советской власти.

* * *

27 июля утром к военному коменданту восьмого городского района капитану Гиршу явился поручик Андрей Андреевич Шереметьевский и, предъявив целый ряд обгорелых вещей и предметов от различных частей одежды, белья и обуви, рассказал следующее.

Скрываясь от большевиков в период их власти в Екатеринбурге, он проживал в деревне Коптяках, в 18 верстах к северо-западу от города. 17 июля несколько крестьян этой деревни, направляясь утром по своим делам в город, были неожиданно задержаны на дороге в лесу, недалеко от так называемого урочища Четырех Братьев, вооруженными конными красноармейцами и возвращены обратно в деревню. При этом красноармейцы им объясняли, что лес оцеплен и туда не пускают по той причине, что у них происходят маневры и будут стрелять. И действительно, уже удалившись назад к деревне, крестьяне слышали вдалеке, со стороны так называемой Ганиной ямы, глухие разрывы, как бы от двух-трех ручных гранат.

Однако крестьяне не поверили объяснениям красноармейцев и, зная о приближении белогвардейцев, заподозрили большевиков в укрывательстве в этом глухом районе оружия. Поэтому, когда большевики вскоре покинули Екатеринбург и ушли в направлении на Пермь, а это произошло уже после того, как стало известно о расстреле ими бывшего Государя, крестьяне, собравшись человек восемь, снова отправились в тот же район Ганиной ямы. Здесь они наткнулись на следы двух свежих кострищ: одного – у старой открытой шахты, а другого – неподалеку, на лесной дорожке, под большой березой. Трава кругом кострищ и шахты была сильно помята. В старой шахте на поверхности наполнявшей ее воды плавали свежие сосновые ветки, палки и обгорелые головешки.

Порывшись в кострищах, крестьяне нашли: обгорелый изумрудный крест, топазовые бусинки от ожерелий, пряжки от туфель с мелкими бриллиантками, военную пряжку детского размера от кожаного пояса, 6 пар передних корсетных планшетов-застежек, 17 костей корсетных металлических, 17 мужских пряжек от подтяжек, 17 застежек от женских подвязок, стекло от медальона, стекло от очков, 6 военных гербовых пуговиц и много разных больших и малых, мужских и женских, металлических и костяных пуговиц, крючков, петель, гвоздиков и винтиков и куски сгоревшей кожи от обуви и каблуков. Все найденные вещи были сильно обгоревшими и попорченными.

Крестьяне сообразили, что большевики здесь не оружие прятали, а что-то жгли и укрывали и, вернувшись в деревню, передали все найденные вещи ему, Шереметьевскому.

Эти новые сведения вызвали большое смущение в комиссии офицеров, назначенных для розыска. Осмотр вещей, принесенных Шереметьевским, и сличение их с вещами, найденными в доме Ипатьева, не оставляли никакого сомнения в тождественности вещей и принадлежности их Царской Семье: такие же пряжечки от туфель с бриллиантками, те же пуговицы, петли и крючки, такие же пряжки от подвязок и подтяжек и т. п. Всем стало ясно, что большевики жгли в Коптяковском лесу одежду членов Царской Семьи. Отсюда, как логическое последствие впечатления, вынесенного от осмотра дома Ипатьева, родилось страшное и определенное убеждение; Августейшая Семья убита; тела вывезены преступниками в лес, там их обыскали, раздели и бросили в шахту, а одежду, белье и прочее сожгли, дабы скрыть следы. Все, кто по нравственному побуждению сомневался до сих пор в возможности такого зверского преступления, теперь отказывались от своих сомнений. Для всех факт убийства всех членов Царской Семьи стал истиной, которая для своей окончательной реальности требовала только найти тела убитых.

Найти тела казалось так просто и легко. Где же им и быть, как не там, в шахте, где сжигали одежду, или зарытыми поблизости шахты, что разыскать нетрудно. Но, естественнее,

они просто брошены в старую шахту. Так думали и рассчитывали все офицеры комиссии, и мыслями их всецело овладела эта теперь страшная шахта.

Тотчас было приступлено к организации поездки в район шахты. Офицеры торопились: хотелось скорее найти и извлечь дорогие тела и хоть мертвыми вырвать их из рук советской власти. Эта власть, в представлении офицерства, определилась уже вполне ясно: все знали, что во главе палачей в Ипатьевском доме стоял Янкель Юровский; все знали, что распоряжался судьбой Царской Семьи в местном совдепе Исаак Голошкекин; все знали состав президиума местного совдепа, где из 12 его членов – 7 было евреев, 1 латыш и 4 русских. Все понимали, из чьих рук будут вырваны тела...

Поездка была намечена на 29 июля, но не смогли уговориться с Наметкиным, и пришлось отложить на утро 30 июля.

Между тем 20 июля офицерская комиссия узнала, что к временно исполняющему дела прокурора суда Кутузову явился добровольно житель города Екатеринбурга Федор Никитич Горшков и заявил, что от своего знакомого, бывшего следователя Михаила Владимировича Томашевского, проживавшего при большевиках в квартире комиссара Старкова, он слышал, что вся Царская Семья расстреляна. При этом Томашевский говорил, что он слышал от лица, как бы бывшего очевидцем или близко стоявшего к советской власти, подробности совершения этого убийства. Куда были увезены трупы – он ничего не говорил.

Это показание дало основание временно исполняющему дела прокурора Кутузову предложить следователю Наметкину приступить к производству предварительного следствия, и, таким образом, 30 июля Наметкин ехал в район шахты уже не только как приглашенное техническое лицо, но и как следователь по прямой возложенной на него служебной задаче. Однако это изменение его положения не улучшило дела, и в районе шахты Наметкин проявил те же индифферентность и поверхностность в исполнении своих обязанностей, как и при осмотре дома Ипатьева.

30 июля утром, захватив также доктора Деревенько и старика Чемадунова, партия офицеров отправилась в район шахты. Сразу, по непростительной вине Наметкина, сделали непоправимую ошибку: поехали не по той дороге на деревню Коптяки, по которой убийцы должны были везти трупы, если они действительно возили туда, а выбрали более удобный путь – по железной дороге до станции Исеть, оттуда на дачных извозчиках на деревню Коптяки и от нее уже проехали в район Ганиной ямы, т. е. подъехали к шахте как раз с обратной стороны. Таким образом, Наметкин, не подсказав офицерам необходимости приступать к изысканию с выяснения следов преступников, сам толкнул их на сосредоточение внимания исключительно на шахте, что впоследствии оказалось роковым в работе офицеров и уничтожило почти все следы при розысках следователем Соколовым.

Вот описание посещения и осмотра района шахты, сделанное самим Наметкиным. Пусть юристы сами оценят, помог ли Наметкин горячему желанию офицеров отыскать тела и добраться до истины.

«По дороге из деревни Коптяки, Верх-Исетской волости, в г. Екатеринбург, приблизительно в 4 верстах от этой деревни, в 16 – от Екатеринбурга, в 150 саженьях вправо от дороги, в большом лесу расположен Исетский рудник, под названием «Ганина яма» (рудник брошен более 12 лет назад)³. Сама яма представляет из себя маленькое озеро. Саженьях в 50 от озера имеется шахта в виде двух смежных колодцев почти квадратной формы (в этом районе было 23 шахты и шурфа). Стенки их выложены мелкими бревнами, длина их в 1-м колодце около 1½ аршина и во втором около 2½ аршина. Саженьях в трех от поверхности – вода, на которой видны свежие сосновые ветки и древесная кора. Спущенный на веревке в шахту камень показал большую ее глубину и присутствие льда под водой (глубина оказалась всего

³ В скобках помещены данные, выяснившиеся и определенные следователем Соколовым.

5 сажень 7 вершков). Сажень в трех от шахты к «Ганиной Яме» расположена небольшая глиняная площадка, на которой разбросано немного мелких углей и найдена обгорелая старая дамская сумочка (размер следа кострища оказался впоследствии около 4 аршин в диаметре). В соседней конусообразной яме (это был обвалившийся или обваленный шурф глубиной 12 аршин) валяются мелкие обгорелые сосновые палки (толщина их оказалась до 2–3 вершков). К югу, сажень в 12 от шахты, на лесной тропинке (колесная дорога) обнаружены признаки небольшого горелого места (размер 3 аршина в диаметре), на котором найдены обгорелые тряпки (сукно), пуговицы, пряжки, обрывок кружева и какие-то черные блестящие обломки (куски костей и перегоревшей кожи, обуви). Тут же присутствовавшим при осмотре капитаном Ростиславом Михайловичем Политковским найден сильно загрязненный водянистого цвета и значительной величины камень, граненый, с плоской серединой в белой, с мельчайшими блестками, оправе. Очищенный от грязи, он проявил большую и безукоризненную игру бриллианта (12 карат). Недалеко от этого места и ближе к шахте найдены два небольших загрязненных осколка изумруда и жемчуга. В этом же месте обнаружен небольшой обрывок полосатой материи с сильным запахом керосина. У самого края широкой шахты найден в глине небольшой осколок нарезной ручной бомбы.

Спустившийся на веревке в широкую шахту присутствовавший при обыске капитан Игорь Адамович Бефталовский обнаружил на деревянных стенках ее осколки и следы от разрыва ручной бомбы и извлек из воды лист бумаги, на котором на машинке написан список советских телефонных абонентов, а из узкой шахты извлечен небольшой кусок материи защитного цвета, по-видимому, палатки или брезента.

Против обгорелого места, на лесной тропинке, на выскобленном от коры стволе большой березы написано химическим карандашом: «Горный техник И. А. Фесенко, 11 июля 1918 г.»

Вот и все. Наметкин не обратил внимания офицеров на необходимость обследовать большой район и по следам преступников искать возможности подойти к месту, где они скрывали тела. Он не обратил внимания их на изучение помятости травы, степени свежести засыпки многочисленных окружавших шахту шурфов, обрывов котлованов, ям, которые могли бы дать им основание искать тела не только в шахте. Совершенно естественно, что шахта приковала все внимание офицеров: они ехали сюда уже с предвзятой мыслью, что тела в шахте или в свежевырытой неподалеку от шахты могиле. И так как поблизости ничего похожего не оказалось, то шахта и осталась единственным центром, приковавшим все внимание офицеров.

Мало того, не говоря про слабость розыска предметов и вещей вокруг шахты, Наметкин не отметил в своем протоколе и даже всего того, что было тогда найдено. Таким образом, были пропущены найденные там же, вокруг шахты: карманная складная рамочка Государя Императора; разломанные и побитые шейные иконы Спасителя, святых Гурия, Самона и Авива, Николая Чудотворца и 28 кусков эмали от разбитых нательных икон; часть золотого украшения с тремя бриллиантами и ясным следом отруба ее каким-то рубящим оружием; осколки от зеленого флакона Государыни, с пробкой в виде короны.

Отыскать тела оказалось не так просто, как представлялось офицерам по первому впечатлению: Наметкин не дал им правильных путей к простейшему и легчайшему способу напасть на верные следы, а чтобы проникнуть в шахту, надо было сначала удалить из нее воду. Первое упущение нанесло особо непоправимый вред для будущего, ибо все следы, оставленные здесь советскими деятелями, следы их работы здесь, следы людей, лошадей, экипажей и автомобилей были в ближайшие дни затерты самими офицерами, работавшими по откачке воды из шахты.

Офицеры сами почувствовали неудовлетворительность работы Наметкина. Они отлично понимали, что в деле расследования сами могут быть или черной рабочей силой,

или только наблюдающими. Но тонкость розыска, техника его, которые только и могли привести к правильным выводам и положительным результатам, – были не в их средствах и знаниях, а в руководстве Наметкина. Против него появилось озлобление и, как общее свойство этого периода, – недоверие, подозрительность. Офицеры стали на путь самостоятельных розысков, самостоятельных действий, опасаясь, что Наметкин умышленно ведет дело к затемнению его, а не к выяснению истины. А это, в свою очередь, при отсутствии технических знаний и знакомства с шахтенной работой, не обещало успеха.

2 августа, не приглашая Наметкина и никаких специалистов, офицеры самостоятельно приступили к откачиванию воды из шахты. Дело это было поручено штабс-капитану Александру Андреевичу Шереметьевскому, как офицеру, жившему в районе уральского горного округа и кое-что понимавшему в горном деле. В качестве рабочей силы были отряжены военнопленные австрийцы, ничего в этом деле не понимавшие. Несмотря на энергию, неутомимость, а порой и самоотверженность, выказанные Шереметьевским, работа шла совсем плохо; в распоряжении Шереметьевского были только слабые ручные водоотливные средства, не дававшие никаких результатов при откачивании из шахты воды. Работая круглые сутки, Шереметьевскому не удавалось понизить уровень ни на вершок; становилось ясным, что шахта имеет какой-то подземный источник пополнения, более мощный, чем водоотливные средства Шереметьевского. Сколько бы ни откачивали – вода все время оставалась на одном уровне. Погода была скверная, шли непрерывные дожди и усугубляли условия работы. Вдобавок ко всему этому 11 августа работу пришлось прекратить совершенно и снять рабочих, так как район шахты стал районом боевых действий, вызванных переходом красных в частичное контрнаступление.

Чтобы помочь офицерам и улучшить постановку дела, по соглашению между начальником гарнизона генералом Голицыным и прокурором суда общее наблюдение за розыском тел в районе Ганиной ямы было возложено на товарища прокурора Н. Магницкого. Последний, ознакомившись с положением, создавшимся у Шереметьевского, пригласил для выяснения технических причин неудовлетворительности откачки воды из шахты горного инженера Валериана Сергеевича Котенева, который сразу определил, что шахта через подземные расщелины все время питается водой из Ганиной ямы. Следовательно, чтобы обезвредить шахту, надо выкачать воду из Ганиной ямы.

Работа оказалась значительно серьезнее, чем предполагали офицеры, но Котеневу удалось добыть на Верх-Исетском заводе паровую машину, привести ее в порядок, и 15 августа началась выкачка воды из Ганиной ямы и одновременно из шахты. Вода в шахте быстро пошла на убыль.

Напряженное, тревожное ожидание охватило всех офицеров; с каждым часом вода в шахте уходила все ниже и ниже, росло нетерпение, а с ним усиливалось нервное возбуждение от острого желания и вместе с тем ужаса стать лицом перед величием тайны мученической смерти.

19 августа открылось дно шахты – тел Августейшей Семьи в шахте не оказалось. Не было и в Ганиной яме.

Ил со дна шахты собрали, промыли и в нем нашли: человеческий отрезанный палец и два кусочка человеческой кожи; жемчужную серьгу Государыни Императрицы; верхнюю вставную челюсть доктора Боткина; еще кусочек жемчужины – по-видимому, от парной, но разбитой серьги Государыни; застежку для галстука; шанцевую лопатку и несколько мелких предметов, таких как пряжки, пуговицы, крючки и т. п.

Удар для офицеров был страшный, все были уверены, что тела должны быть непременно в шахте. И вот их нет.

Тогда бросились искать всюду, где только указывалось разными слухами, мнениями, предположениями, досужими сведениями, не считаясь ни с какими другими обстоятель-

ствами и данными обстановки. Это были просто уже метание из стороны в сторону, переброска от одного предположения к другому, вызванные скорее жадой усиленной деятельности, желанием заглушить боль обманутого ожидания и бессилием в разрешении тайны. Были осмотрены и перерыты разные пункты: Мокрый луг, Березовая избушка, Старые шахты, Красная казарма и другие, называвшиеся другими случайными людьми; прошли облавами добровольцев и бойскаутов всю эту глухую, заброшенную местность, истоптали рудник вдоль и поперек – и ничего не нашли.

Тел членов Царской Семьи не оказалось нигде, хотя товарищ прокурора Магницкий, резюмируя работу, произведенную им с офицерами, чистосердечно признался, «что обследованная нами местность – не обследована, ибо если мне зададут вопрос, где царские трупы – я прямо скажу: я их не нашел, но они в урочище Четырех братьев»; на офицеров эта неудача произвела удручающее впечатление.

Дух упал, явилось сомнение.

Явилось сомнение, легче стали восприниматься разные версии.

Ошибались в версиях – теряли окончательно почву, недоверие возрастало до страшных размеров. Много времени спустя это недоверие еще продолжало чувствоваться. Были случаи, когда дело уже перешло в руки Соколова; вызовет он кого-либо из офицеров из числа тех, которые участвовали в расследовании или близко соприкасались с ним в Екатеринбурге – слышно, как перед дачей показаний они перешептываются между собой: «можно ли ему говорить все, что мы видели».

Неудача, постигшая офицеров в розыске по Царскому делу, породила неустойчивость в них мыслей, мнений. Явилась какая-то растерянность, разбитость, которую использовали те, кому было надо или выгодно затемнять дело, затруднять истине выйти наружу. Офицерство раскололось и стало на путь воспринимания различных версий, лишь бы выйти из того тупика неразгаданной тайны, куда привело их исчезновение тел Августейшей Семьи. Те, кто продолжал твердо верить в совершившееся злое дело, молчали, скрывались от разговоров и расспросов. Другие, не признавая, ухватились за легенду, подсказанную Янкелем Свердловым: погиб Царь, а вся Семья пощажена и вывезена самими большевиками в надежное место. Третьи, вернувшись в отчаянии к германофильским симпатиям, носились с идеей спасения Царской Семьи немцами и даже называли людей, будто видевших того или другого из членов Царской Семьи в том или другом пункте того или другого иностранного государства.

Во всяком случае, непосредственное и исключительное участие строевого офицерства в самостоятельных розысках по Царскому делу кончилось почти одновременно с неудачей, постигшей их в урочище Ганиной ямы, и в дальнейшем строевой офицер ушел весь в свою прямую, боевую работу против тех, кто нанес ему новое национальное оскорбление в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Военно-уголовный розыск

Одновременно с образованием офицерской комиссии полковника Шереховского начальник гарнизона генерал-майор Голицын приказал Екатеринбургскому военно-уголовному розыску приступить к обследованию вопроса об исчезновении из Ипатьевского дома Царской Семьи агентурным путем.

Военно-уголовный розыск был, в сущности, тем же военно-контрольным аппаратом, каковые установлены нормальной организацией армии при высших штабах и войсковых частях для борьбы со шпионажем в широком значении этого оружия войны. Но особые условия Гражданской войны и необходимость, кроме подвижных органов военного контроля, следующих при войсках, иметь и неподвижные аппараты такой работы в районах, очищав-

шихся от Красной армии и остававшихся в тылу войск, привели к созданию при военно-административных управлениях тыловых районов и в крупных центрах также военно-контрольных органов, но соответственно преобразованных и примененных к условиям гражданской борьбы. Эти органы, в отличие от военно-контрольных органов, состоявших при войсках армии, получили название военно-уголовных розысков.

Основные должности в военно-уголовных розысках заполнялись обыкновенно из состава чинов военных контролей штабов армий, корпусов и дивизий, а второстепенные и главным образом так называемые агентурные должности пополнялись преимущественно из местных жителей, благоприятно настроенных к нам, и обыкновенно из числа лиц, имевших по своей прежней службе или деятельности какое-либо отношение к различным полицейским, охранным и сыскным управлениям и учреждениям губернских и уездных органов Министерства внутренних дел.

Такая постановка организации военно-уголовных розысков имела свои положительные и отрицательные стороны: благодаря привлечению в свои ряды лиц местного происхождения военно-уголовные розыски получали почти всегда готовые агентурные сети на местах, что позволяло им довольно скоро и легко нападать на следы скрывавшихся различных местных советских деятелей и извлекать таковых из обслуживаемого района. Но зато эти органы восприняли полностью все отрицательные стороны бывших полицейских и сыскных учреждений МВД с тем большим показателем, что лучших и опытейших бывших работников сыска и агентуры на местах уже почти не оставалось, так как они были или изъяты еще в период керенщины, а затем и при большевиках, или бежали куда-нибудь очень далеко от мест своей прежней деятельности. На месте в большинстве удерживался элемент низшего разряда.

Большой недостаток лиц чувствовался и для соответственного руководства розыскным делом: ограниченность количества специалистов этой трудной работы, требовавшей не только исключительной опытности и талантливости, но и положительной честности, ощущалась еще и в мирное время, и в период германской войны; а теперь, после годовалой разрушительной и развращающей работы нашей революции, при спешности организации тыла сибирских войск, военным властям приходилось пользоваться или простым бывшим строевым офицером, или теми, кто сами себя предлагали как бывших опытных работников по этой части.

Характернейшей чертой военно-уголовных розысков являлась их нетерпимость к какой-либо розыскной работе другого органа или учреждения и громадная самоуверенность как в личных талантах по сыску, так и в том, что только то истинно, что добывают и исследуют их управления. Это приводило прежде всего к отсутствию координации в работе между уголовным розыском и обслуживавшимся им следственным производством прокуратуры; в то время как следствие пытается направить исследование дела по одному наметившемуся руслу, по одному разработанному плану, уголовный розыск кидается самостоятельно совершенно в другую сторону, по другим путям, не помогая следствию, а загромождая его различными агентурными версиями, зачастую до абсурдности фантастичными.

Уголовный розыск задерживает массу лиц, допрашивает их, производит обыски, выемки, но весь этот обширный материал поступает к следственной власти только через один, два, а то и три месяца, в течение коих некоторые из свидетелей успевают или умереть, или исчезнуть, миновав рук прокуратуры и следователей.

Черпая данные из различных, зачастую и неизвестных даже агентурных сведений, уголовный розыск сплошь да рядом берется за разработку тех данных, тех версий, в том направлении и той окраске, которые желательны творцам преступлений, ими создаются и ими внушаются розыску через своих контрагентов. Не проверив первоисточника, не установив, можно ли доверять данному агентурному сведению, кто такой давший сведения, откуда он и

кем был прежде, уголовный розыск только потому, что данные добыты им, ухватывается за эти новые данные, как за базу своей работы и прежде всего направляет свою деятельность так, чтобы доказать другим истину полученных указаний. На этом пути натывается, конечно, и на подосланных свидетелей, и на подброшенные теми же агентами «вещественные доказательства», и весь розыск его идет по ложным путям, желательным для преступной стороны и вносящим страшную запутанность, затемнение и сумбур в следственное производство судебного следователя.

Таков был общий характер работы военно-уголовных розысков первого периода следственного производства по делу об убийстве Царской Семьи, и от такого общего характера не отличалась деятельность и Екатеринбургского военно-уголовного розыска.

Не ради критики приведена здесь общая характеристика деятельности органов военно-уголовного розыска – по тогдашнему времени лучшие все равно создать было не из чего, – но ради того, чтобы ярче обрисовались картина постановки следствия и условия, сопровождавшие его ход в этот важнейший период работы. С момента совершения убийства времени протекло немного; идя по свежим реальным следам преступления, уголовный розыск имел возможность очень скоро привести следствие к вполне определенным данным, если бы не страдал, как и другие подобные ему организации, указанными выше общими недостатками сыска, чересчур большим самомнением и легким увлечением отрицательными влияниями.

К этому необходимо добавить, что военно-уголовный розыск состоял в подчинении военным властям, почему имел возможность обособляться в своей деятельности от прокурорского надзора, находя заступничество в военном начальстве. А так как военное положение на театре военных действий подчиняло военному начальству и все гражданские учреждения, к которым, по политическим причинам революционного периода, военные власти относились вообще с предубеждением, то сплошь да рядом органы военно-уголовного розыска получали от своего начальства указания действовать втайне от прокурорского надзора.

Эти положения и создали ту сложную и запутанную обстановку для следственного производства по Царскому делу, распутать которую оказалось возможным только постановкой следствия и расследования в совершенно исключительные условия, обусловленные положением о сенаторских расследованиях.

* * *

В первое время по взятии Екатеринбурга работа Екатеринбургского военно-уголовного розыска протекала по совершенно нормальным и естественным путям, соответствовавшим вполне всей совокупности обстоятельств, обнаруженных из осмотра дома Ипатьева и района шахт.

В один из первых же дней был задержан и допрошен доктор Николай Арсеньевич Сакович, служивший при большевиках областным комиссаром здравоохранения и входивший в состав президиума областного совдепа. Несмотря на крайне поверхностный и краткий допрос этого крупного представителя советской власти, тем не менее его рассказ дал весьма существенные первоначальные данные как исходные для правильного выбора путей дальнейшего направления розыскного дела.

Сакович показал:

во-первых, что еще при перевозке Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург членами президиума обсуждался вопрос об уничтожении Царской Семьи путем устройства или крушения поезда, или провокационной охраны поезда;

во-вторых, что по этому вопросу были указания из центра, из Москвы;

в-третьих, что наибольшим значением в президиуме пользовались евреи Сафаров, Войков, Исаак Голощекин, Краснов, Поляков, Хотимский, латыш Тупегул и русские Белобородов и Сыромолотов;

в-четвертых, что Исаак Голощекин и Янкель Юровский, будучи «циниками до мозга костей, могли, не считаясь ни с чем, совершить любую гнусность»;

в-пятых, что «по отношению к бывшему Царю и его Семье у большевиков-руководителей было заметно какое-то беспокойство», характер которого он не брался определить. Сакович полагал, что расстрел бывшего Царя – ложь, «потому что на объявлениях об убийстве бывшего Государя была подпись Свердлова, а ее не могло быть, потому что сношений с Москвой до 16–17 июля уже задолго не было».

Но это последнее была уже двойная ложь самого Саковича, потому что в руках уголовного розыска находились эти самые объявления, и подписаны они были вовсе не Янкелем Свердловым, а президиумом обласвета, а также в помещении бывшего совдепа и на телеграфе были захвачены телеграммы, даты на которых указывали, что никакого перерыва связи с Москвой ни в эти дни, ни в последующие дни не было.

К сожалению, Сакович как один из участников преступления, ибо он участвовал в заседаниях президиума, решавшего вопросы о судьбе Царской Семьи, не был использован в полной мере, и уголовный розыск не поинтересовался выяснить, какие основания понудили Саковича связать объявления о расстреле с именем Янкеля Свердлова. Янкель Свердлов – это крупная фигура центральной советской власти – председатель Президиума ЦИК, и Сакович, называя его, как бы определенно свидетельствовал, что такое дело, как расстрел бывшего Царя, не могло быть исполнено без участия центральной власти или, во всяком случае, без участия всесильных главарей этой власти в Москве. Промах военно-уголовного розыска очень серьезный, исправить который удалось только много времени спустя, подойдя к разрешению его новыми изысканиями в области документальных данных, ибо Сакович умер, не допрошенный следователями.

Затем уголовному розыску удалось установить почти полностью список лиц, состоявших в охране дома особого назначения, равно и данные о том, из кого именно состояла охрана и каким порядком она формировалась. Распоряжения по этой части исходили от Исаака Голощекина, областного военного комиссара, а приводились в исполнение комиссарами Сергеем Витальевичем Мрачковским и Александром Дмитриевичем Авдеевым. Первый набирал добровольцев на Сысертском заводе, а второй – на фабрике Злоказова; оба эти завода считались наиболее большевистскими.

Выяснилось, что охрана разделялась на внешнюю и внутреннюю: внутреннюю первоначально составляли 10 добровольцев с Злоказовской фабрики во главе с помощником коменданта дома, рабочим той же фабрики, Александром Мошкиным, но позже, 4–5 июля, всю эту внутреннюю охрану уволили, а Мошкина даже арестовали и заменили какими-то не Екатеринбургскими, а прибывшими из Петрограда или Москвы «латышами». Мошкина и злоказовских рабочих уволили будто бы за кражу золотого крестика у Царской Семьи.

Тогда же и комендант дома, упомянутый выше Александр Авдеев, был заменен комиссаром чрезвычайной следственной комиссии Янкелем Хаимовичем Юровским (по-сибирски – Юровских).

Вместе с тем уголовному розыску в первые же дни работы удалось разыскать и задержать целый ряд лиц, имевших родственные или дружеские отношения с рабочими, служившими в охране. Были задержаны: Мария Медведева, жена начальника охраны Павла Медведева; Евдокия Старкова – мать Ивана Старкова, одного из охранников; Анна Тимофеева – знакомая охранника Леонида Лабушева; Феликс Якубцев – приятель охранника Ивана Колотова; наконец, Михаил Летемин – охранник команды, пробывший в ее составе от начала ее

сформирования до последнего дня ее существования, 22-го июля, когда она была распущена Павлом Медведевым.

У всех этих лиц и еще у родственников охранников Поповых и Сафоновых были произведены обыски и найдены разные вещи, принадлежавшие бывшему Государю и членам его Семьи. Большая часть вещей оказалась у Летемина и Медведевой; перечень этих вещей был помещен выше. У Тимофеевой нашли брюки Государя Императора, военные, гвардейского стрелкового полка, с надписью рукой Царя внутри левого кармана: «4 августа 1900 года, возоб. 8 октября 1916 года». Брюки эти были принесены к Тимофеевой для сохранения Леонидом Лабушевым. У Стрекотиных нашлось пасхальное яйцо с Императорским гербом и золотое кольцо с вынутым камнем; у Поповых – бинокль хороший; у Старковых – деревянный полированный ящик, 3 вилки, 2 пасхальные свечи, термометр, полфлакона духов, 4 больших батистовых носовых платка, 1 чулок, овальный подпил, 5 рамок для фотографических карточек, металлический брелок и серебряный брелок-свисток.

Все найденные и отобранные вещи были предъявлены уголовным розыском Чемадурову, который и признал следующее.

Найденная у Летемина собачка принадлежала наследнику Цесаревичу, ее звали Джой, образ и кресты-ковчезцы с мощами святителей тоже принадлежали наследнику Цесаревичу, у которого они висели всегда в изголовье кровати. Ему же принадлежали игрушки и стекла волшебного фонаря. Зонтик и фотографический панорамный аппарат принадлежали Государыне Императрице, причем зонтик Ее Величество хранила как подарок ее матери еще в юношеские годы Государыни. Ей же и Великим князьям принадлежали собственноручной работы вязанные скатерти и салфетки, а пуговицы с бриллиантиками были Великих княжон.

Вещи, найденные у Медведевой, кроме серебряных колечек, принадлежали доктору Боткину, а колечки – Великим князьям, хранившиеся как память о посещении Костромских монастырей во время празднования 300-летия Дома Романовых.

Отобранные у Старковых носовые платки с вырезанными метками принадлежали Великим князьям, а все прочие вещи – наследнику Цесаревичу.

Относительно найденных у Тимофеевой брюк Чемадуров заметил, что в отношении одежды Государь Император отличался особой аккуратностью и бережливостью, носил вещи подолгу и сам отмечал где-либо на подкладке или внутри, когда предметы одежды обновлялись.

При расспросах упомянутых лиц, задержанных в разных местах и в разное время, Поповы отзывались незнанием чего-либо о судьбе Царской Семьи, а мать Ивана Старкова добавила, что, по словам ее сына, их, охранников из рабочих, в ночь с 16 на 17 июля не пустили в караул, но что ночью ее сын видел, как из ворот дома Ипатьева выехали два очень больших автомобиля и ушли куда-то по Вознесенскому проспекту в сторону Главной улицы (это могло быть направление на деревню Коптяки). Рассказы прочих задержанных совпадали в основном, что расстреляны вся Царская Семья и жившие с ней в Ипатьевском доме придворные и слуги, кроме мальчика Седнева. При этом Якубцев, со слов своего приятеля – охранника Колотова, добавлял, что тела после расстрела были зарыты там же, в саду дома Ипатьева.

Но особой тождественностью описания событий, происшедших в ночь с 16 на 17 июля, отличались показания Марии Медведевой и Михаила Летемина. Первая рассказывала со слов своего мужа, начальника охраны, просто, откровенно и ясно то, что он рассказал ей, когда 18 июля она приехала к нему в дом Попова, по его телефонному вызову, а Летемин, утверждавший, что он жил с женой на частной квартире и пришел на службу только утром 17 июля, передавал о событиях ночи со слов охранника Андрея Стрекотина, стоявшего в ту ночь на посту у окна комнаты нижнего этажа, где был пулемет, и откуда видел, что делалось в комнате, где были обнаружены следы крови и пуль.

Вот что рассказала Мария Медведева.

«Оставшись наедине со мной, муж объяснил мне, что несколько дней тому назад Царь, Царица, Наследник, все Княжны и слуги Царской Семьи, всего 12 человек, убиты. Подробности убийства в этот раз мой муж не передавал. Вечером муж мой отправил команду на вокзал, а на другой день мы с ним уехали домой, так как начальство уволило его в отпуск на два дня для раздачи денег семьям красногвардейцев.

Уже дома Павел Медведев рассказал мне несколько подробнее о том, как было совершено убийство Царя и его Семьи. По словам Павла, ночью, часа в два, ему велено было разбудить Государя, Государыню, всех Царских детей, приближенных и слуг; Павел послал для этого Константина Степановича Добрынина. Все разбуженные встали, умылись, оделись и были сведены в нижний этаж, где их поместили в одну комнату; здесь вычитали им бумагу, в которой было сказано, что “революция погибает, должны погибнуть и вы”. После этого в них начали стрелять и всех до одного убили; стрелял и мой муж; он говорил, что из Сысертских принимал участие в расстреле только он один, остальные же были не “наши”, т. е. не нашего завода, а русские или не русские, этого мне объяснено не было. Стрелявших было тоже 12 человек; стреляли не из револьверов, так по крайней мере объяснял мне муж. Убитых увезли далеко в лес и бросили в ямы какие-то, но в какой местности, ничего этого муж мне не объяснил, а я не спросила».

Так просто говорила Медведева. Из тона, которым она рассказывала, было совершенно ясно, что она передает только то, что ей счел нужным рассказать муж; чего он ей не говорил, она не знает, и ни о чем сама его не спрашивала. Так же просто предъявила она и вещи, оставленные ей мужем, когда он через два дня уехал в город и с тех пор о нем никаких сведений не было. Она знала многих из Сысертских рабочих, участвовавших вместе с мужем в охране дома особого назначения, и всех, кого вспомнила, так же спокойно назвала. И делала, и рассказывала все так откровенно и охотно не потому, что боялась за свою участь и выдачей других хотела облегчить свое собственное положение; этого совершенно не чувствовалось. Говорила так – просто потому, что знала; совершенно так же она себя держала и впоследствии, когда ее допрашивали следственные власти. Не потеряла она этого свойства и тогда, когда семь месяцев спустя, после занятия Перми, был задержан и допрашиваем ее муж; она и тогда, ему в глаза, подтвердила, что он сам ей сказал, что тоже стрелял, а чего не говорил, того она и не знает, и никогда сама не спрашивает мужа «о служебных делах».

Рассказ Летемина, подтверждая общий характер совершившегося злодеяния, дает некоторые детали, которые могли иметь место и в действительности, но могли создаться и в разговорах о событии охранников между собой. Со слов Андрея Стрекотина, смотревшего, по словам Летемина, в окно, он, Стрекотин: «В ту ночь находился на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа и видел, как в его смену (а он должен был дежурить с 12 часов ночи до 4 часов утра) сверху привели вниз Царя, Царицу, всех Царских детей, доктора, двоих служителей и женщину и всех их доставили в ту комнату, которая сообщается с кладовой; дверь, ведущая из этой комнаты в кладовую, всегда оставалась запечатанной, и охране строго было приказано не открывать этой двери, так как в ней хранились вещи, принадлежавшие домовладельцу Ипатьеву. В каком порядке следовали Царь, его Семья, доктор и слуги, как доставлен был вниз Наследник – ничего этого я не знаю и никого об этом не спрашивал. Стрекотин мне только объяснил, что на его глазах комендант Юровский вычитал бумагу и сказал: “жизнь Ваша покончена”; Царь не расслышал и переспросил Юровского, а Царица и одна из дочерей перекрестились. В это время Юровский выстрелил в Царя и убил его на месте, а затем стали стрелять латыши и разводящий Павел Медведев.

...Выслушав рассказ, я сказал: столько народу перестреляли, так ведь крови на полу должно быть много. На это мое замечание кто-то из товарищей (кто именно, не помню) объяснил, что к ним в команду присылали за людьми и вся кровь была смыта, трупы вынесли

на грузовой автомобиль и следы засыпали песком... Не доверяя всему этому, я спросил шофера грузовика Люханова, который мне подтвердил, что трупы он вывозил в лес и там было застряли в трясине... В какую сторону были увезены убитые и куда девали их трупы – ничего этого Люханов не объяснил, а я сам не спросил...»

По поводу найденных у него царских вещей Летемин показал:

«В течение 18, 19, 20 и 21 чисел июля как из помещений, занимаемых Царской Семьей, так и из кладовых и амбаров увозили на автомобилях царские вещи. Увозом вещей распоряджались два молодых человека, помощники Юровского; вещи увозили на вокзал, так как уже советское начальство решило покинуть Екатеринбург ввиду приближения чехословаков. Часть вещей, представлявших небольшую ценность, просто валялась в разных местах без всякого призора на дворе, на полу в комнатах и в амбаре. Из вещей, найденных у меня, часть мною подобрана как брошенная, а часть мне разрешил взять комиссар Жилинский, приехавший в дом Ипатьева 23 июля (в этот день дом был возвращен владельцу), белье мне выдал из кладовой один из помощников коменданта... Собачку, принадлежавшую Царской Семье, по кличке Джек, я взял к себе, потому что она уже ранее привыкла ко мне и я просто пожалел ее, что она пропадет с голода».

Летемин – это не простой охранник-рабочий; это бывший каторжник, каторжник гнусный: в 1911 году приговором Екатеринбургского окружного суда был присужден к лишению всех особенных прав и преимуществ с отдачей на четыре года в исправительные арестантские отделения за покушение на растление. От военной службы освобожден по болезни. Живет после отбытия наказания на родине, на Сысертском заводе.

В мае приезжает на завод комиссар Мрачковский для найма людей «на охрану бывшего Царя». Летемин узнает, что за эту службу будут платить 400 рублей в месяц жалованья. Он идет к Мрачковскому и предлагает ему свои услуги. «Мрачковский тут же справился о моем поведении и зачислил меня на службу с 20 мая 1918 года вместе с 30 другими рабочими завода».

Летемин – характерный тип сотрудников, которые нужны были советским главарям и которыми они пользовались не только для совершения изуверского преступления над бывшим Царем и его Семьей, но и во всей остальной их деятельности по водворению в России якобы народной власти. Летемин – яркий представитель именно советской народной власти. Собаку пожалеть он может, потому что по существу, по натуре он сам зверь. И комиссар Мрачковский, выбиравший добровольцев, а не бравший всех желавших, тут же, наведя справку о его поведении, которая, конечно, не дала о Летемине положительных отзывов, немедленно признал его таким, какие нужны были советской власти.

Летемин не интересуется, ни как вели людей на убийство, ни как и кто совершал самое убийство, ни куда увезли убитых... Его интересует кровь: много, верно, было крови. Человеческие понятия, человеческие чувства в нем не находят себе места. Не потому, что он туп, туп до предела тупости – собрав у себя дома массу вещественных улик и приведя туда еще и собаку, – но потому, что случайно в нем сохранилось только физическое подобие человека, тогда как в юности это был уже только кровожадный зверь.

Если бы Летемин был немного лучше, вероятно, Мрачковский не взял бы его в охранную команду, ибо высшим начальникам ее, Исааку Голощекину и Янкелю Юровскому, способным, по характеристике Саковича, совершить какую угодно гнусность, нужны были именно Летемины – звери-охранники, а не охранники безопасности заключенной Царской Семьи. Семья охранялась не от попыток похищения белогвардейскими бандами, а дабы не избежать участи, предначертанной ей еще при перевозке из Тобольска в Екатеринбург, о чем поведал уголовному розыску тот же доктор Сакович.

* * *

Летемин, со слов Стрекотина и Люханова, указывает, что трупы были вывезены из Ипатьевского дома на автомобиле, и Старков рассказывал матери, что видел из дома Попова, как в эту ночь вышли из ворот два больших автомобиля и пошли куда-то по Вознесенскому проспекту. Таким образом, военно-уголовный розыск уже от двух лиц из состава охранной команды имел сведения об использовании для вывоза тел автомобиля или автомобилей.

Охранная команда занимала в доме Попова верхний этаж, а в нижнем продолжали жить частные жильцы. Усадьба Попова – угловая, и по Вознесенскому проспекту дежурил всегда ночной сторож Петр Цецегов. Как этот сторож, так и один из жителей нижнего этажа дома Попова подтвердили уголовному розыску, что действительно в эту ночь из дома Ипатьева проходил грузовой автомобиль, причем упомянутый житель, Виктор Буйвид, рассказал, что в эту ночь он не спал и, выйдя во двор после 2 часов, услышал из дома Ипатьева глухие, ровные залпы, их было около 15, а затем отдельных 3 или 4 выстрела; стреляли, по его мнению, не из винтовок и как бы в подвале. Вот после этих выстрелов, минут 20 спустя, отворились ворота загородки Ипатьевского дома и тихо, мало шумя, ушел на улицу автомобиль, свернув на Вознесенский проспект. Кроме того, он показал, что дня за два до этого из дома Ипатьева был выведен мальчик-поваренок; поселили его наверху у красноармейцев, и он часто плакал.

Бывший начальник советского гаража в Екатеринбурге, военный чиновник Петр Алексеевич Леонов, не ушел с Красной армией, а продолжал служить у нас. Он был разыскан уголовным розыском, допрошен и рассказал, что 17 июля комиссаром снабжения фронта Горбуновым было вообще потребовано 5 грузовых автомобилей, причем с одним, большим, произошла такая история: автомобиль этот, по указанию Горбунова, был подан к Американской гостинице, где квартировала Чрезвычайная следственная комиссия. Там шофера этого грузовика сняли и заменили его своим, из Чрезвычайки, а шоферу советского гаража приказали идти домой. Где побывал этот грузовик в ночь с 16 на 17 июля – неизвестно, но 19 июля, около 6 часов утра, грузовик был возвращен обратно тем шофером, что заменил возле Американской гостиницы советского шофера. Грузовик этот был в крови и грязи, но заметно было, что его мыли; пол платформы грузовика был в трех местах пробит.

Эти данные, конечно, не устанавливали еще окончательно факта, но давали определенную, естественную мысль уголовному сыску при нормальных условиях работы лиц, призванных к нему, искать сопоставления всех полученных сведений в отношении использования в эту ночь советскими деятелями автомобилей. Смена шофера, следы крови на автомобиле, поломка его – все это указания на то, что какой-то автомобиль был использован для совершенно особых и секретных целей, каковыми могли быть тайный вывоз из дома Ипатьева тел убитых членов Царской Семьи.

Две женщины из профессионального строительного союза, Мария Стародумова и Васса Дрогина, 15 июля «мыли полы и окна в доме Ипатьева». Они рассказывали уголовному розыску, что видели в этот день в столовой комнате всю Царскую Семью. Наследник Цесаревич был болен, сидел в кресле-каталке и не ходил; с ними же в столовой был и комендант Янкель Юровский, который запретил женщинам разговаривать с кем-либо из Царской Семьи. Люди внутренней охраны были какие-то нерусские и жили в комнатах нижнего этажа, сообщавшегося с верхним этажом, где жила Семья, внутренней лестницей. Денег за работу в этот день не заплатили, а когда они пришли за платой в субботу, 21 июля, то видели, как начальник охраны Павел Медведев приехал откуда-то на тройке пьяный. Все красноармейцы очень торопились, собирали вещи и отправлялись в Пермь. Медведев хотел идти в дом к Янкелю Юровскому за деньгами, но красноармейцы ему заявили, что дом закупорен и

там никого нет. «А они?» – спросил Медведев. «Они все уехали в Пермь», – ответили охранники. Женщинам Медведев сказал, что деньги получают, когда вернутся обратно.

Наконец уголовный розыск задержал бывших сторожей совдепа Петра Лылова и Назара Новоселова и служившую там же при буфете Федосью Балмышеву. Эти предъявили набранные ими при уходе из помещения совдепа вещи, из числа принадлежавших Гендриковой, Шнейдер, Татищеву и Долгорукову, и рассказали, что взять вещи им разрешили «сам Белобородов, товарищ его еврей Сафаров, два брата Толмачевых и секретарь прапорщик Мутных», которые сами выбрали из сундуков и ящиков все самое ценное, а в опорожненные чемоданы напихали драгоценности, принадлежавшие названным придворным, и деньги из своей кассы и все это тоже увезли.

Таковы были данные, добытые уголовным розыском в порядке дознания, обысков и выемок. Но, кроме того, уголовному розыску было известно о находках крестьян деревни Коптяки в лесу, у шахты и в кострищах обгорелых вещей, принадлежавших Царской Семье, и о находках, сделанных офицерами при посещении ими с Наметкиным района Ганиной ямы; к этому добавилось еще показание жены бывшего казначея исполнительного комитета Екатеринбургского городского совета СРД, Евдокии Тимофеевны Лобановой, в котором она рассказала следующее.

Числа 18 июля, вечером, она хотела проехать из города к себе на дачу в деревню Коптяки. Едва миновав железнодорожную будку у переезда на горнозаводской линии при выезде в Коптяковский лес, она была остановлена двумя красноармейцами, заявившими ей, что дальше ехать нельзя; хотя у ее кучера был советский пропуск, но ее все же не пропустили. Тут же она заметила стоявший большой грузовой автомобиль. Она вернулась к будке, где и осталась ожидать.

Ночью со стороны города проехал в лес легковой автомобиль с 6–7 мужчинами, из коих один походил на еврея. Автомобиль, видимо, доезжал тоже только до красноармейской заставы, где его пассажиры слезли и ушли куда-то пешком, а автомобиль с двумя людьми вернулся к будке. Очень поздно ночью с той стороны, где была красноармейская застава, проехало 5–6 телег в направлении на город, и за ними шел грузовик, а вслед затем вернулись к легковому автомобилю его пассажиры, но без того, который был похож на еврея. Уезжая, они сказали, что теперь путь на деревню Коптяки свободен.

Казалось, что все эти перечисленные материалы, которые были добыты военно-уголовным розыском в первые две недели его работы, давали достаточно ясное и определенное указание на то, каких путей надлежало придерживаться розыску в дальнейшей работе его, дабы всемерно помочь следствию раскрыть истину. Возможно, что уголовный розыск и продолжал бы идти по уже наметившейся естественно дороге, если бы, с одной стороны, он не страдал указанными вначале общими свойствами военно-уголовных розысков и, во-вторых, если бы не имела места неудача, постигшая офицеров в районе Ганиной ямы. Если эта последняя, в отношении офицеров, сказалась, главным образом, в упадке духа, то для уголовного розыска она открыла широкое поле развитию сыска во всех допустимых и совершенно недопустимых предположениях и просто фантазиях.

Оставляя в стороне случайности благоприятного характера, которые всегда могут иметь место при стремлении раскрыть любое преступление, нормальный путь выяснения истины розыском или следствием требует прежде всего установления дознанием фактов и логических из них выводов. Это создает почву для первоначальных, допустимых фактами, предположений о возможности наличия тех или других обстоятельств и условий, из которых складывалось данное преступление или вообще событие.

Если бы военно-уголовный розыск следовал этому нормальному пути розыскной работы, то из добытых им в краткий двухнедельный срок сведений он мог бы прийти к следующим выводам как исходным этапам для своей дальнейшей работы.

Деревенько, Чемадунов, Летемина, Стародумова и Дрогина дали точный перечень лиц, содержащихся в доме Ипатьева, а последние две, кроме того, указали, что 15 июля все члены Царской Семьи, доктор Боткин, девушка Демидова и два служителя были налицо в доме. 17 июля, рано утром, Летемина уже не находит в доме Ипатьева никого из перечисленных выше лиц. Следовательно, первым логическим этапом для дальнейшего розыска должно было бы послужить, во-первых, установление фактов, приводимых Стародумовой, Дрогиной и Летеминым и, во-вторых, выяснение того, что делалось в Ипатьевском доме в промежуток времени между днем 15 и ранним утром 17 июля.

Далее Медведева, Летемина и Якубцев говорят, что в ночь с 16 на 17 июля все члены Августейшей Семьи и состоявшие при них придворные и слуги были расстреляны, а Буйвид, один из окрестных жителей дома Ипатьева, свидетельствует, что слышал глухие залпы и отдельные выстрелы, происходившие как бы из подвального этажа этого дома. Это может составить второй этап дальнейшей сыскной работы, но установление фактов требовало серьезного, настойчивого подтверждения их путем опроса других окрестных жителей, которых было немало, ибо с трех сторон Ипатьевский дом окружен частновладельческими усадьбами.

Затем Летемина, Цецегов и Буйвид указывают на грузовой автомобиль, вышедший этой ночью со двора дома Ипатьева; Старкова, со слов сына, говорит, что было два автомобиля, а Леонов рассказывает историю о долгом и таинственном отсутствии одного из грузовых автомобилей, потребованного к чрезвычайке, и возвращении его только утром 19 июля окровавленным и поломанным. Вот третья данная для дальнейшей разработки: автомобиль пошел на Вознесенский проспект, его могли если не видеть, то слышать другие жители этой улицы и улиц дальнейшего пути следования грузовика. Уголовный розыск мог получить не только установление факта выхода этой ночью грузовика из дома Ипатьева, но и путь его следования.

Медведева, Летемина, Люханов говорят, что тела убитых увезли на грузовике куда-то в лес; крестьяне деревни Коптяки отмечают, что проезд по дороге в город мимо Ганиной ямы и урочища Четырех Братьев был закрыт большевиками рано утром 17 июля. Позже эти же крестьяне находят в кострищах в районе Ганиной ямы пожженные вещи, принадлежавшие лицам, можно даже сказать, телам Царской Семьи. Лобанова видит поздно ночью 19 июля грузовик, идущий из Коптяковского леса в город, после чего путь на Коптяки был объявлен свободным. Вот, наконец, четвертый, достаточно реальный этап для дальнейшего розыскного дела, вытекавший из первоначально собранных материалов по деятельности Исаака Голощекина и Янкеля Юровского в связи с исчезновением из дома Ипатьева всей Царской Семьи и состоявших при ней придворных и слуг.

Но уголовный розыск со второй половины августа, т. е. когда офицеры не нашли в шахте тел Царской Семьи, стал на совершенно обратный и исключительный путь работы. В разные периоды своей последующей деятельности за основание работы он брал какую-нибудь из циркулировавших и создававшихся версий и затем искал разными агентурными путями факты, которые могли бы служить подтверждением данной версии. Он отказался от фактов, уже намечавшихся материалами и жизненными событиями, и стал подыскивать материалы для предвзятых, заранее оформленных идей.

Таким путем, конечно, можно наткнуться на истину, но только случайно: это путь слишком шаткий, не специальный, не технический и не научный. Чаще всего на таком пути работающий попадает в сети, расставляемые противной стороной для маскировки своего преступления. Эта участь и постигла военно-уголовный розыск: он пошел по дороге, подсказанной самой советской властью, – убит только бывший Царь, а вся его Семья жива.

Между тем уже с первых шагов розыска стало известно, что в деле охраны Царской Семьи, условиях ее содержания и, наконец, в таинственном исчезновении их всех из дома

Ипатьева – главная роль принадлежала Исааку Голощекину и Янкелю Юровскому, что одно уже должно было бы служить предупреждением уголовному розыску в сомнительности такого заявления советской власти, тем более что в самих официальных объявлениях центральной власти в Москве и Уральского облсовета в Екатеринбурге имелись странные несоответствия: Москва упоминает об отправлении в надежное место только «жены и сына», а Екатеринбург заявляет в объявлении, что в интересах обеспечения общественного спокойствия эвакуирована «Семья Романова», содержащаяся вместе с ним.

Кроме того, когда главарями какого-либо преступного деяния являются российские, по натуре и профессии, уголовники, вроде Медведева, Летемина, Лылова и т. п., или российские лицедеи, как Саковичи, то раскрыть их работу, их поступки, их роль, установить даже их цели и причины, руководившие ими в совершенных преступлениях, не составляет особо сложного труда, и зачастую они сами помогают интересующимся добраться скорее до истины. Один не удержится и все поведаст своей глупой, ограниченной и слишком простой подруге жизни и подкрепит еще оставлением на памяти ни к чему не нужных вещественных доказательств; другой – похвастается перед своим приятелем; третий, участвуя косвенно в преступлении своего «начальства», не скрывает награбленного у убитых имущества, убежденный, что все, что от «начальства», то можно; четвертый – убьет, зарежет, задушит человека, это ему безразлично, все равно, что вошь раздавить, и уводит собаку своей жертвы к себе же в дом, думая... да, вернее, ничего не думая, ибо думать он вообще не способен; пятый – он в одной компании с главарями, он среди них при обсуждении плана преступления, он не принимает мер к предупреждению преступления, но потом рассказывает о нем в пределах допустимого для себя, лицедейно полагая, что он может убедить других в своей непричастности к творившемуся злодеянию.

Но когда главарями являются изуверы и исчадия еврейского племени, вроде указанных выше, или когда хотя бы один из них был причастен к преступлению против христианской веры, то истина не дается так легко людям. Здесь будут пущены в ход и золото, и нож, и искусство, и провокация, и честь нации, и фальшивый патриотизм. Все можно, все допустимо, все оправдывается миром... если надо скрыть истинное лицо и цели Янкеля Юровского, Исаака Голощекина, Янкеля Свердлова, евреев Сафарова и Войкова, Бронштейна-Троцкого, Нахамкера-Стеклова, Розенфельда-Каменева, Апфельбаума-Зиновьева, Гиммера-Суханова, Цедербаума-Мартова, Крохмалю-Загорского, Гольдмана-Горева, Сабельсона-Радека, Гельванта-Парвуса, Гольденберга-Мешковского; Лурье-Ларина, Бебензона-Харитонов, Блейхмана-Солнцева, Щупака-Владимирова, Тобельсона-Краснощекова и многих прочих вершителей советской власти, исчадий несчастного Израильского племени, потомков виновников распятия Христа на Голгофе. И тогда уже они, «собравшись со старейшинами и сделавши совещание, довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали...»

В деле убийства бывшего Государя Императора и всей его Семьи от современных исчадий Израильского племени надо было ожидать такой же лжи.

* * *

Ухватившись за идею, подсказанную самими главарями советской власти и преступления, уголовный розыск настолько ею увлекся, что довольно скоро и легко отказался от живых следов, предоставлявшихся ему материалами первых дней розыска. Его работа направилась исключительно на бесплодную разработку различных появлявшихся вариантов основной большевистской идеи и только запутывала и очень серьезно осложняла следственное производство Екатеринбургского прокурорского надзора. С другой стороны, указанная в общих положениях обособленность военно-уголовного розыска дала возможность через предста-

вителей военного начальства проникнуть в общество и даже в высшие правительственные сферы массе разнообразных слухов, версий и предположений, опиравшихся якобы на какие-то официальные розыскные данные, которые поддерживали определенно сомнения в самих фактах убийства в Екатеринбурге Царской Семьи и в Перми Великого князя Михаила Александровича, а порой давали пищу для умышленного продолжения дискредитации бывшего Государя Императора, Государыни Императрицы и их Детей обвинением в германофильских тенденциях.

Оставление уголовным розыском без разработки следов преступления, устанавливавшихся первоначальными фактическими данными, повело за собой, ко времени принятия следственного производства Соколовым, исчезновение от времени почти всех вещественных следов преступников и особенно их деятельности в районе Ганиной ямы. С другой стороны, слишком сильное увлечение уголовного розыска различными версиями и слухами страшно увеличило работу следователя Соколова, так как для полноты и точности основного следственного производства ему приходилось считаться и разбираться со всем розыскным материалом по этим версиям и слухам, дабы покончить с ними, доводя их или до стены, или до первоисточника появления слуха или версии, или до установления полной абсурдности положения, принимавшегося уголовным розыском за основание своей разработки. В большинстве случаев это вызывало совершенно непроизводительную трату времени.

Став на новый путь работы, военно-уголовный розыск прежде всего ухватился за слухи, сильно циркулировавшие тогда по всей Сибири и теперь еще многими не оставленные, что Царская Семья спасена Вильгельмом и вывезена куда-то за границу.

Уже 15 августа в уголовный розыск поступили откуда-то «агентурные сведения», что Семья бывшего Государя скрылась из Ипатьевского дома, переодевшись в костюмы германских авиаторов, пробравшись через фронт по подложным документам. (По поводу этой версии любопытно вспомнить интервью американского корреспондента господина Аккермана с фантастическим камердинером Домниным, где Домнин начинает свой рассказ с аэропланов, летавших над Екатеринбургом. В действительности в то время ни у чехов, ни тем паче у сибиряков ни одного аэроплана не было.)

Фантастичность именно такого похищения не останавливает уголовного розыска, и 17 августа им рассылаются телеграфные запросы начальнику уголовного розыска в Самару и железнодорожным комендантам Самаро-Златоустовской дороги, в целях обследования вопроса о проезде германских авиаторов. Конечно, долго такая фантастическая версия продержаться не могла, но достаточно сказать, что изучалась она, как предположение совершенно серьезное, и, например, нахождение в Ипатьевском доме волос Великих княжон принималось как факт, подтверждающий, что Их Высочества срезали свои волосы при переодевании в мужскую форму германских офицеров для побега. В действительности Великие княжны были вынуждены не только остричься, но даже обриться еще в Царском Селе после болезни корью.

Версия эта была окончательно оставлена, когда с падением германского могущества стало известно, что Царской Семьи в Германии нет и не было.

Исчезла эта версия; вместо нее, все в той же основной идее, уголовный розыск увлекся другой: Царская Семья спасена и вывезена самими большевиками. Эта версия была уже всецело указана советской властью в ее объявлениях о расстреле бывшего Царя.

В одном из приведенных выше рассказов, а именно, в рассказе Стародумовой и Дрогиной, есть фраза: «А они?» – спросил Медведев. «Они все уехали в Пермь», – ответили охранники. Уголовному розыску, принявшему в основание своей работы, что Царская Семья вывезена, – приведенной фразы было достаточно: «они» – это Царская Семья, и новая версия получила начало своего якобы свидетельского, документального существования. Весь положительный материал первоначальных дней розыска был как бы отброшен, забыт под

впечатлением этого местоимения «они», в том, конечно, значении, какое нужно для этой версии. Уголовный розыск не обратил даже внимания, что сами Стародумова и Дрогина ставят эти переговоры Медведева с охранниками в связь с уплатой денег. И Медведев им говорит: «Получите, когда вернутся из Перми»; слишком ясно, что «они» не могли быть члены Царской Семьи, а касалось это Янкеля Юровского и других советских деятелей, связанных с вопросом уплаты денег женщинам за мытье полов.

Первоначально работа уголовного розыска при этой новой версии направилась к разработке материалов двух вариантов: Царская Семья вывезена грунтовым путем, другой – Царская Семья вывезена по железной дороге.

Данными, осветившими версию в направлении первого варианта, послужили сообщения «секретного сотрудника», командированного в распоряжение большевиков, который показал, что, во-первых, пробравшись «в тыл и середину» большевиков и в деревню Еловку, в 40 верстах от Ирбита, в стороне между станциями Егоршино и Ирбит, от караульного села Еловка Артемия Макарова он узнал, что перед уходом большевиков из Екатеринбурга ночью он видел, как проезжали три крытых автомобиля и две тройки; Макаров проследил их до конной почтовой станции и узнал, что лошадей не меняли и что в автомобилях увезли бывшего Государя и его Семью по направлению Верхотурья. Во-вторых, в Ирбите барахольщик Липатников говорил, что ему известно, что бывший Государь и его Семья увезены в Верхотурье.

Сведения «секретного сотрудника» были неудачны: прямой, большой тракт из Екатеринбурга в Верхотурье идет через Кувшу, а не Егоршино и проходит в 200 верстах в стороне от Ирбита. Кроме того, очень уж сомнительным показалось, что везли Царскую Семью без охраны и почему вдруг барахольщик знал, где Царская Семья, а никто другой в Ирбите ничего «секретному сотруднику» не говорил. Вариант вывоза Царской Семьи грунтовым путем оказался необоснованным, и от него отказались.

Но зато вариант о вывозе по железной дороге увлек уголовный розыск в полной мере и приковал к себе его работу до самого конца существования чинов этого розыска, т. е. до оставления нами города Перми. Не считаясь ни с чем, несмотря ни на какие фактические обстоятельства убийства всей Царской Семьи в Екатеринбурге, уголовный розыск оставался упорно и упрямо на своем пути, варьируя в деталях и духе в зависимости от устанавливавшихся следствием Соколова фактов, опровергавших положение розыска, но сохраняя неизменно в основе ложь большевиков: Царская Семья была вывезена из Екатеринбурга самими советскими властями.

В упорстве отстаивать эту версию уголовный розыск близко подошел к упоминавшимся выше Соловьеву, Симонову, Вяземской, Маркову, Попову и всем русским элементам в Германии, с той разницей, что все те не полагали, что Царская Семья, покинув Екатеринбург, оставалась во власти господ Исааков Голощекиных и Янкелей Юровских, и при этом могли ограничиваться простыми голословными утверждениями, так как доказательств от них никто потребовать не мог. Уголовный розыск был в другом положении: ему необходимо было искать доказательства версии вывоза Царской Семьи из Екатеринбурга, так как таковые могли быть потребованы начальством, и на это уголовный розыск затратил все свое время существования и свой труд.

Первоначальными поводами, обратившими внимание уголовного розыска на возможность вывоза Царской Семьи по железной дороге, послужили опять-таки слухи, распространявшиеся по городу и в сущности вытекавшие все из того же официального объявления советских властей об эвакуации ими Семьи Романова. Со слов различных исчезнувших красноармейцев и рабочих передавались самые разнообразные детали этого вывоза: кто говорил, что бывшего Царя и Царицу вывезли из Ипатьевского дома на вокзал «закованными в кандалы и в автомобиле красного креста»; другие, наоборот, утверждали, что для перевозки в

Пермь Царя и его Семьи был образован поезд из роскошных вагонов; третьи передавали, что один из рабочих «видел своими глазами», как Государя, «бывшего в старой потрепанной шинели», грубо втолкнули при посадке в вагон, но сам поезд «был роскошный». При этом передававшие высказывали догадку, «что Государя увезли в Ригу на основании одного из пунктов Брестского договора». Четвертые видели предназначавшиеся для перевозки Царской Семьи вагоны, у которых окна были замазаны чем-то черным. Пятые слышали от своих знакомых красноармейцев из бывшей охраны Царя, что его, «наверное, отправят в Германию, так как большевики за него взяли у немецкого короля много денег, и король взял его к себе на поруки», а охранник Лавушев или Корякин, кто-то из них, говорил, что «ему никто не может ничего сделать, потому что от германского царя строго приказано Ленину, чтобы ни один волос не был тронут у *нашего Царя*».

Сколько в этих слухах чисто русского, простонародного: и Царь, и Царица в кандалах, и поезд из роскошных вагонов, и окна, замазанные чем-то черным, и выкуп, взятый за Царя, и это «строго приказано Ленину», а рядом «у нашего Царя», так и сказал он «у нашего Царя», хотя сам служил у большевиков и до этого, вероятно, сам участвовал в углублении революции Керенским и развале армии Гучковым. И все-таки остался в твердом убеждении: «наш Царь», а Ленин что? – ему, конечно, Вильгельм мог приказать...

Но, с другой стороны, сколько в этих слухах чувствуется влияния и теоретически привитого в сознании и воспитании убеждения, что немец – все, немец – сила, сила страшная, немец каждому может приказать, и не может быть речи – не повиноваться; наш Царь – это, прежде всего, брат немецкого Царя; русский народ можно унижить, раздавить, истребить, а русский Царь уйдет к немцу...

Какой ужас, какой позор таятся в сути всех этих вышеуказанных слухов; какой позор для всех нас, допускавших и распространявших такие низкие мысли... Как мы не знали духовной и национальной мощи нашего Царя!

Принявшись за разработку версии о вывозе Царской Семьи по железной дороге, кроме как на указанные слухи и разговоры, уголовный розыск наткнулся и на документальную данную о том, что 20 июля из Екатеринбурга в Пермь под сильным конвоем был отправлен вагон с какими-то важными преступниками. В то же время парикмахер со станции Екатеринбург-1 Федор Иванович Иванов показал уголовному розыску, что за день или два до того, как большевики объявили о расстреле бывшего Царя, комиссар станции Гуляев сказал ему: «Сегодня отправляем Николая». Когда вечером не видя, чтобы привозили Царя, он переспросил Гуляева, тот ответил, что Царя увезли на Екатеринбург-2. Те же сведения об увозе Царя подтвердил ему, Иванову, на следующий день комиссар 4-го штаба резерва Красной армии Кучеров, а когда через два дня большевики объявили о расстреле Николая II, он, встретив обоих вместе, Гуляева и Кучерова, спросил их: «Как же это так, что верно?» На что комиссары ему ответили: «Мало что пишут».

Сопоставляя отправленный вагон с какими-то важными преступниками со сведениями, данными парикмахером Ивановым, уголовный розыск утвердился окончательно в своей версии о вывозе Царской Семьи и не пытался больше устанавливать факт отправки из Екатеринбурга, приняв то, что имели, как достаточное основание для всей работы только в направлении этой идеи...

Не менее 75 % служащих Екатеринбургского железнодорожного узла, восстановленные советским режимом, не пожелали уходить с большевиками и остались у нас на своих прежних должностях. В частности, остался на своей должности и начальник станции Екатеринбург-2. Если бы уголовный розыск, в отношении железнодорожных отправок, обратился к железнодорожным служащим и, в частности, к начальнику станции Екатеринбург-2, а не к парикмахеру Иванову, то узнал бы от них своевременно, что многие из них следили именно за тем, отправят ли большевики Царскую Семью из города или нет, и незаметно для них

такой отправки сделать нельзя было. И так как отправки Царской Семьи не было, не было ее и с промежуточных станций, то стоявшие близко к делу отправки железнодорожники не поверили советскому объявлению о расстреле только одного Царя.

Мало того, 30 октября от спасшегося из Перми из-под расстрела камердинера Алексея Андреевича Волкова уголовный розыск узнал, что в вагоне под сильной охраной 20 июля советские власти вывезли из Екатеринбурга в Пермь содержащихся все время в тюрьме графиню А. В. Гендрикову, Е. А. Шнейдер, его – камердинера Волкова, княгиню Елену Петровну Сербскую и состоявших при ней членов Сербской миссии.

Тем не менее уголовный розыск продолжает настойчиво отстаивать свою версию и, до взятия генералом Пепеляевым Перми (25 декабря 1918 г.) продолжая свою розыскную работу в этом направлении, основывает ее исключительно на агентурных сведениях. Первые полученные этим путем сведения приводили к тому, что Царскую Семью повезли из Екатеринбурга на Пермь и далее через Москву за границу. Но когда выяснилось, что в Германии Царской Семьи нет, то и в агентурных сведениях изменился маршрут следования, и некоторые указывали на направление Царской Семьи из Москвы на Казань, а другие, не называя пунктов, говорили, что вообще в глубь России. Искусственность этих агентурных сведений не могла оставлять сомнений в их недоброкачественности, но в свое время в разных кругах общества они оставляли нужное впечатление, и до сих пор еще приходится слышать сплошь да рядом, что некоторых членов Семьи видели там-то, а других там-то. Цель их была определенная – замечать следы правды, основываясь на том, что массы вообще охочи до всевозможных слухов и сплетен.

Так как эти агентурные сведения не могли быть проверены и подтверждены фактами, то все же версия уголовного розыска не получила в серьезных кругах необходимой реальности и не выходила из области предположений и гаданий. Кроме того, в последнее время работы по этой версии в Екатеринбурге осложнились тем, что руководивший розыском чиновник Кирста подвергся обвинению в некоторых проступках по службе, не связанных с Царским делом, был арестован начальником гарнизона и отчислен от должности. Только после ухода генерала Голицына на фронт генерал Гайда освободил Кирсту, и он снова занялся работой по розыскам, но, по приказанию генерала Гайды, тайно от судебных властей Екатеринбурга.

25 декабря была взята Пермь, и при формировании местного военно-контрольного аппарата многие должности в нем были замещены чинами из состава Екатеринбургского уголовного розыска. Ушел туда и Кирста вместе с ближайшими своими сотрудниками по уголовному розыску. Тайное расследование Царского дела продолжалось ими в Перми, причем участие в нем принял самостоятельно товарищ прокурора пермского суда Тихомиров, которого прокурор суда неоднократно предупреждал о необходимости осторожно относиться к тому направлению работы, какое проводилось сыском уголовного розыска.

В Перми работа бывших чинов уголовного розыска получила быстрое развитие, не выходя из рамок все той же основной версии, что Царская Семья была вывезена из Екатеринбурга самими большевиками: появились свидетели, вещественные доказательства. Вместе с тем в связи со все более устанавливавшимся следственной властью в Екатеринбурге фактом убийства всех членов Царской Семьи, в версии уголовного розыска стали появляться новые варианты в дальнейшей судьбе членов Царской Семьи после вывоза ее из Екатеринбурга.

В общем, к моменту воспрещения уголовному розыску заниматься Царским делом версия, по данным уголовного розыска, вылилась в следующую фабулу.

Некоторое время Царская Семья будто бы проживала в Перми, сначала в бельэтаже одного дома, а затем – в подвальном помещении другого дома. В розыском деле указывались свидетели, которые якобы видели Семью именно в этом втором помещении, и в качестве вещественного доказательства к делу была приобщена салфетка дворцового ведомства,

поднятая будто бы в комнате, где свидетель видел Великих княжон. Затем Царская Семья была вывезена в направлении на Вятку и поселена в одной деревне, в 12 верстах от Глазова.

В этот период Великая княжна Анастасия Николаевна с наследником Цесаревичем будто бы отделились от Семьи и некоторое время где-то скрывались. Но однажды, неподалеку от Перми, на правом берегу Камы, в лесу близ железной дороги на Глазов, Великая княжна наткнулась на красноармейцев, которые, приняв ее за воровку, сильно избили и доставили в Пермь в помещение Чрезвычайки. Здесь был вызван доктор Уткин (еврей), который ее осматривал и прописал лекарства. Великая княжна тайно сообщила ему, что она дочь Государя – Анастасия. В своем показании доктор подробно описал наружность виденной девушки. На следующий день, когда доктор Уткин хотел снова навестить больную, ему было заявлено, что она умерла. Какой-то еврей показал товарищу прокурора Тихомирову могилу, в которой будто бы большевики похоронили Великую княжну.

По делу имелся свидетель доктор Уткин и в качестве вещественных доказательств – могила и рецепты на лекарства.

Вся эта история, скрывавшаяся от екатеринбургских следственных властей, рассказывалась с детальными подробностями всем высоким лицам, приезжавшим из тыла и Омска; рассказывалась как факт установленный, опирающийся на живых свидетелей и вещественные доказательства. Благодаря этому в Омске этой версии если не верили в полной мере, то все же допускали некоторое вероятие, тем более что данные официального следственного производства, которое вел в это время член екатеринбургского суда И. Сергеев, по причинам, о которых будет сказано ниже, не доходили до кого нужно, а если и представлялись, то в общих чертах, как предположения.

Весной 1919 года могила, которую указал какой-то еврей Тихомирову как место погребения Великой княжны Анастасии Николаевны, была вскрыта: в ней оказалось 7 мужских трупов и ни одного женского. Рецепты доктора Уткина оказались написанными на старых использованных бланках доктора Иванова с требованием об отпуске спирта для комиссаров, почему на них и были пометки комиссаров – отпустить немедленно под угрозой расстрела. Обыкновенная салфетка гофмаршальской части, по расследовании, оказалась происхождением из одной конспиративной большевистской квартиры в Перми, которая подвергалась обыску уже при нашей власти.

Свидетель по делу доктор Уткин был допрошен судебным следователем Соколовым. Сильно нервничая, сбиваясь, он в общем подтвердил свое первоначальное показание, имевшееся в деле уголовного розыска. Тогда ему были предъявлены для опознания три самые позднейшие фотографические группы Великих княжон. На первой были сняты Великие княжны Ольга, Мария и Анастасия Николаевны; он, всмотревшись, указал на Ольгу Николаевну. Следующая изображала Великих княжон Ольгу, Татьяну и Марию Николаевен – он указал на Татьяну Николаевну. Наконец, последняя фотография Великих княжон Татьяны, Марии и Анастасии Николаевен – он указал на Марию Николаевну.

Доктор Уткин – еврей, и производил впечатление или действительно ненормального человека, или, на всякий случай, симулировавшего ненормального человека.

На этом работа уголовного розыска была прервана. Ему было воспрещено заниматься розысками по Царскому делу, и все произведенное им расследование по этому делу было отобрано и поступило в дело следователя Соколова.

Начало следствия

С освобождением 25 июля войсками Войцеховского города Екатеринбурга в нем создавалось правительство, принявшее название Областного Уральского. Во главе его стал почтенный, уважаемый уральский старожил и делец Павел Васильевич Иванов, бывший

председатель Биржевого комитета в Екатеринбурге, человек умеренно демократических принципов и глубоко честный. Но таких людей уже тогда оставалось немного, и правительственные аппараты, какие и создавались в то время, волей или неволей слагались из тех, которые или прошли через разврат разложения страны керенской эпохи, или были специальными продуктами ее воспитания. Кроме того, сами условия зарождения тогда власти обеспечивали проникновение, даже в ее центральные органы, лиц совершенно низких моральных качеств, но умевших повсюду шуметь и кричать своими якобы высокочеловеческими политическими лозунгами и популярными демократическими принципами. В частности, для Уральской правительственной власти положение серьезно осложнялось сильным закулисным влиянием на исполнительную часть работы правительственных органов, собравшихся в Екатеринбурге, крайних левых элементов из бывших членов Учредительного собрания с Черновым, Минором и Вольским во главе, нашедших себе покровительство и заступничество в среде влиятельного тогда Чехословацкого национального совета в Екатеринбурге.

При таких условиях воспринятый по наследству от 1917 года общий характер правительственной организации отражался на деятельности и взглядах всех правительственных учреждений, в том числе и на возобновлявшем свою работу Екатеринбургском окружном суде. Прежде всего, в каждом мало-мальски серьезном деле обращалось внимание на политическую сторону вопроса: нет ли данных для реакционных начал? не опасно ли для «завоеваний революции»? не пища ли для монархических заговоров? И почти все, как в несчастном 1917 году, больше всего боялись показаться ретроgrадами, реакционерами и особенно монархистами. Это приводило к взаимному недоверию между служащими одного и того же учреждения, подозрительности друг к другу, к массе, к бывшим корпорациям, как офицерским, так и к отдельным лицам и деятелям. Одни – скрытностью и замкнутостью, другие – ложной демократичностью, третьи – различными масками всех социально-политических платформ стремились прикрыть свое действительное лицо, свои взгляды, мнения, убеждения и деятельность. Это можно отметить как в отношении отдельных лиц и служащих, так и в отношении целых правительственных учреждений в общем. Так глубоко въелся за год общественно-политический разврат керенщины, и так напуганы были руководившие развратом интеллигентные круги общественности террором черни в 1917 году по отношению ко всем тем, кого принимали за реакционеров.

Безусловно, и тогда у власти были отдельные люди, не разделявшие этого наследия 1917 года и понимавшие пагубность и узкую односторонность деятелей нашей социальной революции; уже и тогда вся плеяда наших социалистов достаточно ясно показывала всю свою политическую несостоятельность и неспособность к созидательной работе, а главное, свое полное незнание, непонимание и отчужденность от народной массы. Но общая болезнь была все еще сильна, и отдельные элементы, по крайней мере на первых порах освобождения от Советов, не в силах были бороться с общим развалом и болезнью интеллигентно-общественной мысли. Этим отдельным правительственным и общественным лицам приходилось действовать очень осторожно и осмотрительно в проведении каких-либо вопросов, дабы окончательно не провалить дела, если оно носило в глазах правительственной и общественной интеллигенции почему-либо признаки реакционности, политической опасности.

К числу таких дел на Урале было отнесено и дело об убийстве большевиками бывшего Государя Императора. Особая заинтересованность этим событием военного начальства, с непосредственным горячим участием в розысках офицерства, внушила черновско-минорским кругам серьезные опасения возможности создания, на почве этого дела, поводов для укрепления среди народных масс и в рядах нарождавшейся молодой армии монархических принципов и тенденций. Через прямых, скрытных или ложных адептов – этих печальных для России и народа политических деятелей – взгляд на значение Царского дела передался и

в недра Екатеринбургского окружного суда. Первые исполнители его: следователь Наметкин и член суда Сергеев – независимо от их личных качеств, характеров и политических физиономий в своей следственной деятельности, безусловно, были под влиянием указанного выше больного политического течения мысли тогдашней гражданской власти и влиявших на нее политических партий бывших учредителей.

Временно исполнявший должность прокурора Екатеринбургского окружного суда Кутузов, человек прежнего воспитания и режима, не поддавшийся моральному и умственному разврату революционных принципов 1917 года и не разделявший мнений большинства сослуживцев вновь создавшегося аппарата судебной власти на Урале, посетил лично дом Ипатьева, видел то состояние, в котором он был найден 25 июля, и как опытный, выдавший виды юрист сразу понял, что помещение, где содержалась Исааком Голощекиным и Янке-лем Юровским Царская Семья, носило все признаки преступления, определяемого законом «разграбления после совершенного шайкой убийства хозяев или жителей помещения». Во всяком случае, для Кутузова не было сомнений, что события в Ипатьевском доме протекли совершенно не так, как их представили советские власти в своем объявлении о расстреле бывшего Царя.

Однако при тогдашнем общем политическом направлении Кутузов не имел еще достаточных данных, кроме личного впечатления, для самостоятельного возбуждения предварительного следственного производства; надо было или ждать появления более реальных поводов, или каким-нибудь путем помочь другим, не гражданско-правительственным действиям, скорее отыскать такие поводы. Руководясь этим, Кутузов вошел в контакт с начальником гарнизона генералом Голицыным и, узнав о предположении последнего образовать для расследования специальную офицерскую комиссию полковника Шереховского, предложил пригласить в состав комиссии для технически-юридического руководства следователя по важнейшим делам Екатеринбургского окружного суда Наметкина. Последнего Кутузов знал мало, и особенно как деятеля при тогдашней общей политической обстановке, а выбрал его, руководствуясь тем званием следователя по важнейшим делам, которое носил Наметкин. Во всяком случае, Кутузов через Наметкина мог рассчитывать быть всегда в курсе событий по делу, в котором для него крылось несомненно преступление.

Но Провидению, видимо, Самому угодно было помочь людям начать приподнимать завесу над мрачной тайной, скрывавшейся в стенах дома Ипатьева. Уже 29 июля к Кутузову явился добровольно житель города Екатеринбурга Федор Никитич Горшков, который, со слов своего знакомого, бывшего следователя Михаила Владимировича Томашевского, рассказал историю, помещенную уже выше, о том, что в Ипатьевском доме был расстрелян вовсе не только бывший Государь Император, как объявили о сем советские власти, а была уничтожена вся Царская Семья и содержащиеся с ней доктор Боткин и слуги. Это показание дало повод Кутузову на следующий же день, 30 июля, предложить следователю Наметкину приступить к производству официального предварительного следствия по делу убийства бывшего Государя Императора Николая II, по признакам преступления, предусмотренного статьей 1453 Уложения о наказаниях.

Но и такой осторожный и скромный шаг прокурора Кутузова в этом деле, ограничившегося, дабы не повредить правосудию, возбуждением дела только по статье 1453, т. е. отнесением преступления к разряду подсудных общим судебным учреждениям, был встречен в тогдашних политических группировках и настроениях правительственных учреждений недоброжелательно, с большим несочувствием и подозрительностью к следственному делу «тенденциозного» характера. Политические группы не ограничились только выражением несочувственного отношения, проявившегося в том, что за все время существования Областного Уральского правительства никто из его членов ни разу не поинтересовался этим делом, но и не замедлили оказать свое непосредственное влияние на самое производство

предварительного следствия, дабы, хотя этим путем, ограничить, по их мнению, вредное влияние, которое Царское дело могло оказать на настроение масс и армии. Это вмешательство проявилось по следующему поводу.

С первых дней работы следователя Наметкина прокурор Кутузов увидел полную непригодность его для ведения такого сложного и ответственного дела; Наметкин отличался не только ленью и небрежностью в работе, но просто игнорировал свои прямые обязанности как следователь. Так как других подходящих следователей не было, то Кутузов возбудил вопрос о возложении следственного производства, согласно закону, на одного из членов суда, причем его выбор останавливался на членах суда Михновиче или Плюскове. При предварительных переговорах с председателем суда Глассоном предполагалось окончательно назначить Михновича, опытного бывшего следователя, человека честного и стоявшего вне тогда господствовавших политических течений. Так как по положению избрание для следствия члена суда производится «общим собранием отделений Окружного суда», то этим и воспользовались соответственные политические группы для проведения более благоприятного для них третьего из кандидатов для следствия – Ивана Сергеева, тоже члена суда. 7 августа, неожиданно для прокурора Кутузова и вопреки предварительному соглашению с председателем суда Глассоном, И. А. Сергеев получил наибольшее число голосов, и на него было возложено ведение предварительного следствия по делу об убийстве бывшего Царя.

Вскоре прибыл в Екатеринбург настоящий прокурор суда В. Иорданский, которого Кутузов только замещал, и следственное производство гражданской власти совершенно отделилось от работы по исследованию, проводимой военными властями. Последние отнеслись почти враждебно к возложению следственного производства на И. А. Сергеева, избранного под влиянием определенных политических течений Черновского направления, и относились с большим предубеждением вообще к личности самого И. А. Сергеева.

Хотя Сергеев в своем прошлом проходил через стаж судебного следователя, но, судя по тому, как он вел порученное ему Царское дело, можно думать, что он никогда в жизни к этой специальной профессии никакого отношения не имел. Остается только предположить, что Сергеев – ставленник известных политических течений, противник вообще Царского дела, относился к нему как к простому исполнению канцелярской работы. Говорят, что теперь он расстрелян большевиками; если это верно, то во всяком случае он расстрелян не за участие в расследовании злодейства Исаака Голощекина, Янкеля Свердлова, Янкеля Юровского и многих иных, перечисленных выше еврейских изуверов по делу убийства Царской Семьи.

Если Наметкин отличался ленью и апатичностью к своим обязанностям, то Сергеев в произведенной работе выказал полное отсутствие самого скромного таланта следователя и абсолютное непонимание следственной профессиональности. Его допросы свидетелей – это запись того, что хотел показать только сам свидетель или преступник; попытки вести допрос по определенной идее, определенному плану, система дополнительных вопросов – у Сергеева отсутствовали совершенно или отмечаются в протоколе только постольку, поскольку случайно сам свидетель или преступник давал для этого материал в своем показании. Он совершенно игнорирует методы установления фактов путем исследования, тщательного изучения вещественных доказательств, он просто коллекционирует их, и сами по себе у Сергеева вещественные доказательства не говорят ничего, не помогают установлению фактов преступления, не создают путей для новых следственных изысканий, а являются просто приложениями в узком понимании статьи закона.

Сергеев мог бы допрашивать самого Янкеля Юровского и, возможно, выслушав от него всю его биографию, не спросил бы его: а какое ваше отношение было к Екатеринбургской чрезвычайке, и откуда были люди, приведенные вами для внутренней охраны Царской Семьи? Сергеев не ищет раскрыть преступление путем следствия, а только создает следственное «дело»; он ждет, что преступление раскроется когда-нибудь само по себе из мате-

риалов, которые будут подшиваться к следственному «делу», узко придерживаясь буквы закона и своеобразно толкуя обязанности и права следователя по закону. Чтобы составить представление об отношении Сергеева к возложенному на него следствию, о степени стремления Сергеева раскрыть, установить какие-либо факты преступления, достаточно сравнить его работу, пользуясь хотя бы внешними ее данными, с работой Соколова. Допрос камердинера Волкова: у Сергеева 2 отпечатанные на машинке страницы, у Соколова – 27 страниц. Протокол осмотра черновика объявлений о расстреле: у Сергеева – 32 строчки, у Соколова – более 4 страниц и т. п.

Сергеев – сын крещеного еврея. Он не сочувствует изуверской политике и поступкам Бронштейна, Янкеля Свердлова, Исаака Голощекина, евреев Сафарова, Войкова и прочих их единомышленников. Сергеев – сторонник евреев Керенских, более умеренных в способах достижения целей, не таких кровавых. Он выдвинулся в Екатеринбурге именно в период керенщины, когда уже не работоспособность, трудолюбие и знания имели значение в судебном мире, а слова, речи, политика, митинги, демократические принципы и прочий яд развала минувшего 1917 года. Сергеев и теперь примкнул, по-видимому, опять к тому же лагерю, почему и оказался выбранным для ведения исторического, национального дела. Так характерен этот тип людей нашей революции и так постоянны они в способах проявления демократических принципов, что, будучи назначен для ведения предварительного следствия по делу об убийстве бывшего Государя Императора, Сергеев и здесь не мог отказаться от проявления тех же способов; через прокурора он объявил в газетах, что ведение Царского дела возложено на него – Сергеева, и приглашал всех, знающих что-либо по этому делу, идти к нему для дачи показаний.

Шесть месяцев спустя Сергеев жаловался, что на его газетный вызов никто добровольно не пришел к нему дать свои показания. Он объяснил этим медленность следственного производства и был того мнения, что отсутствие добровольных свидетелей есть следствие общественной косности, с одной стороны, и реакционности военных сфер – с другой. Но в действительности оказались не эти причины, равно как и целью газетной публикации оказался вовсе не вызов добровольцев-свидетелей...

Совершенно верно, что Сергеев не сочувствовал тактике политических целей Бронштейнов, Апфельбаумов, Нахамкесов и прочей плеяды изуверов еврейского племени исключительного направления. Но Сергеев, хотя и крещеный, а все же был еврей, еврей по крови, плоти и духу, а потому отказаться от своих соплеменников никак не мог. Он отлично видел, что главарями советской деятельности в Екатеринбурге были евреи: Сафаров, Войков, Поляков, Хотимский, Чуцкаев, Голощекин, Краснов; он знал, что главарями Ипатьевской трагедии являлись Янкель Юровский, Исаак Голощекин, Янкель Свердлов, и целью его газетного объявления могло быть только одно – предупредить через печать: следствие начато, хотя и он избран вести его, и в его руках оно будет, но все-таки оно начато, а потому принимайте меры... А дальше? Конечно, никто из свидетелей не пойдет добровольно показывать. Да и кто мог быть этим свидетелем? Участники преступления, рабочие-охранники, скрылись, их надо было разыскивать, а в числе добровольцев они, конечно, не могли быть; Исаак Голощекин и Янкель Юровский отправились в вагоне-салоне в Москву, и на них, конечно, Сергеев рассчитывать не мог. Оставался один какой-нибудь забитый, запуганный террором большевиков случайный обыватель, почуявший в новой власти, и даже в объявлении Сергеева, запах знакомой ему возвратившейся керенщины. Естественно, никто из них пойти не мог и не пошел: еще, чего доброго, новое начальство за реакционера примет!

А Сергееву только это и надо было – деятельность показана; если не идут – виноваты косные и реакционеры; а пока не будем торопиться, затянем дело.

Конечно, это все мысли, а не материалы. Но мысли, вытекающие из всех бесед с Сергеевым, из всего его безделья и преступного небрежения к важному порученному следствен-

ному производству, которыми пропитано его следственное «Дело». Шесть месяцев Сергеев тянет следствие, почти не сделав шагу вперед против того, что ему дал военно-уголовный розыск за первые две недели своей полезной работы. Все, что он сделал от себя, – это осмотрел только более тщательно дом Ипатьева, снял фотографии комнат, вынул из стен и пола куски дерева со следами пуль, допросил поверхностно около шести новых, случайных лиц, получил кое-какие документы с телеграфа, и все. Он не углубляется в следствие, не развивает его, не изучает. Вещественные доказательства и вещи Царской Семьи, собранные в Ипатьевском доме, в районе шахты и отобранные у разных лиц, остаются не разобранными, не исследованными и даже не описанными. Он не интересуется сам съездить в Коптяковский лес, увидеть следы, посмотреть, что делается у Ганиной ямы. Он не вызывает свидетелей, которые указываются материалами уголовного розыска, хотя они тут же, в городе. Он ждет и не торопится, главным образом, не торопится. Это так ясно режет глаза из всего его «Дела».

И чтобы тянуть, у него есть всегда уважительные причины: никто не идет давать показания; средств на организацию розыска нет, а высшее начальство индифферентно и никаких указаний о рамках следствия не дает. Такое отношение было при Областном уральском правительстве, такое стало при Директории и такое же осталось при Омском правительстве.

22 января 1919 года от Сергеева был потребован отчет в его работе. Он сильно заволновался, и главным образом потому, что, по существу собственной натуры, он прежде всего хотел себе уяснить, чем руководилась незнакомая ему новая власть, предъявляя это требование: монархическими ли тенденциями или более левыми побуждениями? И как себя держать по отношению к ней? Маленький, худой, с продолговатым, нечистым лицом, торчащими ушами, бегающими бледно-серыми глазами, он старался рассказать как можно больше о своих шагах, работе, затруднениях, местных трениях и, торопясь, пытался ответами предугадать возможные вопросы в духе тех же политических течений, которыми, ему казалось, руководилась новая омская власть. Он производил впечатление умного, но очень себе на уме человека.

На основании имевшихся в его распоряжении следственных материалов Сергеев дал совершенно определенный ответ: убиты все члены Царской Семьи, а не только бывший Государь Император, как оповестили большевики. В этом у него никакого сомнения не было, и оставался только совершенно невыясненным вопрос, что сделали убийцы с телами своих жертв, так как при произведенных розысках тела найдены не были. Он сам указал на то, что главными руководителями преступления считает местных большевистских деятелей – евреев Сафарова, Войкова, Голощекина и Юровского, причем в отношении евреев Сафарова и Войкова добавил, что они из числа тех 30 большевистских главарей, которые были привезены в Смольный институт в запломбированном вагоне. Он категорически стоял только на том, что убийство Царской Семьи является делом исключительно Екатеринбургским и Москва тут ни при чем. «Смешно даже думать иначе», – говорил он, улыбаясь, не подымая опущенных глаз.

Когда же Сергееву был задан вопрос: почему же омские власти совершенно не имеют такого твердого убеждения в факте убийства всей Царской Семьи, как определенно докладывает он, следовательно, на основании следственных данных, – Сергеев заявил, что о причинах такого положения он подаст письменную докладную записку.

Присутствовавший здесь же прокурор Екатеринбургского окружного суда В. Иорданский по уходе Сергеева пояснил, что он, прокурор, по этому делу не видит сочувствия со стороны министра юстиции, так как дважды обращался к нему и ни одного ответа не получил.

Прокурор Омской судебной палаты на основании подробных представлений Иорданского сделал министру юстиции Старынкевичу обстоятельный доклад о результатах предварительного следствия. Старынкевич, взглянув на доклад, заявил, что он не имеет времени

прочитать такой обширный доклад, и просил составить ему что-нибудь покороче, чтобы он мог прочитать «перед сном».

Что же касается убийства Царской Семьи, то он, прокурор Иорданский, вполне разделяет взгляд, что преступление было инспирировано по замыслу и руководимо в исполнении нерусскими членами советской власти, что слишком видима в нем посторонняя русскому человеку рука, и особенно рука евреев. «Между тем, – добавил Иорданский, – Сергеев – сын крещеного еврея, вследствие чего, оставляя в стороне предъявление ему каких-либо обвинений в ведении следствия, я не могу не отметить, что еврейское происхождение Сергеева неблагоприятно в смысле отношения к нему значительной части Екатеринбургского общества».

Это заключение прокурора Иорданского служит только подтверждением тех мыслей, которые были высказаны в отношении точки зрения Сергеева на его роль как еврея в порученном ему следственном производстве. В отношении продуктивности ведения следствия прокурор Иорданский, конечно, ничего не мог предъявить Сергееву, так как прокурор он являлся сам ответственным за то, что своевременно не проявил должного наблюдения за работой Сергеева.

Вот что писал Сергеев в своей докладной записке.

«Об учиненном в ночь с 16 на 17 июля 1918 года (нов. ст.) убийстве бывшего Императора Николая II население города Екатеринбурга было осведомлено словесным заявлением бывшего военного комиссара Уральской области Голощекина, сделанным в помещении городского театра на устроенном для этой цели митинге.

21 июля о том же событии были расклеены по городу печатные объявления, извещавшие, что казнь бывшего Императора совершена по постановлению бывшего Президиума областного совета и что это постановление одобрено в состоявшемся 18 июля заседании Президиума ВЦИК; в том же объявлении было сообщено, что жена и сын бывшего Императора отправлены в надежное место.

Дом Ипатьева, в котором содержался бывший Император со своей Семьей, был передан в распоряжение владельца лишь 22 июля; таким образом, в течение пяти дней после совершения злодеяния дом Ипатьева находился в ведении советской власти, и за этот период времени ее агентами были приняты все меры к возможно полному уничтожению и сокрытию следов преступления.

25 июля 1918 года в г. Екатеринбург вступили передовые отряды сибирских, чехословацких и казачьих войск, и на третий день после занятия города офицерами, состоявшими при штабе начальника гарнизона полковника Шереховского, было приступлено к расследованию дела об убийстве бывшего Императора. Внимание и труд господ офицеров были направлены на обследование той местности близ деревни Коптяки, где случайно были обнаружены следы сожженных костров и найдены в пепле драгоценные вещи и мелкие несгораемые части от принадлежностей одежды и обуви (пуговицы, крючки, планшеты и т. д.).

29 июля расследованию был придан официальный характер путем поручения следствия судебному следователю по важнейшим делам Наметкину, уже ранее приглашенному военными властями для содействия при расследовании.

Судебный следователь, приступив к следствию, продолжал осмотр и обследование вышеупомянутой местности, допросив свидетелей, установивших некоторые обстоятельства, относящиеся к разъяснению факта сожжения костров, и затем приступил к осмотру дома Ипатьева.

По определению общего собрания отделений окружного суда от 7 августа дальнейшее производство следствия было возложено на меня.

Ознакомившись с данными дела, я признал важнейшей очередной задачей выяснить, насколько возможно, действительно ли совершилось самое событие преступления, и в этих

целях, продолжая через особую экспедицию, под наблюдением лиц прокурорского надзора, обследование местности близ деревни Коптяки и откачивание шахты, находившейся там же, приступил к тщательному осмотру всех помещений дома Ипатьева. Результаты осмотра во всей их совокупности дали мне основание признать событие преступления достаточно установленным, и в дальнейшем необходимо было принять все доступные меры к обнаружению тел убитых и уже затем к выяснению обстоятельств совершения преступления, его вдохновителей и участников.

...Ввиду исключительной сложности обстановки исследуемого преступления, успех следствия в значительной мере обусловлен возможно наилучшей постановкой дознания и розыска, ибо результаты работы органов дознания являются основой предварительного следствия. Устав уголовного судопроизводства возлагает на судебного следователя собрание доказательств события преступления, обстоятельств его совершения и виновности или невиновности подозреваемых в нем лиц, причем это собрание доказательств должно быть выполнено указанными в законе приемами и облечено в предписанные законом формы. Указанные в законе приемы и способы собрания доказательств сводятся к следующим действиям: осмотры, освидетельствования через сведущих лиц, обыски, выемки, истребование письменных сведений и документов и допрос свидетелей и обвиняемых. Каждое следственное действие должно быть составлено в форме протокола, подписано участвующими при составлении его лицами, каждое распоряжение следователя, затрагивающее права и интересы участвующих в деле лиц, должно быть обосновано особым мотивированным постановлением. Вследствие указанной сложности форм и приемов, следственная власть не может действовать с такой быстротой и подвижностью, как органы дознания и розыска, не связанные в своей работе никакими формальностями.

...Помимо особой сложности и ответственности задач, подлежащих выполнению органами дознания и розыска, следует принять во внимание и высокое государственное и историческое значение работ по исследованию настоящего дела, и поэтому, кроме опытности и знаний, к агентам розыска должны быть предъявлены особые требования, необходимы люди безупречно честные, с известными принципами и нравственными устоями, способные работать не только «за страх, но и за совесть». К сожалению, в первые три месяца работ круг лиц, коим можно было бы доверить дело розыска, был крайне ограничен; милиция находилась в стадии формирования и по своему составу была совершенно неудовлетворительной; в силу этого пришлось пользоваться услугами Екатеринбургского управления уголовного розыска, во главе которого стоял достаточно способный и образованный начальник А. Ф. Кирста, но, к сожалению, не обладавший качествами, о которых сказано выше. Еще до принятия мною дела к своему производству, А. Ф. Кирсте от бывшего начальника гарнизона генерал-майора Голицына были переданы на расходы по розыску 4000 рублей, быстро и в значительной мере непроизводительно им израсходованные. Названный начальник розыска, увлекаясь своей ролью, пытался действовать независимо от судебной власти, что, конечно, отражалось на ходе и успешности работ; состав остальных чинов розыска, хорошо мне известный по моей прежней службе в прокурорском надзоре, также был далеко не на высоте своих задач. Независимо от этого, чины уголовного розыска были обременены исполнением своих прямых обязанностей по раскрытию общеуголовных преступлений, а по отсутствию средств и сил не представлялось возможным освободить их от несения этих обязанностей. Трудность работы усугублялась еще рядом следующих неблагоприятных условий: отсутствием денежных средств, потребных на расходы по розыску (только в начале октября в мое распоряжение поступило от генерала Голицына 3000 рублей и затем в начале января сего года 6000 рублей), ограниченностью территории, отсутствием налаженных аппаратов власти на местах, затруднительностью сообщений, близостью фронта и разрозненностью действий отдельных представителей власти (по преимуществу военной), имевших то или иное отношение к делу.

Местная высшая гражданская власть в лице коалиционного Уральского областного правительства стояла совершенно в стороне от дела, проявляя к нему полное безразличие. Бывали случаи, когда действиями представителей власти причинялся серьезный ущерб интересам дела (истреблялись свидетели, от которых можно было ожидать полезных для дела сведений, захватывались вещи и документы, имевшие для дела значение доказательств и тому подобное).

...К числу неблагоприятных факторов надлежит отнести косность, запуганность не только широких слоев населения, но и его интеллигентных кругов; свойственное и ранее русскому народу чувство опасения “попасть в свидетели” по судебному делу проявилось в данном случае с особой силой, обусловленное, с одной стороны, боязнью возвращения большевиков, и с другой – опасением ответственности перед новой властью.

...Показателем такого настроения является следующий факт: в начале октября минувшего года мною через прокурора суда были произведены троекратные публикации в местных газетах, извещавшие население о том, что на меня возложено производство следствия по делу об убийстве бывшего Императора Николая II, и приглашавшие всех граждан, могущих сообщить относящиеся к делу сведения, явиться ко мне для дачи показания, но до сего времени ни один гражданин не явился ко мне добровольно для дачи показаний. Вредно отражалось на ходе расследования также и то распространение в населении на основании различных слухов убеждения, что бывший Император и его Семья живы и увезены из Екатеринбурга и что все опубликованные советской властью сведения по этому поводу – провокация и ложь; это убеждение было усвоено и большей частью представителями военной власти, и под влиянием этого создавалось отношение к производимому следствию, как к делу, в лучшем случае, бесполезному.

В заключение следует отметить, что работа по исследованию преступления осложняется необходимостью уделять массу времени и труда собиранию и осмотру такого материала (вещи, документы), который не имеет значения вещественных или письменных доказательств в законном смысле этого понятия, но тем не менее требует принятия целого ряда мер в интересах государственных, исторических и культурных. По этому поводу позволяю себе обратить внимание на то, что следствие ведется в условиях полной оторванности от центра и без руководящих указаний в отношении его объема, задач и пределов, тогда как по данному делу, ввиду его исключительности и важности, эти границы должны бы быть строго и точно очерчены. 31 января 1919 года. Член Ек. окр. суда Ив. Сергеев».

Докладная записка Сергеева не дала ответа на основной поставленный ему вопрос: почему Омск не ориентирован в истине совершенного в Екатеринбурге преступления? В письменном собственноручном документе он даже сам не определяет, какое же именно преступление совершено в Екатеринбурге – убийство всей Царской Семьи или только бывшего Царя. Своей докладной запиской Сергеев просто старается оправдать свою бездеятельность и слишком сугубую «законность» в ведении порученного следственного производства. В последнем отношении его ссылки на узость рамок, предоставляемых законом для деятельности судебных следователей, натянуты и искусственно подобраны для объяснения своей пассивности, а толкование употребленного законом слова «собирать» – умышленно узкое, но для него, задавшегося целью тянуть дело, необходимое. Программа, составленная Сергеевым для своей работы, определенно предназначала затяжку дела до бесконечности: сначала выяснить, «действительно ли совершилось самое событие преступления», «в дальнейшем принять все доступные меры к обнаружению тел убитых» «и уже затем выяснить обстоятельства совершения преступления, его вдохновителей и участников». А если тела убитых не будут найдены, что и случилось в действительности, последнее, важнейшее во всем деле в историческом и национальном отношениях, должно было бы до бесконечности дожидаться своего освещения перед правосудием и историей по программе работы Сергеева. Он этими

вопросами и не занимался, а тянул следствие, собирая все те материалы, которые случайно попадали к нему по первым двум пунктам намеченной программы. Только после объявления ему о передаче следственного производства для дальнейшего ведения его следователю Соколову 20 февраля 1919 года Сергеев решился и впервые в постановлении о привлечении к следствию Павла Медведева в качестве обвиняемого указал, что убита была вся Царская Семья, что преступление совершено «по предварительному уговору с другими лицами» и выполнено по заранее выработанному плану. Однако и здесь Сергеев в числе «других лиц» упомянул только Янкеля Юровского, не касаясь совершенно «вдохновителей», о которых он докладывал на словах.

Сергеев говорит, что, по ознакомлении с данными дела Наметкина, он признал «важнейшей очередной задачей выяснить, насколько возможно, действительно ли совершилось самое событие преступления». Это он признал 8 августа, а допрашивает Летемина 18 октября, а Марию Медведеву – 9 ноября. Что же он делает за это время, дабы установить факт убийства? Осматривает дом Ипатьева, но устанавливает и отмечает в протоколе все то, что отмечал в свое время Наметкин, что делали неопытные офицеры, что делал уголовный розыск. Для установления факта преступления Сергеев не замечает ни окровавленных салфеток и полотенец, ни обрызганной кровью стены, не разыскивает окровавленные опилки, которыми замывали пол, не интересуется, от каких револьверов пули, засевшие в стенах и полу подвальной комнаты нижнего этажа дома. Он дополняет осмотр лишь тем, что выпиливает из стен и пола куски досок с пулевыми следами и снимает фотографии комнат. Однако с комнаты, где был произведен расстрел, он снял фотографию не до вырезки кусков досок из стен и пола, а уже после изъятия их со следами произведенного здесь преступления. Таким образом, если уничтожить эти вынутые куски досок, то никаких следов совершенного в этой комнате действительного злодеяния нигде зафиксировано не останется.

Этот акт следственного производства Сергеева, может быть, случайно сопоставляемый с показаниями Летемина, данными 18 октября Сергееву, опять-таки наводит на мысль об умышленности некоторых действий Сергеева. Летемин, который на допросе 7 августа уголовным розыском проявил свой интерес к совершившемуся преступлению только вопросом, много ли было крови, просидев, числясь за уголовным розыском, два с половиною месяца в тюрьме, на допросе Сергеева неожиданно оказывается значительно более словоохотливым без понуждения со стороны Сергеева, а главное, значительно более интересовавшимся деталями преступления. Повторив в общем все то, что он рассказывал уголовному розыску, Летемин в конце вдруг заявил: «Все то, что я узнал об убийстве Царя и его Семьи, меня очень заинтересовало, и я решил, насколько возможно, проверить полученные мною сведения. С этой целью 18 июля я зашел в ту комнату, где был произведен расстрел, и увидел, что пол был чист, на стенах также никаких пятен я не обнаружил. В задней стене, на левой руке от входа, я заметил три дырочки глубиной с сантиметр каждая; больше никаких следов стрельбы я не видел. Вообще следов крови я нигде не обнаружил».

Правда, что Летемин оговаривался и пояснял, что осмотр он производил уже вечером и торопился, боясь, чтобы начальство не застало его за этим делом, но этого было достаточно, и в Екатеринбурге заговорили: видите, уголовный розыск прав, Семья вывезена; самое большее, что был расстрелян только бывший Царь, как и говорили советские власти. Позвольте, возражали другие, ведь кровь, много пулевых следов видели Кутузов, Деревенько, Чемадуров, Наметкин, все офицеры, масса народа, перебывавшего в доме? – Ну, это все могло появиться и потом, провокация...

Выпилить доски со следами пуль и крови Сергеев, конечно, должен был, но надо было, во-первых, снять фотографии стен комнаты, где был произведен расстрел, раньше их искажения, а во-вторых, надо было хранить выпиленные куски до экспертизы кровавых следов и пуль в порядке, установленном законом, опечатанными и с гарантией, что они не пропа-

дут. Между тем хранение их было так небрежно, что при сдаче вещественных доказательств Сергеев не мог разыскать сразу одного из выпиленных кусков из пола.

Сергеев резко отзывается в своей докладной записке о моральных качествах чинов Екатеринбургского уголовного розыска и указывает на то, что они не стояли на должной высоте. Сергеев, оправдывая себя, отмечает, что «успех следствия в значительной мере обусловлен возможно наилучшей и широкой постановкой дознания и розыска, ибо результаты работы органов дознания являются основой предварительного следствия». Последнее Сергеев должен был добавить – при условии, когда розыск руководится следствием и следователем. При всем том делал ли Сергеев что-либо со своей стороны, чтобы улучшить дело, ускорить его ход? Давались ли им какие-либо указания чинам уголовного розыска? Использовал ли он хотя бы весь тот материал, который доставлял ему уголовный розыск, и наблюдал ли он за своевременностью поступления к нему материалов от розыска? Вот для примера сравнительная таблица посланных 13 октября 1918 года уголовным розыском оптом своих материалов следователю с отметками, что и когда сделано по ним Сергеевым.

Фамилия допрошенных уголовным розыском	Когда допрошены	Что сделано Сергеевым	Когда
Тимофеева	7 августа	допрошена	18 октября
Летемин	7 -//-	допрошен	9 ноября
Медведева	7 -//-		
Старкова	7 -//-		
Микушева	7 -//-		
Леонов	10 -//-		
Буйвид	10 -//-		
Якубцев	10 -//-		
Стародумова	17 -//-		
Дрогина	17 -//-		
Сакович	17 -//-		
Цецегов	22 -//-		
Елкин	5 сентября		
Лоскутов	5 -//-		
Иванов	13 -//-		
Елисеева	13 -//-		
Чертополохова	13 -//-		
Демина	14 -//-		
Чертополохов	23 -//-		
Самойлов	23 -//-	допрошен	25 ноября
Котова	26 -//-	допрошена	21 ноября
Белозерова	28 -//-		
Межина	30 -//-		

Из 24 допрошенных уголовным розыском к январю 1919 года Сергеевым было передопрошено только 4 свидетеля. Все прочие лица были оставлены Сергеевым без внимания, хотя показания некоторых, при более опытном и детальном их расспросе, могли бы дать, вероятно, чрезвычайно существенные указания. Особенно досадно – это упущение Сергеева своевременно допросить доктора Саковича, занимавшего при большевиках должность областного комиссара здравоохранения. По свидетельству бывшего комиссара счетного отдела управления Северо-Восточной Уральской железной дороги Николая Дубовика,

Сакович вместе с городским комиссаром здравоохранения, евреем Красновым, были одними из активнейших работников в областном совете, а жена Краснова, Фани Янкелевна, состояла секретарем. Между тем Сергеев, не поддерживавший, по-видимому, никаких сношений с другими лицами и организациями, работавшими вообще по политическим розыскам, выпустил Саковича из своих рук, и тот был отправлен в Омск. Значительно позже прокурор Иорданский обращался в Омск с просьбой вернуть Саковича, указывая на его отношение к Царскому делу, но 25 декабря 1918 года получил из Омска от следственной комиссии по рассмотрению дел о лицах, арестованных «в дни настоящего переворота», уведомление, что по распоряжению министра внутренних дел Сакович и его дело переданы в названную комиссию и потому обратно в Екатеринбург выслан быть не может. Сакович был настолько важным свидетелем, если не преступником, по Царскому делу, что Сергеев мог сам съездить в Омск для допроса, раз что выпустил по своей вине из своих рук. Этого, конечно, Сергеев не сделал и причинил следственному производству неисправимую ошибку.

После бывших разговоров с Сергеевым 22 января он в своей докладной записке отмечает неоднократно важность порученного ему следственного производства по раскрытию убийства Царской Семьи в государственном, историческом и культурном значениях. Жаль, что к этому сознанию он, по-видимому, пришел только под впечатлением бывших разговоров, но и то несколько исказив их, так как говорилось о значении этого дела, вещей, оставшихся после убийства Царской Семьи, и вещественных доказательств преступления в государственном, историческом и национальном отношении, а не в культурном, каковым словом Сергеев заменил определение национального значения. В течение же своей работы он совершенно не подходит к освещению дела в указанных отношениях. 8 октября он допрашивает протоиерея Сторожева. Сторожев – свидетель интеллигентный, образованный, свидетель важный, он 14 июля служил обедницу в доме Ипатьева и видел там всю Семью и всех состоявших при ней придворных и слуг. Это показание служит как бы подтверждением показаний Стародумовой и Дрогиной, видевших Семью в доме Ипатьева 15 июля. Следовательно, теперь уже, безусловно, верно, что до этого числа она никуда не исчезала из дома.

Но Сторожев и не простой интеллигентный свидетель, он сам бывший товарищ прокурора; понимает, насколько важна в этом деле каждая мелочь, деталь, не только с юридической точки зрения, но и в указанных выше отношениях. Он старается говорить как может подробнее, длинно, старается припомнить все, что видел, старается дать показание всестороннее. Что же, Сергеев пользуется этим опытным и серьезным свидетелем в целях хотя бы юридического характера для своего следствия или даже в целях просто помочь Сторожеву в его желании дать возможно исчерпывающее показание? Нисколько. Сам Сторожев в конце своего показания как бы подсказывает Сергееву: «Лично ничего более сказать не могу», – но спроси! Но Сергеев ни одного дополнительного вопроса Сторожеву не ставит; он предъявляет ему только три одинаковые иконы, найденные в доме Ипатьева: «Те же ли это иконы, что стояли на столике во время службы?..» – «Я не могу утверждать, но почти убежден, что это была одна из тех двух одинакового размера икон Нерукотворенного Спаса, которые вы мне предъявляете», – отвечает Сторожев. Таких икон из числа принадлежавших Царской Семье в доме Ипатьева было найдено четыре; как же можно утверждать про одну из них, что это была именно она? Почему же вместо этого, по меньшей мере, бесцельного предъявления иконы Сергеев не предъявил Сторожеву серьги Государыни, найденные в шахте, которые 14 июля могли быть в ушах Ее Величества, пряжку от пояса наследника Цесаревича, найденную там же, пряжки от обуви Великих княжон, куски материи от костюмов, юбок и платьев, найденные в кострищах? Сторожев, входя в дом, видел у подъезда легковой автомобиль; почему Сергеев не расспросил его, каков был этот автомобиль, какого цвета? Ведь он уже знал показание Евдокии Лобановой об автомобиле, на котором приехали в лес в ночь с 18 на 19 июля каких-то пять человек, из коих один был похож на еврея. Отчего он не

расспросил Сторожева о наружности Янкеля Юровского, его помощника, который спал на постели, о наружности красноармейцев внутренней охраны? Отчего он не поинтересовался более подробно меблировкой и вещами, бывшими тогда в комнате Янкеля Юровского, для сравнения с тем видом комнаты, в котором она оказалась 25 июля? Сторожев рассказывал, что 14 июля должен был служить отец Меледин, который перед этим уже три раза служил в доме Ипатьева, но Янкель Юровский неожиданно ему отказал и срочно потребовал Сторожева. Почему Сергеев не вызвал сейчас же отца Меледина и не попытался допросом его выяснить причины этой внезапной замены? Почему, наконец, он не допросил диакона Буймирова, который пять раз служил в доме Ипатьева и с отцом Мелединым, и с отцом Сторожевым?

Сергеев отпустил Сторожева, совершенно не используя ни его самого, ни его показания, ни тех лиц, которые могли существенно, помимо новых данных юридического характера, обрисовать действительную картину жизни и содержания Царской Семьи в доме Ипатьева.

5 сентября был задержан Афанасий Елкин, содержавшийся при большевиках в тюрьме, но исполнявший обязанности кучера при казенных экипажах, обслуживавших комиссаров. Он показал, что 17 июля он возил до середины дня Янкеля Юровского по городу: в Американскую гостиницу, где была чрезвычайка, на частную квартиру Янкеля Юровского по 1-й Береговой улице, № 6 и днем привез его в дом Ипатьева, откуда был отпущен в тюрьму. Через день, т. е. 19 июля, он снова был потребован утром к дому Ипатьева и опять полдня возил Янкеля Юровского по городу, по разным советским учреждениям и частным квартирам. В середине дня вернулись к дому Ипатьева, и Янкель Юровский, сказав, что вечером ему нужно будет опять ехать, приказал Елкину переждать во дворе дома Попова, где жили охранники. Вечером часов в 11 Елкина послали в Американскую гостиницу, откуда он привез в дом Ипатьева каких-то двух молодых людей, из коих один был похож на еврея. В половине 12-го ночи Елкину велели подать к самым воротам дома Ипатьева; ему положили в экипаж семь мест багажа, из коих два были кожаные саквояжи, и вышел сам Янкель Юровский. Сидя в экипаже, Янкель Юровский отдал приказание молодым людям, привезенным Елкиным из чрезвычайки, «привести все в порядок, охраны оставить 12 человек, а остальных отправить на вокзал». Затем Елкин повез Янкеля Юровского с вещами в дом главного начальника, где комиссары спешно собирались тоже в путь, потом заехали в чрезвычайку, на собственную квартиру Янкеля Юровского и к кому-то в Вознесенский переулок, в дом рядом с лабораторией, а оттуда на вокзал, где Янкель Юровский с вещами ушел в поезд. Елкин в эти дни обратил внимание, что в доме Ипатьева как-то тихо, и производило впечатление, что Царской Семьи там уже нет.

Подобно показанию Сторожева, показание Елкина было тоже очень важным для следствия, так как давало косвенное подтверждение показаний Летемина. Во-первых, Летемин 17 июля утром уже не нашел Царской Семьи в доме Ипатьева, а Елкин с утра 17 июля возил полдня по городу Янкеля Юровского, который должен был бы охранять Семью в комендантской комнате, если бы она была еще в доме. А во-вторых, Летемин говорил, что уборкой и отправлением царских вещей распоряжались два помощника Янкеля Юровского, а Елкин слышал, что Янкель Юровский приказывает своим помощникам из чрезвычайки «привести все в порядок». Следовательно, период времени возможного исчезновения Царской Семьи из дома Ипатьева – от вечера 15 июля до 17 июля – для следствия подтверждался и приближался к характеру факта установленного. Но работа Сергеева в отношении плановости, последовательности ни в чем не отличалась от работы уголовного розыска; он просто, опираясь на свое собственное толкование закона, собирает документы, не ищет из них выводов и не ищет раскрытия преступления, а обыкновенно подшивает их к делу и ждет следующего документа. Он не поинтересовался даже узнать, к кому Янкель Юровский в последние

минуты своего пребывания в Екатеринбурге заезжал на Вознесенский переулок, в непосредственной близости с домом Ипатьева.

18 октября Летемин, давая показание, еще более облегчает задачу Сергеева: «16 июля, – говорит Летемин, – я дежурил на посту № 3 с 4 часов дня до 8 часов вечера и помню, что, как только я вышел на дежурство, бывший Царь и его Семья возвращались с прогулки». Следовательно, для исчезновения Семьи оставалась только ночь с 16 на 17 июля, т. е. та самая ночь, в течение которой, согласно объявлению советских властей, был расстрелян бывший Государь Император; та самая ночь, в течение которой, по показаниям Медведевой, Летемина и Якубцева, была расстреляна вся Царская Семья, а не только один бывший Царь; та самая ночь, в течение которой Буйвид и Цецегов видят грузовой автомобиль, выезжающий из ворот дома Ипатьева и направляющийся по Вознесенскому проспекту в сторону, обратную от вокзала.

Что же увозят на автомобиле? Живых или мертвых? Три года войны и особенно пережитая революция с кровавыми кронштадтскими, Выборгскими и севастопольскими событиями сильно зачерстили сердца людей, нервы притупились, и общество стало индифферентно ко всякого рода ужасам и злодеяниям, творившимся вокруг него. Утвердилось мнение, что все может быть, все возможно. Поэтому и тогда, когда стало известно, что в Ипатьевском доме в ночь с 16 на 17 июля было, безусловно, совершено какое-то убийство, а вслед за ним из ворот дома в сторону Коптяковского леса ушел с кем-то какой-то автомобиль, в Екатеринбургском обществе распространилась даже такая молва: расстреляны Царь, Боткин и прислуга, а Государыня с Наследником и Дочерьми, после симулирования в доме убийства всей Семьи, были вывезены к шахте в район Ганиной ямы. Там на кострищах была подстроена новая симуляция, как бы сожжение тел всей Царской Семьи, одежды и вещей, а в действительности будто бы у Ганиной ямы Семья переделась с ног до головы и благополучно скрылась. Что это не случайная выдумка, не простой бред, тому подтверждением служит приведенная выше корреспонденция из газеты «Майничи Хроникл», появившаяся в марте 1919 года, где прямо говорилось, что какой-то граф предложил себя расстрелять вместо Царя, что и было исполнено, а Царь, воспользовавшись моментом, скрылся. Разве это не из одного источника с версией о переодевании в районе Ганиной ямы?

Казалось бы, что уже 18 октября 1918 года следствие располагало достаточными данными, чтобы донести властям в Омск и оповестить мир, что «в ночь с 16 на 17 июля в доме Ипатьева была расстреляна вся Царская Семья, со всеми состоявшими при ней лицами, а не один только бывший Государь Император, как сообщали в своем объявлении советские власти».

Но следствие было в руках соплеменника убийц – еврея.

Сергеев в разговоре категорически отрицал причастность к убийству в Екатеринбурге Царской Семьи центральной советской власти в Москве и говорил, улыбаясь, что даже смешно об этом думать. На митингах и перед собранием толпы, где, по-видимому, Сергеев привык говорить во времена керенщины, такие голословные заявления с улыбочками иногда оказывают желательное для оратора впечатление. Но в судебном следствии думают или на основании установленных фактов, или опираясь на обстоятельства и положения, выдвигаемые жизнью и событиями. Сергеев, как и уголовный розыск, на некоторые обстоятельства, выдвигавшиеся показаниями свидетелей, документами, попадавшими в следствие, закрывал глаза и не считался с ними. Уголовный розыск руководствовался стремлением использовать только то, что согласовалось с принимавшейся им в основание работы версией, а Сергеев – стремлением умалить значение совершившегося в Ипатьевском доме злодеяния.

Между тем данные, которые были подшиты у него в деле, совершенно не позволяли так убедительно отстранять руководство центральной власти и во всяком случае были далеки от того, чтобы можно было позволить себе улыбаться перед этим вопросом.

Само объявление советской власти о расстреле бывшего Царя гласило, что постановление Уральского областного совдепа было 18 июля утверждено Президиумом ЦИК. Следовательно, сама центральная власть причисляла себя к преступникам, «расстрелявшим Николая II». Далее Сакович в своем кратком показании говорит, что по вопросу перевозки Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург, когда дебатировался вопрос, каким способом покончить с семьей, были какие-то сношения с центром и указания из центра. У Сергея была подшита к «Делу» телеграмма Белобородова от 4 июля в Москву Исааку Голошкеину: «Сыромолов как раз поехал организовать дело согласно указаний центра...» Наконец, Сергею был известен ответ Пермской чрезвычайки Волкову, интересовавшемуся своей судьбой: «Мы запросим Москву».

Все это данные, которые при желании должны были заставить Сергея очень задуматься над вопросом причастности центра к преступлению, и если он не думал и не изучал этих материалов, то, значит, не хотел. Конечно, они еще не есть доказательство участия в преступлении центральной власти, но ставят вопрос в плоскость возможного, и, значит, думать об этом было не только не смешно, а не думать об этом было преступлением...

Сергеев только 20 февраля, после того как над ним повис дамоклов меч ответственности, впервые отмечает, что убийство Царской Семьи было совершено по предварительно разработанному плану. Между тем опять-таки он располагал в своем «Деле» материалами, которые давали ему полную возможность прийти к такому выводу, и даже в более широком размере, несравненно раньше.

Когда старик Чемадуров давал 16 августа свои показания, он был совершенно больной, утомленный, расслабленный, и Сергеев предоставил ему рассказать столько, сколько он хотел и что хотел, не утомляя его долгими расспросами. Тем не менее выяснилось, что Царская Семья и состоявшие при ней в Тобольске лица были перевезены в Екатеринбург по частям: сначала, 30 апреля, с комиссаром Яковлевым приехали в Екатеринбург и были заключены в Ипатьевский дом Государь, Государыня, Великая княжна Мария Николаевна, профессор Боткин, он – Чемадуров, Седнев – детский лакей и комнатная девушка Демидова. Ехавший с ними генерал Долгоруков был по приезде в Екатеринбург отвезен прямо с вокзала в тюрьму. 23 мая комиссаром Родионовым были привезены в дом Ипатьева наследник Цесаревич, Великие княжны Ольга, Татьяна и Анастасия Николаевны, повар Харитонов, лакей Трупп и мальчик Сиднев. Так как Чемадуров чувствовал себя совершенно больным, то Государь разрешил ему ехать на родину, на что согласился и бывший тогда комендантом дома Ипатьева Авдеев, но утром 24 мая Чемадунова из дома Ипатьева доставили не на вокзал, а в тюрьму, где он и просидел до 25 июля.

Приблизительно в это же время бывший воспитатель наследника Цесаревича швейцарец Петр Жильяр дал Сергею такие дополнительные сведения: после того как Родионов увез с вокзала наследника Цесаревича, трех Великих княжон, Харитонova, Труппа, Нагорного и мальчика Седнева, а вслед за ними другой какой-то комиссар увез графиню Гендрикову, Шнейдер, генерала Татищева и Волкова, всем остальным, приехавшим с Царской семьей из Тобольска, было объявлено: «Вы нам не нужны» – и вместе с тем приказано немедленно оставить пределы Пермской губернии. Так как поезда в то время не ходили вследствие каких-то военных перевозок, то всем оставшимся пришлось еще несколько дней прожить в вагоне на вокзале. Доктор Деревенько через 2–3 дня нашел себе квартиру в городе и переехал туда. В один из этих дней ожидания отправки он, Жильяр, вместе с учителем английского языка г. Гибсом и доктором Деревенько шли по Вознесенскому проспекту, и в то время, когда они проходили мимо дома Ипатьева, они увидели, как из дома под конвоем вооруженных красноармейцев вывели Нагорного и Сиднева, усадили на двух извозчиков и увезли по направлению к тюрьме. При этом Нагорный, садясь на извозчика, обернулся,

увидел их, узнал, долгим-долгим взглядом посмотрел на них, но ничем не выдав, что он их знает, сел, и экипаж скрылся.

Наконец, 20 октября в Екатеринбург прибыл бежавший из Перми из-под расстрела камердинер Государыни Александр Андреевич Волков и дополнил материалы Сергеевского «Дела» следующим рассказом. По его словам, после того как Родионов увез с вокзала наследника Цесаревича и Великих княжон, часа через два на вокзал прибыл комиссар Мрачковский и, вызвав И. Л. Татищева, А. В. Гендрикову, Е. А. Шнейдер и его, Волкова, увез их в тюрьму, где их продержали до 20 июля. В этот день Гендрикову, Шнейдер и Волкова посадили в вагон с 38 другими арестованными и перевезли в Пермь, где опять-таки заключили в тюрьму. 5 сентября ночью Гендрикова, Шнейдер и Волков были доставлены в арестный дом и отсюда вместе с другими заключенными, всего в числе 11 человек, были отведены за город в лес для расстрела. Сообразив, куда и на что их ведут, Волков, уловив удобный момент, бросился в сторону и побежал в лес. По нему было сделано три выстрела, но неудачных, и ему после полуторамесячного скитания удалось выйти на фронт наших войск.

Эти три свидетеля своими показаниями вполне точно устанавливают, кто к 16 июля мог находиться в доме Ипатьева. Это были: бывший Государь Император, Государыня Императрица, наследник Цесаревич, Великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны, профессор Евгений Сергеевич Боткин, комнатная девушка Анна Степановна Демидова, камердинер Алексей Егорович Трупп, повар Иван Михайлович Харитонов и мальчик Леонид Иванович Сиднев. Эти указания вполне совпадали с данными показаний Летемина, Медведевой, Сторожева, Стародумовой и Дрогиной и не могли вызвать сомнений. Мальчик Сиднев 16 июля утром был переведен в казарму охранников дома Попова, где многие его видели сидящим на окне и плачущим. Охранники говорили, что его предполагали отправить на родину, но никто не мог сказать, что с ним случилось в действительности.

С другой стороны, сведения, данные Чемадуровым, Жильяром и Волковым, уже тогда должны были дать следствию вполне определенные указания на то, что самую перевозку Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург советские власти проводят уже по какому-то плану, руководясь обдуманной заранее идеей. В то время эта идея выражается в том, что всю Царскую Семью и некоторых из приближенных собирают в Ипатьевском доме, где и содержат под строгой охраной; часть других приближенных и слуг заключают в тюрьму в Екатеринбурге; остальной части приближенных и слуг объявляют: «Вы нам не нужны» – и высылают за пределы Пермской губернии. Значит, те заключенные и арестованные «нужны» для какой-то цели по какой-то уже тогда обдуманной идее.

Если же опять-таки вспомнить поверхностные показания Саковича о том, что при обсуждении вопроса о перевозке Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург в Президиуме областного совета был поднят разговор о способах уничтожения ее и что были какие-то указания центра, то нельзя не предположить, что выяснившееся распределение перевозившихся на «нужных» и «ненужных» могло быть в связи как с дебатами Уральского президиума, так и с указаниями центральной советской власти в Москве. Это должно было бы навести Сергеева на мысль, что преступление в Ипатьевском доме могло не быть результатом самочинства местной советской власти, как он старался представить его таковым, а явиться не только руководимым из центра, но и выполненным по плану, заранее обдуманному и подготовленному согласно указаниям из Москвы.

Но этими данными материалов следственного «Дела» Сергеева еще не исчерпываются указания на вполне возможную допустимость существования планомерности в преступлениях, совершенных советскими властями в отношении вообще членов Дома Романовых и приближенных им лиц. Еще 5 сентября Сергеев получил найденные в бывшем помещении областного совета некоторые телеграммы, брошенные там бежавшими в спехе комиссарами. Из этих телеграмм одна говорила о будто бы совершившемся побеге 21 июня из Перми Вели-

кого князя Михаила Александровича, а другая – о нападении 18 июля в Алапаевске будто бы белогвардейской банды и похищении ею содержащихся там под стражей Великой княгини Елизаветы Федоровны, Великого князя Сергея Михайловича, князей Иоанна, Игоря и Константина Константиновичей, графа В. Палея, П. Ремеза и сестры Варвары.

Между тем расследованием и дознанием, произведенными распоряжением военных властей, было установлено, что все перечисленные Высочайшие Лица пали жертвами советской власти, и в ночь с 17 на 18 июля, т. е. в следующую ночь после убийства Царской Семьи в Екатеринбурге, были живыми сброшены в старую глубокую шахту в 12 верстах от Алапаевска. 10 октября, после недельной работы, тела перечисленных Высочайших Особ и состоявших при них людей были извлечены из шахты, и дело было передано тому же Сергееву для начала предварительного следствия. Раскрытием этого преступления, с обнаружением тел мученически погибших жертв советской власти, ясно определилась вся лживость официальных советских сообщений в отношении фактов, касавшихся членов Дома Романовых вообще. Для Сергеева, располагавшего вышеприведенными материалами, обрисовавшими планомерность в зверском убийстве тою же советской властью Царской Семьи в Екатеринбурге, эта вторая алапаевская ложь не могла не открыть глаз, если бы он не имел предначертанной себе цели затягивать дело и не торопиться с раскрытием истинной картины, характера и смысла совершенного советскими главарями преступления.

К концу октября следственное производство располагало вполне достаточным материалом для установления не только факта убийства в доме Ипатьева всей Царской Семьи, но и логически вытекавшего из определившихся событий предположения о существовании в замыслах советской власти преднамеренного, планомерного и идейного истребления вообще членов Дома Романовых и близких ему лиц. При этом выяснилось, что для приведения в исполнение своего замысла советские главари были вынуждены стать на путь совершения убийств в тайне, не отказываясь от самых изуверских способов их совершения, но усиленно скрывая свои действия от народных масс, прибегая к различным симуляциям и провокаторскому распространению заведомо ложных сведений.

Таким образом, уже с конца того же октября расследование и изучение обстоятельств зверского уничтожения Царской Семьи в доме Ипатьева должно было, независимо от нахождения или ненахождения тел убитых, естественно понудить Сергеева приняться за разработку данных следственного производства по третьему пункту намеченной им себе программы. А это ставило Сергеева лицом к лицу перед совершенно новыми горизонтами значения Царского дела. Если установление факта убийства в доме Ипатьева всей Царской Семьи было следствием изучения судебного материала после предварительной разработки его следственным производством в интересах юридической законченности расследования преступления, то допустимость предположения о наличии у советских деятелей преднамеренностей, планомерности и идейности в убийстве Царской Семьи, в связи с выяснившимися убийствами других членов Дома Романовых, выдвигала на степень «важнейшей очередной задачи» разработку данных по установлению причин, которыми руководились Исаак Голощекин, Янкель Юровский и прочие руководители этого преступления, целей, которые преследовались этими злодеями, и наконец вдохновителей планомерного истребления членов Дома Романовых. Уже с этого времени ведение «дела об убийстве бывшего Государя Императора Николая II» не столько сохраняло интерес юридического установления факта преступления, сколько определенно приобретало исключительное историческое и национальное значение. Действительно ли Сергеев не заметил своевременно этих исключительных обстоятельств в порученном ему следственном производстве, сказать трудно, но вся его дальнейшая работа продолжала сохранять все ту же узкую юридическую форму в пределах толкования им закона, о которой он говорит в своей докладной записке, оправдывая себя стеснительностью закона. Это был слишком умный человек, чтобы не мочь самостоя-

тельно постигнуть широкого значения развернувшейся перед ним картины преступления и роли в нем определенных советских деятелей как центральной, так и местной власти. Если же он сознавал, но ничем не проявил этого в своей работе, то поведение Сергеева может быть определено только как предумышленное игнорирование, граничащее с соучастием в преступлении, близкое к умышленному укрывательству.

Прокурор Иорданский при обсуждении докладывал, что он всегда сознавал исключительное значение дела об убийстве бывшего Императора и выяснившихся убийств: в Алапаевске – Великих князей и Великой княгини и в Перми – Великого князя Михаила Александровича. Руководясь этим сознанием, дабы производившиеся следствия и расследования согласовывались в исходных данных, протекали по правильным путям и имели должную полноту, определил он для наблюдения ко всем отдельно работавшим группам товарищей прокуроров. Но... ничто не помогало.

Может быть, действительно закон в этом отношении немного узок и воспрещает оказывать, как общее положение, давление на следователя в том или другом направлении его работы по духу и психологии, раз что им соблюдаются основные указания следственного производства по закону, по форме. Прокурор может посоветовать, указать, но не предписать, приказать. Даже само возложение производства предварительного следствия определяется законом словом «предложил», а не «предписал». Отсюда следователь может «принимать» от прокурора указания и советы постольку, поскольку это ему хочется и нужно, легко руководясь в последнем случае только принципом не испортить служебных отношений с прокурором. Поэтому Сергеев продолжал свою деятельность в раз определенном им себе направлении – глубоко не вдаваться и, главное, не торопиться.

Еще в самом начале августа в поселке Верх-Исетского завода жители и рабочие опознали бежавшего от красных и теперь скрывавшегося жителя того же Верх-Исетского поселка Прокопия Кухтенкова, 51 года. В ноябре 1917 года он был комиссаром в Верх-Исетске, затем пошел в Красную армию и воевал на Дутовском фронте, а затем, вернувшись в Екатеринбург, был выбран на должность заведующего хозяйственной частью рабочего коммунистического клуба, где и пробыл до эвакуации Екатеринбурга. Когда большевики уходили из города, ушел и он вместе с ними, но выйдя как-то из поезда во время одной остановки, он уже не попал в него, так как поезд, ввиду приближения наших войск, внезапно ушел. Тогда Кухтенков пробрался через наши линии и вернулся в Верх-Исетск. Здесь жители его узнали, страшно избили и за его прежнее отношение к ним хотели убить. Полиция вырвала его из рук толпы и арестовала.

Кухтенков – хитренькая и подленькая личность, дрожавшая за свою жизнь. Попад в тюрьму, он стал выдавать всех известных ему большевистских деятелей, скрывавшихся, как и он, в городе, и выкладывать все, что ему было известно о былой работе их в Екатеринбурге. Очень скоро по городу распространился слух, что арестовано и содержится в тюрьме лицо, знающее, где большевики скрыли тела членов Царской Семьи, и чуть ли не участвовавшее само в этом убийстве. Рассказывали с его слов и разные подробности совершившегося преступления, называли участников, исполнителей и руководителей.

Только 13 ноября Сергеев вызвал к себе Прокопия Кухтенкова и предоставил ему рассказать о себе то, что нашел нужным показать сам Кухтенков.

«Числа 18–19 июля, – рассказывал он, – часа в четыре утра в клуб пришли председатель Верх-Исетского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Сергей Павлович Малышкин, военный комиссар Верх-Исетска Петр Ермаков и видные члены партии коммунистов: Александр Егорович Костоусов, Василий Иванович Леватных, Николай Сергеевич Партин и Александр Иванович Кривцов. Все они прошли в так называемую партийную комнату; когда я зашел было к ним в комнату, чтобы погасить электрические лампочки, кто-то из собравшейся компании сказал мне: “Товарищ

Кухтенков, уходи, у нас деловой разговор”, – и я вышел из комнаты, а затем вскоре уехал на рынок за покупками; вернувшись с рынка, я уже никого из них в клубе не застал. В следующую ночь, также часа в четыре, те же самые лица, за исключением Малышкина, пришли в клуб; вид у них, как и в прошлый раз, был “воинственный”. Любопытство мое было сильно затронуто, и я решил, насколько возможно, узнать, о чем они совещаются. Было уже светло, и я подошел к партийной комнате, чтобы погасить электричество. Дверь в комнату была не притворена, и, подходя, я услышал сказанную кем-то отрывочную фразу: «Всех их было 13 человек, тринадцатый – доктор». Сказал это не то Партин, не то Леватных. Увидав меня, они сказали: “Уходи”, – а потом один из них (кто именно, не помню) сказал: “Ну ладно, старик, прибирайся, мы в сад пойдем”; я сделал вид, что занимаюсь уборкой помещения и унес в ванную комнату драпировки, а затем вслед за ними потихоньку пробрался в курятник; из курятника я вышел к огороду и через огородную дверь – в огород, смежный с клубным садом. В огороде я подполз к земляничной грядке и стал подслушивать разговор упомянутых в моем показании лиц; они сидели на скамейке на расстоянии нескольких сажен от меня. Прежде всего я услышал следующую сказанную Александром Костоусовым фразу: “Второй день приходится возиться; вчера хоронили, а сегодня перехоранивали...” Восстановить полностью и в связной форме весь происходивший в саду разговор я не могу, так как до меня доходили только отдельные фразы. Из всего мною слышанного я понял, что Леватных, Партин и Костоусов принимали участие в погребении тел убитого Государя и членов его Семьи и своими впечатлениями делились с Александром Кривцовым и комиссаром Ермаковым. Вопросы больше предлагал Кривцов, а объяснения давали и хвастались своими поступками Леватных и Партин... Про Царя говорили, “что пальтишко у него было некорыстное и сам он оброс бородой”. Про Наследника также был разговор; кто-то из собеседников сказал: “Про Наследника говорили, что он умер в Тобольске, ан и он тут”... Кто-то из собеседников начал перечислять убитых; до моего слуха дошли следующие имена: “Никола, Сашка, Татьяна, Наследник, Вырубова, доктор”; называли еще другие имена, но я их не слышал... Далее кто-то говорил, что в одежде были зашиты драгоценные камни: “Пояс подобрал – глядеть не на что, а в нем тоже камни были зашиты”».

Сергеев, оценивая это показание, говорил, что он придал этим сведениям такое важное значение, что даже для проверки Кухтенкова ходил на огород и садился в грядках по указанию Кухтенкова, чтобы установить, мог ли он с того места слышать разговор людей, сидевших на скамейке, и убедился, что мог.

Но далее этого рассказ Кухтенкова развития у Сергеева не получил и был так же, как и все остальное, подшит к «Делу». Пожалуй, что даже проверка Кухтенкова была приведена Сергеевым уже так, в разговоре, или если он действительно и проделал ее, то уже как частный человек, а не как следователь, так как в последнем случае по закону, на который все опирался Сергеев, он должен был бы составить соответственный протокол, какового в «Деле» не было.

А между тем показание Кухтенкова могло быть очень важным; оно первое называло имена некоторых из тех работников советской власти, которые непосредственно участвовали в акте сокрытия тел убитых в Ипатьевском доме. Показание Кухтенкова снова вызывало к жизни вопрос о розысках тел в районе Ганиной ямы, совершенно заглохший после неудачи, постигшей офицеров. Особенно в этом смысле оно было важно для Сергеева, который, согласно своей программе, ставил следственное производство в теснейшую связь с нахождением тел.

Но Сергеев ничего не сделал.

Простым опросом жителей Верх-Исетска выяснилось бы, что представляют собой фигуры Ермакова, Костоусова, Партина и др.: каково их прошлое и какова была их деятельность при большевиках; были ли какие-нибудь связи между этой компанией и Ганиной ямой;

и немного труда стоило бы Сергееву узнать, что Ермаков и его помощник Ваганов были «в близких отношениях» с Исааком Голощекиным, который и поставил Ермакова военным комиссаром Верх-Исетска и при помощи «особого отряда» Ермакова приводил в исполнение все свои кровавые деяния по искоренению контрреволюции и упрочению советской власти в районе Верх-Исетского завода. Сергеев хотя бы из простого любопытства поинтересовался бы спросить Кухтенкова, что он понимает под определением вида совещавшихся деятелей – «воинственный», хотя сам в протоколе поставил это слово в кавычки. Значительно позже жена Леватных определила вид своего мужа в это утро, как и бывших с ним Ермакова, Костусова и прочей компании, словом «грязный» и пояснила, что они все были перепачканы в глине и пыли. Ведь для Сергеева ясное определение вида людей, работавших по сокрытию тел убитых, имело большое значение. Но его ничего не интересовало.

Все эти дефекты, упущения, преступные игнорирования фактов и сведений, получившихся следственным производством, приходится отмечать теперь не ради придачи настоящим запискам критической тенденции, а дабы подчеркнуть более рельефно те причины, которые долго держали истинный характер всех уральских преступлений советской власти против членов Дома Романовых под флером тайны и позволили развиваться в обществе всевозможным версиям и легендам, благоприятным советским главарям и каким-то тайным, мрачным политическим деятелям за границей, преимущественно в Германии. Теперь, когда с падением Омска исчезла серьезная угроза прочности советского режима в России и ненациональные монархические тенденции германофильских российских кружков отошли в далекое будущее, работа агентов того или другого лагеря вокруг Царского дела почти совершенно затихла. Но в то время, когда еще была надежда на возможность победы Омска, оба указанных противника проявляли кипучую деятельность, каждый со своей точки зрения и в своих интересах, в целях затемнить и исказить истину совершившихся злодеяний, оказывая такое сильное влияние на мысль правительственных и общественных кругов, что истина событий подвергалась опасности потеряться для будущей беспристрастной истории переживаемой эпохи.

Выше уже указывалось, как отразилась неудача в поисках тел убитых на офицерах и на уголовном розыске. В следственном производстве согласно программе, намеченной себе Сергеевым, неудача остановила его деятельность в плоскости установления факта – было ли совершено убийство в действительности или нет? Август, сентябрь, октябрь, ноябрь – следственное производство стоит перед этим вопросом, считая недостаточными все те данные, которые разбирались выше, но не предпринимая никаких самостоятельных по своей инициативе шагов для розыска новых свидетелей, новых данных.

Еще первый свидетель Федор Никитич Горшков, рассказывавший свою историю прокурору 29 июля, указал и на источник его сведений, назвал лиц, которые знали детали ужасного зверства, совершенного в доме Ипатьева. Эти лица живут тут же, в городе Екатеринбурге; вызвать их – дело минуты. Но только 6 декабря этот первоисточник данных, послуживших поводом для предварительного следствия, допрашивается Сергеевым. Это Капитолина Агафонова, сестра разводящего охранной команды Анатолия Якимова, скрывшегося из города вместе с большевиками.

«По словам брата, присутствовавшего при казни, – рассказывает Агафонова, – злодеяние было выполнено таким образом: часу в третьем ночи всех заключенных в доме лиц разбудили и попросили сойти вниз. Здесь им сообщили, что скоро в Екатеринбург придет враг и что поэтому они должны быть убиты. Вслед за этими словами последовали залпы, и Государь и Наследник были убиты сразу, все же остальные были только ранены, и потому их пришлось пристреливать, прикалывать штыками и добивать прикладами. Особенно много возни было с фрейлиной: она все бегала и защищалась подушками, на теле ее оказалось 32 раны. Княжна Анастасия притворилась мертвой, и ее также добились штыками и прикладами.

Сцена расстрела была так ужасна, что брат, по его словам, несколько раз выходил на улицу, чтобы освежаться. Кто именно участвовал в расстреле и сколько человек, брат не говорил; помню, что он упоминал о каких-то латышах и говорил, что стреляли не красноармейцы, а какие-то главные, приехавшие из Совета. Этих главных было пять человек. После убийства тела убитых перенесли в автомобиль и увезли в лес».

После этого описания ужасной картины расстрела, казалось бы, не могло быть сомнений в факте совершившегося в доме Ипатьева преступления. Агафонова, подтвердив в общем показания Якубцева, Летемина, Старковой, Марии Медведевой, дала новые существенные для дела указания, что в расстреле участвовали латыши и пять каких-то главных, приехавших из Совета. Данная эта была существенной не только в юридическом отношении: она указывала, что для расстрела руководители преступления почему-то не воспользовались людьми охраны, состоявшей, как известно, из русских рабочих, а прибегли к «латышам» и каким-то «главным» из Совета. То же говорил и Старков своей матери, что их, рабочих, в эту ночь не пустили в дом; то же говорила и Мария Медведева со слов своего мужа, что кроме него никто из охранников участия в расстреле не принимал.

Если бы в Екатеринбурге между военными властями, занимавшимися расследованием, с одной стороны, уголовным розыском – с другой и гражданским следствием – с третьей, существовали нормальные взаимоотношения, сотрудничество и доверие в достижении одной цели, то, вероятно, даже при наличии рассмотренных выше материалов дело о расстреле бывшего Государя Императора было бы уже значительно более освещено и раскрыто, чем это оказалось в действительности к 22 января. Много времени для раскрытия истины было потеряно; много следов преступления успело сгладиться и исчезнуть безвозвратно, а Исааки Голощекины, Янкелы Свердловы – из одного лагеря и Соловьевы и Марковы – из другого продолжали успешно творить свое дело, злое дело на Руси и для России. Выше уже говорилось, что прокурор Иорданский, по его словам, стремясь улучшить положение дела, определял для наблюдения к отдельно работавшим организациям товарищей прокурора, но указанные уже причины внутреннего характера, а часто и личного свойства не помогали объединению работы в одном направлении и дружном усилии. Мало того, товарищ прокурора Пермского окружного суда Тихомиров не только не содействовал своему прокурору Шамарину в деле собственного направления работы уголовного розыска, но, опять в тайне, всецело, несмотря на предупреждения прокурора, поддерживал ложность путей, избранных уголовным розыском в работах по Царскому делу. Уже после передачи дела следователю Соколову и ликвидации деятельности военно-уголовного розыска прокурору Шамарину было предъявлено на заключение дознание, изъятые от бывших чинов уголовного розыска. Шамарин, ознакомившись с ним и с определявшейся в нем деятельностью Тихомирова, был вынужден высказать в заключение: «Я теперь ясно вижу, что моих советов Тихомиров не послушался и свою деятельность, направленную на рекламирование и восхваление деятельности Кирсты, от меня скрыл».

Могло ли что-нибудь подобное быть в прежнее время, чтобы товарищ прокурора тайно от своего патрона входил в соглашение и поддерживал лицо уголовного розыска, с деятельностью которого не был согласен прокурор? Такое положение могло создаться только как результат разврата, внесенного керенскими судебными реформами и общей расшатанностью моральных начал, как наследие революции 1917 года. Можно ли было при таких условиях ожидать, чтобы правда о злодеянии, совершенном Исааком Голощекиным и Янкелем Юровским в Ипатьевском доме, вышла бы когда-нибудь наружу?

Когда в Омске обсуждался вопрос о рамках, которые должны быть определены для расследования и следствия по Царскому делу и Верховному правителю доложено было о размерах и характере злодеяния, совершенного советскими властями в Ипатьевском доме, то адмирал Колчак возмущенно заметил: «Как же мне докладывал министр юстиции, что

Царская Семья была в Перми и что даже Великой княжне Анастасии Николаевне удалось бежать?»

Очевидно, и в Омске министру юстиции Старынкевичу версия, распушенная Кирстой и Тихомировым, была почему-то более по сердцу, чем данные официального следствия. Старынкевич – социалист-революционер; будучи при царском режиме присяжным поверенным, за какие-то политические провинности был сослан в Сибирь. По воцарении Керенского Старынкевич самовольно покинул место ссылки, прибыл в Иркутск и здесь, пользуясь различными революционными путями и приемами, самолично сделался прокурором Иркутской судебной палаты, донеся, конечно, о сем Керенскому. Керенский, будучи в то время министром юстиции Временного правительства, утвердил Старынкевича в должности. При формировании министерств в Омске, при общем недостатке людей, Старынкевич явился кандидатом с высоким цензом «бывшего прокурора судебной палаты» и был назначен министром юстиции. Едва ли будет ошибкой предположить, что, вероятно, в этих чертах краткой биографии Старынкевича кроются основания причин, почему прокурор Иорданский не получал ответов на свои запросы о руководящих указаниях для следственного производства по делу об убийстве бывшего Государя Императора. Старынкевич интересовался истиной о злодеянии, совершенном советскими властями в Ипатьевском доме постольку, поскольку ее мог обьять «кратенький доклад для прочтения его перед сном».

Верховный правитель, ознакомившись с общими условиями производства следствия и расследования по делу об убийстве бывшего Государя Императора и его Семьи и с условиями взаимоотношений между отдельными ведомствами в Екатеринбурге, дабы поставить дело исследования на новых началах, принял решение без министра юстиции, на свою личную ответственность. Предписание об изъятии следственного производства от члена суда Сергеева и расследования от военных властей Екатеринбурга и Перми с передачей всего материала, вещей и вещественных доказательств по делу, впредь до назначения нового следователя, в особую комиссию было подписано Верховным правителем и скреплено подписью правителя в его собственной канцелярии.

23 января 1919 года в присутствии прокурора Екатеринбургского окружного суда Иорданского предписание было предъявлено члену суда Сергееву, и приступлено к составлению описей и приему по ним всего следственного производства, относящихся к нему вещественных доказательств и вещей, не причисленных следствием к категории вещественных доказательств, но собранных в доме Ипатьева, отобранных от разных семей красноармейцев и у других жителей города Екатеринбурга. Эта приемка дел и вещей потребовала целой недели времени, так как описей вещей раньше составлено не было. Вещей же в общем было довольно много, почему Сергеев был в состоянии по данному ему времени составить лишь краткие описи, не разбирая сундуков и ящиков, а опечатывая их печатями Екатеринбургского суда.

Вместе с тем до прибытия нового судебного следователя Сергееву было разрешено продолжать следственное производство, дабы перерыв работы не отразился неблагоприятно на самом деле. Почувствовав, что ему могут угрожать крупные неприятности за его бездействие, и дабы избежать вполне определенных обвинений, Сергеев неожиданно проявил чрезвычайную энергию и распорядительность и в течение дополнительного одного месяца работы сделал гораздо больше, чем за все предыдущие семь месяцев. Дело в том, что в его распоряжении для розыскного дела состоял способнейший и, пожалуй, единственный в то время в Сибири вполне честный агент сыска С. Алексеев, работавший не из-за средств, а по врожденной любви и ревности к этому делу. Бывший исправник, он имел громадный опыт сыщика и большое знание души преступника, и где даже старым прокурорам не удавалось добиваться правды, он легко беседой подводил преступника или свидетеля почти к полной откровенности.

Сергеев теперь решил использовать Алексеева и двумя предписаниями – от 28 января и 6 февраля – дал ему для обследования вполне определенные указания для розыска по Царскому делу. Результаты не замедлили сказаться.

30 января Алексеев находит машиниста паровоза Павла Логинова, который вел эшелон с комиссарами из Екатеринбурга, и от них много слышал про убийство Царской Семьи.

4 февраля – задерживает помощника шофера автомобиля Иосифа Мельникова, возившего 18 июля Исаака Голощекина в Коптяковский лес.

11 февраля Алексеев находит в Перми и арестует Павла Медведева, начальника охранников, участвовавшего непосредственно в расстреле Царской Семьи.

21 февраля – задерживает охранника Филиппа Проскурякова, хорошо знавшего все подробности убийства.

16 марта – находит Привалову и Ускова, свидетелей, видевших проход грузовика с телами в Коптяковский лес.

Наконец, 2 апреля Алексеев находит и арестует разводящего охранной команды Анатолия Якимова, брата Агафоновой, присутствовавшего при расстреле.

Если бы Сергеев в свое время проявил то же рвение к делу, какое показал теперь, то, вероятно, Алексеев за минувшие семь месяцев по свежим следам доставил бы ему богатейший материал для дела и не выпустил бы из своих рук такого свидетеля, каковым был Сакович. Но теперь и для Алексеева работа сильно усложнилась, так как слишком много времени было потеряно и многие из исполнителей преступления успели рассеяться по всей Сибири, скрываясь в глухих местах.

Во всяком случае, Сергееву уже не пришлось пользоваться всеми этими лицами, и они попали на изучение к новому следователю.

По рекомендации бывшего Пензенского губернатора князя Голицына для дальнейшего ведения следствия был избран бывший судебный следователь по особо важным делам при Пензенском окружном суде Николай Алексеевич Соколов, бежавший из советской России и пешком пришедший к нам, пройдя через линии расположения красных войск. Назначение Соколова состоялось 7 февраля 1919 года.

Выводы первого периода расследования и следствия

На этом кончился первый период попыток частных лиц, военных организаций и официальной судебной власти города Екатеринбурга раскрыть преступление, совершенное советскими властями в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Ипатьевском доме, и пролить свет на действительную судьбу, постигшую Августейшую Семью.

Оставляя в стороне нескольких отдельных охотников, пытавшихся самостоятельно вести поиски, но не оставивших по себе никаких документальных следов, можно заключить, что за этот период работы по раскрытию преступления велись одновременно, но мало объединенными тремя разнородными по характеру, духу и технической способности группами: офицерской, уголовного розыска и официальной следственной. Каждая из этих групп избрала для своей работы какую-нибудь одну из областей исследования и, ведя свою деятельность почти без всякой связи с данными, получавшимися другими группами, оставила по своим трудам в «Деле» материалы, позволившие при последовавшем исследовании судить как о целях, преследовавшихся данной группой работников, так равно и о том, что, в какой мере и в какой степени целесообразно было выполнено в избранной области исследования этой группой.

Офицерская группа избрала своей деятельностью область отыскания тел убитых членов Царской Семьи. Официальная следственная группа – область установления факта, было ли совершено в доме Ипатьева убийство всей Царской Семьи или нет. Уголовный розыск,

стоя между этими двумя группами и критически относясь к деятельности как одной, так и другой указанной группы, избрал для своих изысканий область установления различных версий вообще об исчезновении Царской Семьи из дома Ипатьева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.